

Валентин Рич
**Последний
мутант**

2014

**Валентин Исаакович
Рич (Рабинович)**

**ПОСЛЕДНИЙ
МУТАНТ**

Паровая типолитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2014

Валентин Исааковича Рабинович (Рич). Последний мутант. – Москва, Паровая типолитография А.А.Лапудева, 2014 – 271 с., илл.

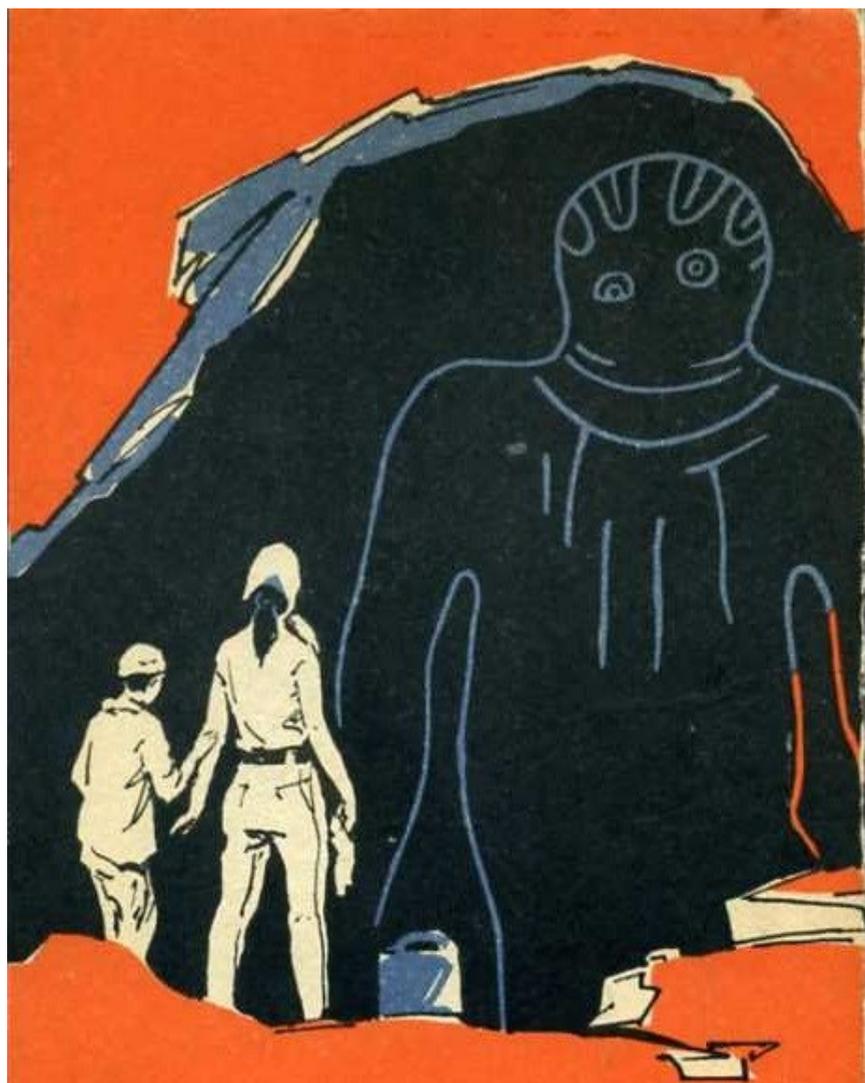
Впервые под одной обложкой собраны все фантастические произведения советского писателя-фантаста В.И.Рича. Также представлена избранная публицистика. В издании сохранены оригинальные иллюстрации.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Все материалы получены из открытых источников.

© В.И.Рабинович (Рич), 1958–2003

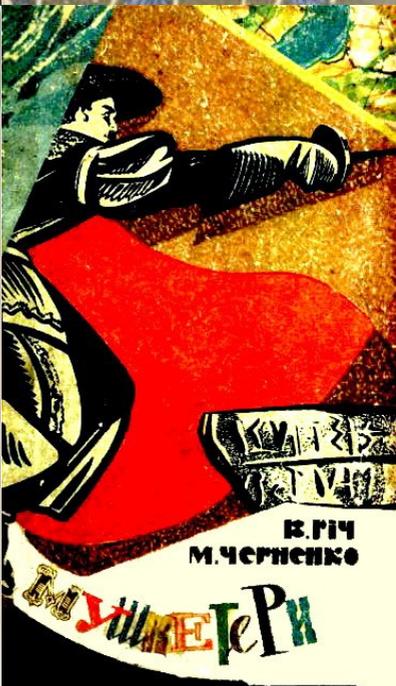
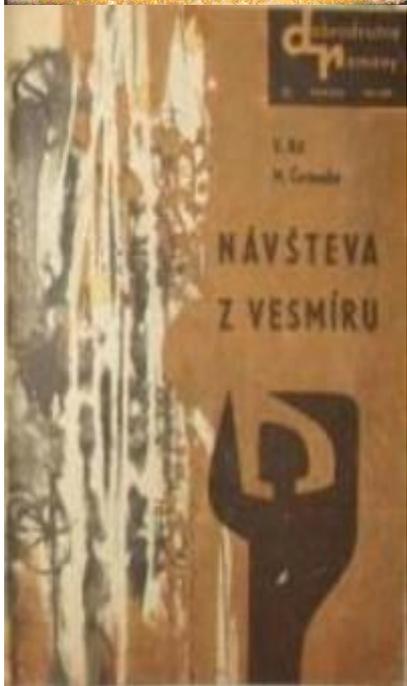
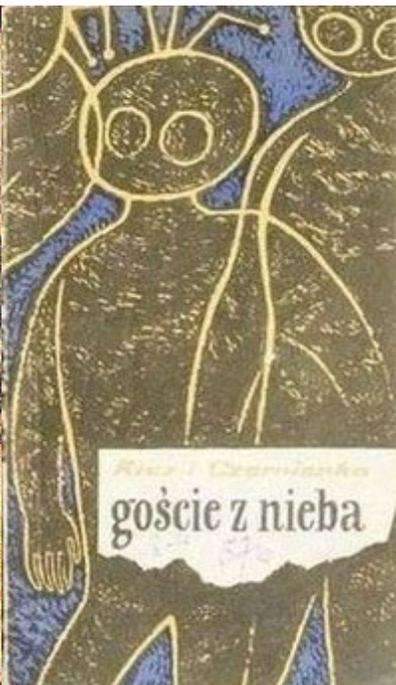
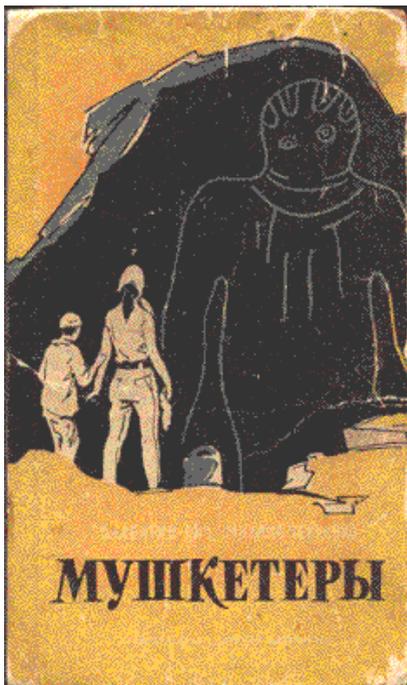
© Паровая типолитография А.А.Лапудева, состав, редактирование, 2014

ВАЛЕНТИН РИЧ, МИХАИЛ ЧЕРНЕНКО

МУШКЕТЕРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

События, о которых рассказывается в книге, — поиски вымпела, будто бы оставленного на Земле жителями другой планеты, — никогда не происходили на самом деле. Науке пока неизвестны факты, которые говорили бы о том, что на нашей планете побывали некогда пришельцы из космоса. Однако фантастичность сюжета не помешала авторам убедительно показать романтику научного поиска, дружбу и товарищество, свойственные молодым советским учёным.

**СОШЕДШИЕ
СНЕБА**

МЪШКЕТИРИ

МЪЛАНКИЦВО
ДИТЯЧИ
ЛИТЕРАТУРА
«БЕСИКА»
Кюль 1967

Ч
А
С
Т
И
Н
А

1

Глава первая
ОТКРЫЛАСЬ ДВЕРЬ, И В КОМНАТУ ВОШЁЛ НЕИЗВЕСТНЫЙ

Честное слово, мы не хотели начинать свою книгу фразой, с которой начинается добрая половина всех приключенческих романов, повестей и рассказов. Это получилось помимо нашей воли.

Каждый, кто хоть раз в жизни написал что-нибудь — скажем, классное сочинение или заметку в стенгазету, — отлично знает, что самое трудное — придумать начало. Вероятно, если бы можно было начинать сразу с середины, то знаменитых писателей стало бы куда больше, чем сейчас.

Но даже те, кому довелось на своём веку написать сто классных сочинений и тысячу заметок в стенные газеты, вряд ли представляют себе, как трудно выбрать начало, если пишешь не один, а вдвоём.

Когда все события, происшедшие с героями этой книги, стали известны авторам во всех подробностях, между ними состоялся такой разговор:

— Давай начнём с того, как Халид попал в таинственную пещеру. Когда я был ребёнком, я до смерти любил читать про мальчишек, попадающих в пещеры.

— Ты был несовременным ребёнком. Вот когда я был ребёнком, все мои друзья больше всего на свете любили читать про шпионов. Так что начнём со Смита, с того, как он...

— Постой! Разве дело в Смите? Кто такой этот Смит? Пятая спица в колесе! Давай брать быка за рога! Напишем сразу же о том, как Майя обнаружила в ущелье...

— Тоже мне бык! Главное — не кто нашёл, а что нашли. Почему бы не начать прямо со звезды?..

— Начать с конца? Чтобы каждый уже в начале книги узнал, чем всё кончилось? Какой же дурак станет читать дальше?!

— Что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю начать с того, как Халид попал в пещеру... Когда я был ре...

— Ты был несовременным ре...

И так далее.

После того как вся эта пластинка прокрутилась два раза, мы решили посоветоваться с одним очень опытным человеком.

Очень опытный человек выслушал нас с мудрой улыбкой и спросил:

— Ну, а на самом деле с чего всё началось?

— С Серёгина! — ни минуты не раздумывая, воскликнул один из нас.

— С того, как открылась дверь и в комнату вошёл неизвестный! — моментально добавил другой.

— Вот и хорошо, — ласково сказал опытный человек. — Как было, так и пишите.

Открылась дверь — и в комнату вошёл неизвестный.

Это случилось в субботу, 5 февраля 196... года, в 14 часов 59 минут по московскому времени. Именно такое время показывали стрелки часов, взглянув на которые Леонид Серёгин с удовольствием подумал, что рабочий день в редакции кончается ровно через минуту. И что через две минуты он уже будет мчаться к автобусу, идущему на лыжную базу.

Он запер ящики письменного стола и, услышав стук двери, поднял глаза.

Перед Серёгиным стоял невысокий худощавый человек лет двадцати пяти с удивительно знакомым лицом. Не могло быть никаких сомнений, он много раз видел эти весёлые, умнейшие, чуть навывкате глаза, курчавые с рыжинкой волосы, энергично сжатый рот.

«Возможно, что сам Пушкин был ещё больше похож на свои портреты, — пронеслось в голове у Серёгина. — Но даже ближайшие родственники поэта наверняка походили на него гораздо меньше, чем этот посетитель».

— Здравствуйте, — сказал вошедший.

— Здравствуйте, — машинально произнёс Леонид, не отрывая взгляда от взлохмаченных кудрей незнакомца. — Вам, очевидно, нужен отдел поэзии, а здесь...

Губы у вошедшего чуть дрогнули, словно он хотел улыбнуться, но потом удержался.

— Я думаю, в наше время он занимался бы не стихами, а кибернетикой или радиоэлектроникой. Впрочем, поручиться не могу. Но мне нужен именно ваш отдел.

Незнакомец шагнул к столу и положил на него жёлтый портфель такой толщины, что в нём спокойно могли поместиться «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «История Пугачёвского бунта» и ещё десяток книг.

Серёгин с ужасом смотрел на посетителя. В редакции нельзя сказать: «Простите, товарищ, рабочий день окончен, зайдите завтра». Завтра, по всей вероятности, уже будет поздно: либо устареет новость, которую принёс посетитель, либо сам он окажется уже не в Москве, а где-нибудь на Дальнем Востоке.

С видом обречённого Серёгин показал обладателю гигантского портфеля на кресло.

Рукопись, которую вытащил незнакомец, оказалась неожиданно тонкой — каких-нибудь пять-шесть страничек, сколотых скрепкой.

«Если умело взяться за дело, — подумал Серёгин, — вечер можно ещё спасти!»

И не глядя перевернул первую страницу. Всё равно все авторы, как правило, приступают к сути дела только на второй, — на первой они ещё только собираются с духом.

На второй странице Серёгин прочёл:

«...рабль, управляемый Обладателями Разума из далёких областей космоса, побывал на нашей Земле...»

— Очень интересно, очень! — произнёс он как можно любезнее. — Но научной фантастикой занимается не отдел науки, а отдел художественной прозы. Так что простите...

Серёгин развёл руками и приподнялся, как бы заканчивая разговор.

— Так что простите, — повторил Серёгин, — но я ни чем...

Однако незнакомец и бровью не повёл.

— Уже простил, — не спеша произнёс он. — А теперь, пожалуйста, прочтите мою статью.

— Статью? — с плохо скрываемым раздражением спросил Серёгин. — Статью о том, что корабль из космоса посетил Землю?

Незнакомец невозмутимо кивнул головой.

«Человек со странностями, — подумал Серёгин. — По меньшей мере, со странностями. Глаза блестят и волосы взлохмачены. Надо по-

осторожней. Главное, не вступать в спор. Сделать вид, что всё в порядке».

— Ну что же, — бодро сказал он. — Хорошо! Оставьте вашу статью. Мы с ней внимательно ознакомимся, обсудим с товарищами и тогда дадим вам знать.

Серёгин поднял глаза и встретился с пристальным взглядом посетителя.

Что бы ещё такое сказать ему?..

— Можете не сомневаться, вашу статью прочтут со всей доброжелательностью... Кстати, нет ли у вас какого-нибудь флажка с Большой Медведицы? Знаете, выпела или значка, оставленного этими самими... о которых вы пишете. Если есть, берите портфель и выложите!

Серёгину очень понравилась собственная мысль. Главное, быть с этим гражданином логичным до конца. Он слышал когда-то, что нет никого логичнее сумасшедших.

Действительно, посетитель принял эти слова как должное. Он снял портфель со стола, поставил его на колени, щёлкнул одним из многочисленных блестящих замков и мгновение спустя положил на рукопись небольшой предмет — что-то вроде лампочки от карманного фонарика.

Губы незнакомца дрогнули во второй раз, но он, как и прежде, сдержал улыбку, поднялся с кресла и сказал:

— Я не сомневаюсь, что моя статья попала в надёжные руки. Если вы захотите видеть меня завтра, то прошу звонить до десяти утра. Всего хорошего!

Несколько минут Серёгин прислушивался к шагам в коридоре, опасаясь, что странный посетитель вернётся.

Наконец он осмелился выглянуть за дверь. Там не было ни души.

Со вздохом облегчения Серёгин вытащил сигарету и щёлкнул зажигалкой.

На столе что-то ярко сверкнуло.

Серёгин взял маленький предмет, который принял раньше за лампочку. Предмет был прохладным, блестящим и полупрозрачным, словно драгоценный камень. По форме он действительно напоминал лампочку или грушу.

Серёгин ещё раз щёлкнул зажигалкой, и в глубине этой странной груши вспыхнул таинственный голубоватый отсвет.

— Что за чертовщина! — вслух произнёс Леонид. — А ну-ка, посмотрим адрес...

На последней странице рукописи было напечатано: «Кандидат физико-математических наук М. Белов, Московский институт астрономии».

Глава вторая
САММИЛИТ № 17

Хорошо, что Серёгину не пришлось в голову проследить за странным посетителем, а то бы он окончательно уверился в своём нелестном для Матвея Белова предположении.

Сбежав с лестницы, Белов спросил гардеробщицу:

— Скажите, пожалуйста, какой сегодня день?

— Сегодня суббота, — осторожно ответила пожилая женщина.

Посетитель рассмеялся. Потом пробормотал: «Бедный Серёгин». Снова рассмеялся: «Суббота!» — и выскочил на улицу. Гардеробщица с опаской посмотрела ему вслед.

Белов остановился, увидел зелёный огонёк такси, поднял руку:

— Ломоносовский!

Всю дорогу он сосредоточенно молчал. Только в самом конце пути задумчиво спросил шофёра:

— Сегодня действительно суббота?

— Совершенно справедливо, — усмехнулся шофёр. — А вчера, между прочим, была пятница. А завтра будет воскресенье. Можете считать, что получили полную информацию! Приехали...

Расплатившись, Матвей вышел из машины, взглянул на тёмные окна института и распахнул тяжёлую дверь.

Сочувственно улыбаясь, вахтёр протянул ему ключ от лаборатории:

— Что ж не отдыхаете?

— Успеется! — уверенно ответил Матвей и, перескакивая через ступеньку, побежал вверх по лестнице.

Надо спешить! Уже двадцать шесть лет, а как мало сделано!

Школа, университет, сто сорок пять метеоритов и шестнадцать саммитов — этих странных созданий природы.

Что знал он о саммититах четыре года назад, когда впервые положил на ладонь блестящий полупрозрачный предмет? Почти ничего. Знал, что первые сто лет после того, как в пустыне, возле оазиса Саммили, нашли несколько десятков таких груш, никто не сомневался, что это стекло. Не совсем обычное, непонятно как попавшее сюда и неизвестно кем сделанное, но стекло.

Затем большинство учёных стали считать саммититы особым видом небесных камней — метеоритов. Правда, никто и никогда не наблюдал их падения. На Землю падали другие метеориты — каменные или железные. Но было немало объяснений исключительности саммититов. Один известный учёный даже допускал, что это кусочки Луны, вышибленные из неё кометой и рикошетом попавшие на Землю...

Теперь Матвей кое-что знает об этих таинственных предметах, похожих на затвердевшие большие капли.

Белов включил термоанализатор. Мягко зажужжали реле, и рядом с большим стеклянным экраном поднялся узкий столбик света —

внизу вишнево-красный, выше розовый, ещё выше жёлтый, затем белый и на самом верху голубой.

— С чего начнём? — громко сказал Матвей и посмотрел на длинный стол, уставленный самыми разнообразными вещами: стеклянными и фарфоровыми сосудами, пластмассовыми игрушками, металлическими слитками, камнями. На прикреплённых к ним этикетках были цифры, означавшие самые высокие температуры, действию которых подвергались эти предметы. На тяжёлом и тёмном свинцовом слитке стояло «327». На таком же тяжёлом, но светлом, платиновом, — «1755». Самое большое число — «2200» — было записано на этикетке, приклеенной к сверкающему острыми гранями чёрному кристаллу.

Белов уви́кнув термоанализатор...

Белов взял за уши белого пластмассового зайца, открыл крышку прибора и опустил туда игрушку.

Экран остался тёмным. Столбик света ничуть не изменился. Значит, этого зверя изготовили при температуре меньше четырёхсот градусов.

Следующим был стакан, обыкновенный гранёный стакан из зеленоватого стекла. Экран сразу же засветился тёмно-багровым огнём.

Матвей положил руку на маленький штурвал рядом с экраном. Стрелка на циферблате прибора медленно сползла с нуля и пошла по кругу. Когда она достигла числа «654», экран погас. Сбоку, на светящемся столбике, появилась чёрная полоска — как раз напротив багрового цвета.

Через минуту в анализаторе находился уже не простой стакан, а тончайшая колба из самого тугоплавкого кварцевого стекла. Экран загорелся алым огнём. Белов повернул штурвал. Экран погас. Стрелка на циферблате остановилась у числа «1 800». Если саммиты — продукт древнего стекольного производства, то эта величина для них предел.

Матвей открыл ящик стола, вынул оттуда большую полупрозрачную каплю и положил её в прибор.

Ого, как вспыхнул экран! Голубое сияние залило всю лабораторию. Засверкали на столе стаканы и колбы, голубые зайчики запрыгали по стенам и потолку. А столбик у экрана стал еле виден. Белов повернул штурвал до отказа. Стрелка на циферблате сделала полный оборот и остановилась. Экран светился по-прежнему. Он погас только после того, как саммит снова очутился на столе.

Нет, саммит — не стекло! Никакие египтяне, никакие вавилоняне никогда не могли изготовить ни одного саммита! Это Матвей понял ещё год назад.

И всё же год назад, да что там год — ещё месяц назад он ничего не понимал. Или стекло — или метеорит... Раз не стекло — значит, метеорит. Раз не метеорит — значит, стекло... Так и твердил, вслед за учебниками, как попугай. Как будто в мире существуют только эти две возможности: или — или.

Прибор проверен. Теперь можно переходить к новым образцам, полученным только сегодня утром.

Первым лёг в анализатор тяжёлый гладкий камень — обломок метеорита. Экран ярко осветился. Радужный столбик перерезала чёрная полоска. Стрелка на циферблате показала «43 000». Матвей выключил прибор и записал результат. Когда-то камень был нагрет до сорока трёх тысяч градусов...

Осколок другого метеорита.

Тридцать восемь тысяч градусов...

Всё правильно. При полёте через плотные слои атмосферы небесные камни не могут раскалиться сильнее.

Белов бережно опустил в прибор саммитит и завинтил крышку. Как-то покажет себя этот, семнадцатый по счёту образец?

Комната озарилась нестерпимо ярким бело-голубым сиянием, и колбы на столе засверкали, как электрические лампы.

Стрелка мгновенно описала полный круг, но сияние не уменьшилось. Несколько минут Матвей сидел зажмурившись, потом выключил прибор. Сразу стало темно.

Когда глаза привыкли к свету обыкновенной лампы, он придвинул к себе лист бумаги и записал: «Саммитит № 17 — предел измерения прибора 100 000 градусов, температура образования не установлена».

Правильно или неправильно поступил он, отдав рукопись в редакцию?

Доказательства происхождения саммититов у него ещё нет. Но почему же он должен корпеть один, словно средневековый алхимик, и хранить полное молчание, если уверен — уверен! — что ему посчастливилось напасть на первую тропинку, которая приведёт к открытию?

Матвей держит на ладони полупрозрачную, мерцающую в слабом свете настольной лампы каплю.

— Хотел бы я посмотреть на тех, кто тебя нагревал! Как ты думаешь, увижу?

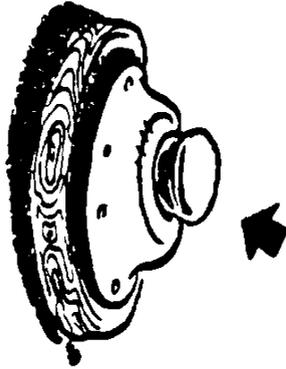
За окном вспыхнули голубые огоньки. Вспыхнули — и медленно, словно остывая, пропали в темноте.

Это всего-навсего искры, высекаемые бугелем проезжающего троллейбуса. Но Матвей видит огненные следы уходящих с Земли межзвёздных кораблей, а на том месте, откуда они рванули в небо, — медленно остывающие, оплавленные камни...

Глава третья

D'Артаньян де Тарасюк

На двери, на том месте, где обычно висит табличка с фамилиями жильцов и цифрами — кому сколько раз звонить, белел большой квадратный кусок толстого картона. На нём красовался усатый мушкетёр в алом плаще с крестом, указывающий шпагой на кнопку звонка.

Пятнадцать лет назад, когда третьеклассник Лёня Серёгин впервые увидел эту дверь, рядом с мушкетёром была надпись:

«Здесь живёт твой брат и друг — д'Артаньян де Тарасюк».

Серёгин отряхнул с пальто снег, потрогал в кармане таинственную грушу и нажал кнопку.

Хорошо, что всё это случилось зимой, а не летом. Гришу Тарасюка можно было застать дома только зимой. Летом он находился «в поле» — то в Средней Азии, то на Енисее, а то и на Чукотке. Но зимой археологи обычно сидят в своих институтах и возятся с тем утилём, который успели откопать за лето.

Раздались быстрые шаги, и дверь распахнулась во всю ширину. В коридоре стоял баскетбольного роста человек с чёрными усами — не такими роскошными, как у мушкетёра на двери, но всё же с настоящими усами. Не выразив удивления по поводу неожиданного визита в полночный час, хозяин сделал приглашающий жест.

Пока Серёгин стаскивал с себя пальто, де Тарасюк с любопытством всматривался в его лицо и наконец произнёс:

— Из дому выгнали или из газеты?

— Пока держат, — пробурчал Леонид. — Но скоро выгонят...

— За что? Опять написал, что турбину вращает электричество?

— Вот вызову тебя сейчас на дуэль, — мрачно пообещал Серёгин, — тогда будешь знать!

— Прекрасно!

Тарасюк вскочил на диван, снял со стены одну из висевших крест-накрест рапир, сделал выпад в сторону гостя и продекламировал:

Как небо — бархат голубой.

Горит, как солнце, сталь.

Эй, мушкетёры, кто со мной?

Скачи в Пале-Рояль!

Летит земля из-под копыт,

И плащ, как парус, бьёт.

И всё вокруг назад летит,
А мы — летим вперёд!

Чтоб улыбаться среди бед,
Чтоб целый белый свет
Сошёлся клином на клинке,
Зажатом в кулаке!

Он метнул рапиру в большой пробковый шар на тумбочке в углу комнаты, подкрутил усы и весело проговорил:

— Ну, брат, выкладывай, что за беды у тебя?

Вместо ответа Серёгин протянул ему тонкую пачку листов, сколотых скрепкой.

Тарасюк погрузился в чтение.

Первый раз он прочёл рукопись очень быстро и стоя. Второй раз — очень медленно и сидя. В третий раз он прочёл только конец, и притом вслух.

— «Всё изложенное выше позволяет сделать следующие выводы.

Первое. Обнаруженные нами особенности физических характеристик вещества саммитов не позволяют отнести их ни к одному виду известных на Земле естественных или искусственных образований.

Второе. Есть основания предполагать, что названные предметы подвергались действию таких высоких температур, которые не могут возникнуть при прохождении небесного тела сквозь плотные слои атмосферы перед падением на Землю. Согласно результатам наших исследований, обнаруживаемые на Земле метеориты действию подобных температур никогда не подвергались.

Третье. Допустимо предположение, что саммиты образовались при температурах, возникающих при работе мощных ядерных двигателей.

Четвёртое. Вполне вероятно, что специалисты в других областях науки могли бы назвать десятки других фактов, свидетельствующих о возможном посещении нашей планеты разумными существами из других миров.

Пятое. Настало время изъять вопрос о посещении нашей планеты посланцами иных космических цивилизаций из монопольного ведения сочинителей фантастических литературных произведений и приступить к систематическим поискам вымпела, который мог быть оставлен на Земле».

Тарасюк аккуратно положил рукопись на стол, лёг на диван, положил ладони под затылок и принялся изучать потолок.

Через несколько минут он равнодушным тоном осведомился:

— Ты эту штуку сам выдумал?

— К сожалению, не сам. А что, задело?

— Докажи! — не отвечая на вопрос, всё тем же равнодушным тоном произнёс Тарасюк.

— Пожалуйста!

Серёгин осторожно извлёк из кармана и положил на диван голубоватый каплевидный предмет. Тарасюк не торопясь поднялся, взял лупу и принялся рассматривать камень.

— И как эта штука называется? Саммит?

Серёгин молча кивнул.

Тарасюк подошёл к полке, достал одну из больших тёмно-синих книг, стоявших на самом верху.

— Смотри, смотри! — сказал Серёгин. — Том двенадцатый, страница сто сорок шестая, между «Саммером» и «Самнитами» ни черта нет.

— Ты прав, — подтвердил Тарасюк, захлопывая книгу и ставя её на место. — И всё-таки пришло время изъять этот вопрос из ведения сочинителей и приступить к поискам? Так, что ли?

— А ты как думаешь? — осторожно спросил Серёгин.

— Что ж тут думать! — воскликнул Тарасюк. — Приступать так приступать! Но где-то я уже слышал это слово. Саммиты... Саммиты...

Он медленно, одну за другой рассматривал полки. Иногда вытаскивал какую-нибудь книгу, раскрывал и тотчас же ставил её на место.

Наконец, поднявшись на цыпочки, не без труда достал с самого верха невзрачную книжонку без переплёта, удовлетворённо хмыкнул и, перелистав с десяток страниц, протянул её Серёгину:

— Читай!

Леонид прочёл:

— «Саммили — оазис в Аравийской пустыне, в двухстах милях от Хирбетского нагорья. Расположен в необитаемой местности. Высота — 800 метров над уровнем моря. Климат континентальный. Дороги отсутствуют. Достопримечательности отсутствуют. Известен находкой предметов, относимых учёными к изделиям стекольного производства древних народов».

— Понял? — Тарасюк выразительно посмотрел на друга. — Книжка-то 1923 года. Пока что всё сходится... Постой, постой! Как там написано — «в двухстах милях от Хирбетского нагорья»? Тот самый Хирбет!

— Какой тот самый? — недоумевающе протянул Серёгин.

— Если не считать работников справочных бюро, то самые неосведомлённые люди на земле — журналисты, — отметил Тарасюк.

— А всё-таки?

— Неделю назад одна французская газета опубликовала фотокопию пергаментного свитка, недавно найденного близ Хирбета. В свитке упоминается Христос. А рукопись — второго века до нашей эры. Понятно?

Серёгин помотал головой.

— А я думал, наша эра начинается со дня рождения этой мифической личности...

— Правильно думал! — подтвердил Тарасюк.

— Как же может человек появиться на свет до своего рождения?

— Действительно, странно. Не ты один — весь мир удивляется...

— А у тебя не завалилась случайно эта газетка?

— Чего нет, того нет. Мне ведь, сам понимаешь, что бог-отец, что бог-сын — одна сатана... Сам факт интересен. В наше время найти такую древнюю рукопись... Хотел бы я побывать в этом Хирбете!

Тарасюк схватил стул, водрузил на него табуретку, придвинул всё сооружение к двери и полез наверх — на антресоли.

Серёгину не оставалось ничего другого, как ухватиться за табуретку и поддерживать всю пирамиду как можно лучше, пока ноги Тарасюка не исчезли среди концов лыжных палок, альпенштоков и каких-то ящиков.

С полчаса, не меньше, до Леонида доносилось только сопение, свирепый шёпот и многократное «ап-чхи». Наконец из-за ящиков вырвалось облако пыли, а затем показалась голова Тарасюка.

— Держи! — И Тарасюк начал сбрасывать вниз толстенные книжицы с истрёпанными корешками. Серёгин едва успевал подхватывать.

Григорий спрыгнул с антресолей и зло пропыхтел:

— Хорош Ближний Восток — в самом дальнем углу лежал!

Леонид взял первый попавшийся под руку растрёпанный том, вытер пыль и стал рассматривать фотографию какого-то храма.

— Не то, не то! — Тарасюк бесцеремонно отодвинул книгу в сторону. — Давай поближе к Саммили. Помнится, есть там неподалёку одна занятная штуковина... Да вот она!

На цветной литографии, вклеенной в книгу, Серёгин увидел несколько полуразрушенных стен на фоне гор и неподалёку — трёхгранную пирамиду.

Книжка была на немецком языке.

Леонид сказал:

— Дер, ди, дас... — и развёл руками. Кроме слова «Хирбет», он ровно ничего не понял.

Тарасюк презрительно сощурился:

— Между прочим, Лёня Серёгин, кажется, обучался в школе и в институте иностранным языкам? Эх, ты! Ладно, слушай:

«Тот, кто пренебрежёт неудобствами трудного путешествия, вознаградит себя созерцанием удивительной, геометрически правильной пирамиды, вырубленной из цельной скалы. Высота её около двадцати метров, три угла обращены точно на север, восток и запад. Можно только гадать, зачем понадобился древним завоевателям, пришедшим в эти края в четвёртом веке до нашей эры, столь величественный памятник и в честь какого события он воздвигнут...»

— Подумаешь, древность! — пренебрежительно заметил Серёгин. — Четвёртый век до нашей эры!

— Много ты понимаешь! — возразил Тарасюк. — Скажи, пожалуйста, откуда он взял, что пирамиду построили «древние завоеватели»? Не знаешь? Ну, так я тебе скажу. Это самый простой способ. Например, я нашёл древний шлем. Кто тут жил в том веке, который я изучаю? Монголы. Но монголы не носили таких шлемов. Беда! Узнаём, кто здесь обитал до монгольского нашествия. Печенег? Прекрасно. Так и запишем: я нашёл печенегский шлем! Понял?

— Ты на самом деле нашёл печенегский шлем?

— Не я — Дудников.

Серёгин выхватил из кармана блокнот и сделал там краткую запись: «Шлем. Печенеги. Дудников».

— А кто это — Дудников?

Тарасюк неодобрительно покосился на серёгинский блокнот.

— Есть у нас в институте одна такая личность. Из тех, кому всё на свете ясно и просто. Проще пареной репы...

— Я вижу, у тебя с ним контры,— улыбнулся Леонид.

— Чёрт с ним! — отмахнулся Тарасюк. — Не о нём сейчас речь. Ты понял, о чём я тебе говорил?

— Вообще-то понял, — неуверенно отозвался Леонид. — Но ты же не знаешь, откуда этот немец взял «древних завоевателей», которые построили...

— Ниоткуда! — отрезал Тарасюк. — Сейчас убедишься. Пошли дальше!

...Авторы второй, третьей и четвёртой книг писали о пирамиде, что она «всегда вызывала удивление» уже тем, что находится не в Египте и что в ней даже нельзя было похоронить какого-нибудь царя, поскольку она высечена из целой скалы.

В пятой и шестой книгах обнаружили ссылки на первую и третью и копии той же литографии.

— Итак, — радостно заявил Тарасюк, — память меня не подвела. В Хирбете, в двухстах милях от оазиса с твоими загадочными камнями, стоит не менее загадочное сооружение правильной геометрической формы. Ни о времени его постройки, ни о строителях никто ничего сказать не может... Как ты думаешь, Лёнька, кто построил Хирбетскую пирамиду? Ну?

Серёгин оторвался от литографии, взглянул на друга и увидел в его глазах тот же странный блеск, который восемь часов назад обнаружил у автора статьи.

— Гришка, не сходи с ума! — взмолился Серёгин. — Давай-ка лучше спать! А завтра обсудим всё это на свежую голову.

Но Тарасюк вытащил откуда-то логарифмическую линейку и начал орудовать с ней, шепча себе под нос какие-то цифры.

Через несколько минут он сказал:

— Вес пирамиды — по самому осторожному подсчёту — больше двух тысяч тонн. Между прочим, самые мощные подъёмные краны не поднимают больше пятисот. Так кто же всё-таки построил Хирбетскую пирамиду?

— Спать! Немедленно спать! — закричал Серёгин и принялся вытаскивать из-за шкафа раскладушку.

...Его разбудил тихий, но очень настойчивый бас Тарасюка.

За окном блестело солнце. Медленно опускались сверкающие парашютики снежинок.

Григорий, прикрыв ладонью телефонную трубку, твердил:

— Понимаю. Всё понимаю... Понимаю, воскресенье. Понимаю, семьдесят шесть лет. А теперь вы поймите: дело не терпит отлагательства! Вот теперь спасибо! Ровно в одиннадцать? Есть. Будем оба. Со всеми документами.

Он повесил трубку и оглянулся.

Серёгин зажмурился, но поздно, — в воздухе просвистела подушка и ударила его в плечо.

— А ну марш из-под одеяла! Завтрак готов!

Серёгин открыл один глаз.

— Через полчаса представишь меня тому мушкетёру, а через три часа я должен быть у академика...

— Какому мушкетёру? — не открывая второго глаза, спросил Серёгин.

— Белову! Кандидату физико-математических наук Белову, — нетерпеливо повторил Тарасюк и сдёрнул с приятеля одеяло. А когда Леонид с подушкой в руке бросился на него, — выхватил из пробкового шара рапиру и, приняв боевую позицию, торжественно произнёс:

О прошлом стоит ли тужить,
Когда сегодня днём
Ты мушкетёром можешь быть
И без плаща с крестом!

Глава четвёртая

БЕСПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ

Два лыжника остановились у крайнего в посёлке забора.

— Дошли? — отдуваясь, проговорил Белов.

Тарасюк кивнул, посмотрел на часы, потом вопросительно взглянул на своего спутника и показал лыжной палкой на лес. Туда вела голубоватая, хорошо накатанная лыжня.

Белов умоляюще поднял руки вверх.

— Позор! — мрачно пробасил Тарасюк. — Ходят слухи, что обезьяна превратилась в человека не тогда, когда встала на ноги, а тогда, когда встала на лыжи.

— Но ведь нам пора? — Белов с надеждой посмотрел на заиндевший частокол, за которым виднелась сплошная стена облепленного снегом кустарника; над снежной стеной торчала остроконечная крыша с квадратным окошком мансарды, розовым от солнца.

— В нашем распоряжении ещё двадцать минут... Ладно уж, пойдёмте.

Тарасюк быстро сбросил лыжи и принялся стирать варежкой иней с латунной пластинки, привинченной к калитке.

— Нас не искусают? — спросил Белов.

— Сейчас узнаем, — ответил Тарасюк и, закончив своё занятие, вслух прочёл: — «Входите! Злых собак нет!»

На огромном письменном столе громоздилась кипа бумаг вперемжку с раскрытыми книгами.

— Так-то вы проводите воскресенье! — грозно сказал Тарасюк. — Буду жаловаться в местком! Директор нарушает конституцию: каждый трудящийся имеет право на отдых!

— Жалуйтесь, Гриша, жалуйтесь, — спокойно отозвался академик, пожимая руки вошедшим. — Но имейте в виду, по данным Центрального статистического управления, семидесятилетний гражданин в среднем живёт ещё тринадцать лет. Следовательно, мне причитается всего лет семь. Но покончим с этикетом. В вашем распоряжении тридцать минут.

— Я уложусь в десять, — сказал Белов.

Академик слушал не перебивая. И только когда Матвей закончил своё короткое сообщение, заметил:

— Хорошо, предположим, вы доказали, что саммиты — не стекло и не метеориты. Что же вы собираетесь доказывать дальше?

— Надо определить, когда и при какой температуре они образовались, — ответил Белов. — Время и температуру...

— Хорошо, предположим, вы установили: температура — миллион градусов, время — сто тысяч лет. Разве это доказывает, что камни искусственные? И тем более, что их появление связано с посещением Земли?..

— Нет, но...

— Само по себе, нет! — вмешался Тарасюк. — Но если бы удалось доказать, что саммиты появились сто тысяч лет назад и что именно этим временем датируется какой-нибудь исторический памятник, то...

— Погодите! — Академик успокаивающе постучал по столу карандашом. — Исторический памятник давностью сто тысяч лет — это фантазия.

— А пятьдесят тысяч? — запальчиво спросил Тарасюк. — А двадцать пять?

— Двадцать пять, пожалуй, тоже многовато.

— Ну конечно, — усмехнулся Тарасюк. — Дудников прав — Венеру Милосскую изваяли вчерашние питекантропы. Человеческая цивилизация возникла десять тысяч лет назад... А по-моему, единственное доказательство крайней близости человека к питекантропу — это существование самого Дуд...

Бронзовая шпага часовой стрелки старинных, похожих на башню часов воткнулась в цифру «6». За окном под луной чуть поблёскивал снег.

Академик, Матвей и Тарасюк рассматривали расстеленную на письменном столе карту Ближнего Востока.

Бас Тарасюка звучал теперь очень спокойно.

— Десятки находок за последние годы сделаны в слоях, которые невозможно датировать с маломальской точностью обычными методами. То, что делает Белов, исследуя свои саммиты, нужно нам, археологам, как воздух... А самое главное — лотерея-то беспроигрышная! Если даже космос тут ни при чём, если мы не найдём никаких следов древних астронавтов... Определить точный возраст всех памятников — разве этого мало?

Академик оторвался от карты и придвинул к себе бумаги, лежавшие перед Тарасюком и Беловым.

Наступило молчание. Только изредка поскрипывал толстый красный карандаш в руках академика.

— Шансов мало, — сказал он наконец. — Для самого главного шансов ничтожно мало. Один на миллион.

— Но единица — это не нуль, — осторожно заметил Матвей.

— Безусловно!

Академик поднялся из-за стола, сделал несколько шагов по комнате и остановился перед Беловым.

— Не люблю громких фраз, но единица, о которой мы сейчас говорим, — это универсальность жизни. Всемогущество разума. Доказанные не логикой, а опытом!

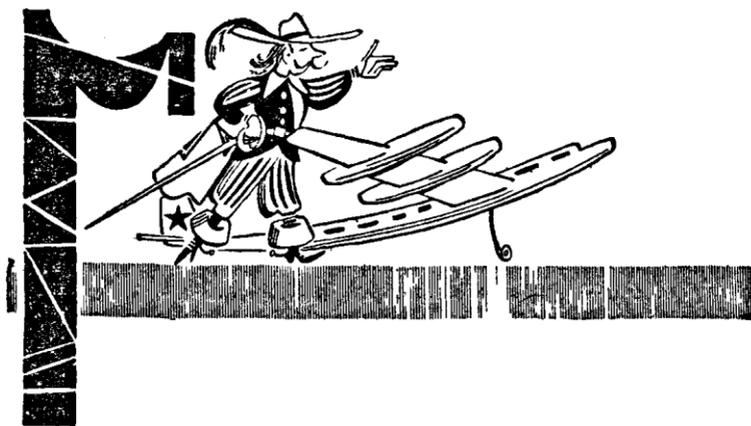
— Так ось що ви робите в неділю! — сказав Тарасюк.

Он опустил в своё кресло и размашисто провёл на одном из листков жирную красную черту.

— Подведём итоги. В принципе соглашаюсь. Ваше название, Гриша, пока придётся отставить. Не будем дразнить гусей. «Сектор палеоастронавтики... Палеоастронавтика...» Это слишком из Ефремова или даже из Лема. Надо проще! Ну, скажем, «Сектор физических методов исследования доисторических памятников». Не возражаете? Кстати, о гусях. Я непременно назначу к вам кого-нибудь из тех, кто умеет остужать горячие головы до нормальной температуры! К среде подготовьте соображения о программе работы сектора.

Первым пунктом в плане, принятом после долгих обсуждений учёным советом института, значилось: «Изучение Хирбетской пирамиды с целью установления времени сооружения памятника».

Глава пятая САМОЛЁТ ПРИБЫВАЕТ В БЕЙРУТ

Григорий Тарасюк не испытывал ровно никакого удовольствия от полёта на самолёте. Разумеется, он признавал его преимущества в скорости и потому пользовался авиацией почти во всех случаях, когда ему нужно было преодолеть пространство, превышающее несколько сот километров. Но признание преимуществ ещё не означает любви.

Если же говорить о любви, то больше всего на свете Тарасюк любил ходить пешком — во-первых, всё видно как следует, во-вторых, где захотел, там остановился.

Уже езда на поезде была для него сплошным огорчением — так хочется выскочить у какого-нибудь удивительного кургана или подозрительно блеснувшей осыпи в горах. Но вагон мчится мимо, мимо, мимо — видит око, да зуб неймёт.

А о самолёте что говорить. Тут даже око видит главным образом непроницаемый белый ковёр облаков, закрывающий всё, что есть интересного на земле.

Тарасюк посмотрел в круглый иллюминатор. В похожей на снежную пустыню верхней кромке облаков не было ни единого окна.

Тяжело вздохнув, Григорий снова принялся за иностранные журналы. В последнем аэропорту он радикально обновил их запас и теперь почти в каждом обнаруживал новые высказывания по поводу «странной», «бессмысленной», «сенсационной», «поражающей», «возмутительной», «антинаучной», «легкомысленной», «бьющей на эффект», «бредовой» и т. д. и т. п. гипотезы русского астронома Белова, на днях опубликованной в московской газете.

Вот и на первой странице парижского «Пти» пляшущие оранжевые буквы возвещали:

*«БЕЛОВ ОШИБАЕТСЯ —
ОНИ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НА ОЛИМПЕ!»*

Оказывается, ничто так не волнует науку, как десяток булыжников, подобранных в середине прошлого века в Аравийской пустыне. По мнению доселе никому не известного русского учёного Белова, эти камни оставлены гостями из космоса ещё в те времена, когда наши предки имели обыкновение спать на деревьях.

В ослепительном свете идей господина Белова становится совершенно ясным, что космические путешественники не могли ограничиться булыжниками в пустыне, а совершили на Земле ещё немало величественных деяний.

Спешим поделиться с нашими читателями последними открытиями в этой области. Мы убеждены, что беловская компания в конце концов осела на горе Олимп в Греции. Каждому, кто знаком с древнегреческой литературой, известно, что существа, населявшие Олимп, обладали техникой, какая нам — в двадцатом веке — и не снится. Они преспокойно летали по воздуху безо всяких воздушных шаров, самолётов и ракет, превращались по малейшему желанию в любое животное, а один из них даже умел пускать молнии, чему современные люди ещё не научились.

Впрочем, оговоримся. Кое-кто (не будем называть имён) и в наше время учиняет если не молнию, то, во всяком случае, гром, поражающий воображение недостаточно образованных читателей.

Тарасюк улыбнулся и взялся за следующий журнал, на этот раз — солидный венский еженедельник.

— Интервью с Зингером? — пробормотал он. — Это уже посерьёзнее.

«...Пионер германского ракетостроения доктор Зингер заявил нашему корреспонденту:

«Мне хотелось бы задать уважаемому господину Белову только один вопрос: потрудился ли он подсчитать, сколько энергии потребо-

валось бы для полёта с околосветовой скоростью на расстояние, отделяющее нашу Солнечную систему от других звёзд? Наши приближённые расчёты показывают, что для такого полёта нужно больше энергии, чем выработало человечество за всё время своего существования.

Если даже предположить, что разумные существа могут где-либо во Вселенной распоряжаться столь фантастическим количеством энергии, они, несомненно, найдут ей более рациональное употребление, чем посещение населённой дикарями маленькой планетки, заброшенной капризом природы на одну из пустынных окраин Галактики».

Читая это сердитое интервью, Тарасюк уже не улыбался.

Нет, не таким представлял он раньше знаменитого ракетчика. Ну, продал свой талант фабрикантам пушек, но за что же так уничижительно отзываться о своей Земле?

Значит, для вас, господин Зингер, посещение Земли нерационально... А что же рационально? На что бы вы потратили это «фантастическое количество энергии», если бы могли им распоряжаться? На какое-нибудь «сверхфантастическое» оружие?

Что и говорить, не перевелись ещё дикари на нашей маленькой планетке!

Григорий рассеянно продолжал перелистывать журналы, уже не останавливаясь на крупных заголовках с «космическим оттенком», как вдруг его взгляд наткнулся на знакомое имя.

Клайд? Профессор Френсис Клайд? Кому-кому, а уж ему-то должна была понравиться мысль о том, что Хирбетская пирамида построена гостями из космоса! Ведь он ещё в своей первой крупной работе о происхождении египетских пирамид указывал: их пропорции свидетельствуют о больших математических познаниях тех, кто возвёл эти диковинные сооружения. Ни в каких других памятниках архитектуры Древнего Египта и других близлежащих стран подобных свидетельств нет!

«Как знать, — подумал Тарасюк, — не Хирбетская ли пирамида натолкнула египтян на мысль о форме усыпальниц для фараонов?»

Однако маститый профессор не оправдал его надежд.

«...Меня просят сказать, что я думаю о так называемой гипотезе Белова, — писал Френсис Клайд. — Несмотря на искренне уважение к русской науке и её представителям, я не могу игнорировать эту просьбу...

Оставив в стороне вопрос о саммиттах, в котором я не считаю себя достаточно компетентным, должен, однако, заметить, что исследование одного-двух образцов никогда не может служить основанием для выдвигания истинно научной гипотезы. Что же касается Хирбета, то, очевидно, господин Белов был введён в заблуждение кем-то из своих молодых коллег-историков.

Историческая наука давно разобралась в секретах производства античных и ещё более древних цивилизаций. Мы отлично знаем, каким образом древние мастера откалывали от скал огромные глыбы. Они забивали в трещины деревянные клинья и поливали их водой. Клинья разбухали — и глыба отваливалась. Наши предки умели пользоваться и огнём — раскаляли камень докрасна, а затем поливали его водой. И камень лопался.

Так мастера Древнего Египта вознесли к небу гигантские гробницы фараонов — кстати, куда более грандиозные, чем небольшая пирамида в Хирбете.

В глубокой древности люди научились не только вытёсывать огромные глыбы, но и передвигать их на большие расстояния при помощи самых примитивных рычагов. Это искусство дожило до наших дней на острове Пасхи. Тамошние жители поднимали и опускали, перевозили с места на место гигантские каменные статуи, пользуясь такими же орудиями, какими пользовались тысячи лет назад их далёкие предки — создатели этих статуй.

К сожалению, я должен предположить, что прекрасная книга господина Хейердала «Аку-аку» осталась не замеченной автором гипотезы, иначе он не мог бы выступить со столь наивными утверждениями».

Тарасюк нахмурился. Неужели он действительно подвёл Матвея, подсунув ему эту пирамиду? Впрочем, теперь уже не только Матвея. Теперь дело закрутилось. Даже удивительно, что прошёл всего какой-нибудь месяц с того достопамятного дня, когда они с Беловым явились к академику.

Но ведь между египетскими пирамидами и Хирбетской — огромная разница. Те сложены из отдельных плит — эта вытесана целиком. Идолы с острова Пасхи весят десяток-другой тонн, а Хирбетская пирамида — тысячи! Её нечем поднять даже сегодня!

— Прошу застегнуть ремни! — раздался голос стюардессы. — Приготовьтесь к посадке. Через десять минут наш самолёт прибывает в Бейрут!

Григорий швырнул журналы на полку, застегнул ремни и достал из внутреннего кармана бумажник, чтобы в последний раз проверить, в порядке ли документы.

Заграничный паспорт... Командировочное удостоверение... А это что за бумажки?

Тарасюк вытащил из кармана телеграммы, полученные в редакции сразу же после опубликования статьи Матвея. Серёгин дал их приятелю перед отлётом — «на дорожку»! Григорий совсем забыл про них.

Он развернул бланки. На первом стояло:

МОСКВЫ ПЯТНАДЦАТОГО ПЯТЬ НОЛЬ-НОЛЬ

ПРОШУ ВКЛЮЧИТЬ СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ ВТОРЫМ НО-
МЕРОМ ПЕРВЫЙ РАЗРЯД ЛЁГКОЙ АТЛЕТИКЕ ЗНАНИЕ ДРЕВНИХ
ЯЗЫКОВ СОГЛАСНА ЛЮБЫЕ УСЛОВИЯ

МАЙЯ КРЕМНЁВА

«Сразу видно — наша!» — подумал Тарасюк. А вот вторая —
тоже любопытная, хоть и явно «не наша»:

ЧИКАГО... СВЯЗИ ПОМОЛВКОЙ ДОЧЕРИ ЛИЛИАН ТЕЛЕ-
ГРАФИРУЙТЕ СТОИМОСТЬ ОЖЕРЕЛЬЯ ДВАДЦАТИ РОЗОВЫХ
САММИЛИТОВ... УВАЖЕНИЕМ ДЖЕННИ ЮКЛИД.

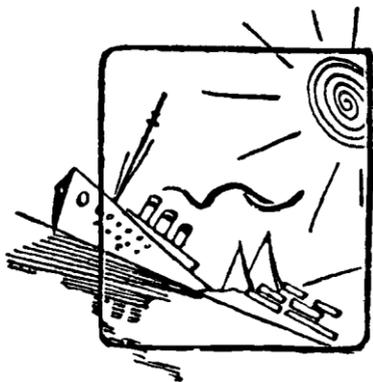
А эта, наверное, дружеская шутка:

ВАША ПИРАМИДА ПЕРЕЕХАЛА ВПАДЕНИЮ ХРУСТАЛЬ-
НОГО РУЧЬЯ ПЕРЛАМУТРОВОЕ ОЗЕРО ТЧК СЕДЫХ.

Самолёт сильно качнуло. Григорий спрятал бумажник в карман.
Машина пошла на посадку.

Облака расступились, и внизу ярко заголубело море с белыми
поплавками кораблей. По краю оно было оторочено блестящей каймой
прибоя.

Но вот море наклонилось и ушло куда-то вбок, а прямо на само-
лёт стала наплывать крутая коричневая гора, покрытая тёмно-зелёными
пятнами. Потом гора тоже наклонилась, и самолёт начал проваливаться
вниз.

Навстречу понеслась стайка белых домиков с красными крыша-
ми, потом несколько игрушечных труб с игрушечным клубящимся ды-
мом, потом показался настоящий город — с многоэтажными домами,
разноцветными жучками автомобилей и гусеницами трамваев.

Моторы перестали реветь. Совсем близко бешено помчалась се-
рая бетонная лента посадочной полосы.

Через три часа маленький, выдавший вида «дожд» выскочил из
города и понёсся вдоль небольшой горной речушки по направлению к
горам, полукругом окаймлявшим горизонт.

— Не знаю, удастся ли проехать, — сказал шофёр, немолодой
смуглолицый мужчина с точно такими же усами, как у Григория. — Я

сделаю всё, что смогу, но господин не должен сердиться, если это не удастся. Я сразу предупредил господина, что на дороге в Хирбет стоят кордоны.

— Тайм из маней! Время — деньги! — объявил Тарасюк. — У меня мало времени. Поэтому вы получите вдвое больше, если приедем сегодня... А давно у вас тут осадное положение?

— Никакого положения нет, просто шофёры говорят: сегодня вечером лучше не езди, на дороге будут кордоны, — ответил шофёр.

— А почему?

— Сейчас никто не знает. А пройдёт неделя — всё будет известно! Как с пещерами...

— С какими пещерами?

— А недели три назад на всех дорогах, которые ведут в Хирбетские горы... Да что там на дорогах — на всех тропинках появились жандармы! Стоят и никого не пускают. И стояли так дней десять. А знаете, в чём было дело? Оказывается, губернатору рассказали, что в горах есть пещера, а в пещере — клад, сто кувшинов золотых монет. Вот он и приказал оцепить горы и никого туда не пускать, а сам вызвал из Америки самых лучших сыщиков...

— Ну и как — нашли клад?

— Конечно, нашли! Если бы не нашли, так до сих пор никого не пускали бы в пещеры.

— А сейчас пускают?

Шофёр утвердительно кивнул.

— И вы сами тоже там были?

— Конечно! Все были!

— И нашли что-нибудь? Хоть одну золотую монетку?

Шофёр только усмехнулся.

Вони проїхали долину з будиночком...

Дорога, наконец, влетела в горы и пошла выделять замысловатые петли. Ещё пять или шесть раз на поворотах открывалась голубая гладь моря, а потом машина помчалась в узком туннеле между скалами. Время от времени туннель превращался в неширокую долину, а склоны становились более покатыми. Среди тёмной зелени листьев розовели незнакомые цветы.

Скачка с препятствиями

В одной из таких долин шофёр остановил машину у небольшого домика, сложенного из светлого камня. Сделав Тарасюку знак оставаться на месте, шофёр вошёл в дом.

Уже через минуту он выскочил обратно, прыгнул на своё сиденье, включил мотор и, развернув машину, ни слова не говоря, погнал её в обратную сторону. Неподалёку от начала долины дорога опускалась к самому берегу реки. Собственно, рекой её можно было назвать только при большом воображении. Это был пяти-шестиметровой ширины поток из мелкой, белой, отлично промытой гальки, и только посередине этого каменного потока пенился и булькал тоненький ручеёк.

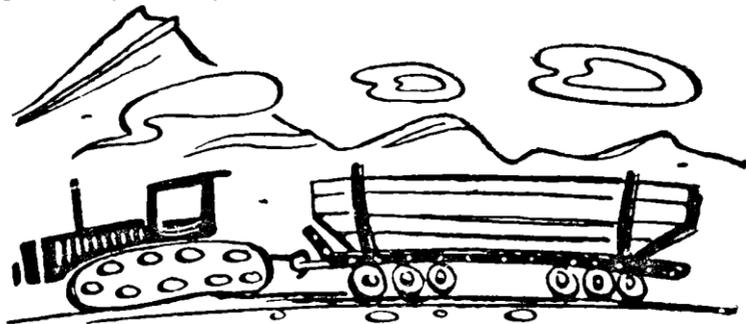
Машина осторожно съехала на каменное ложе реки и, следуя по нему, стала удаляться от шоссе. Только тогда, когда она отъехала довольно далеко, шофёр остановил машину и облегчённо вздохнул:

— Чуть не попались! Хорошо, ребята предупредили! Я пойду к шоссе, посмотрю вокруг...

Он выскочил из «доджа» и скрылся в прибрежных зарослях.

Тарасюк тоже вылез из машины. Вынул из багажника и спрятал на всякий случай в кустах чемоданы. Положил в карман ключ от зажигания, оставленный шофёром, и, хрустя галькой, двинулся в том же направлении, что и он.

Шоссе ещё было скрыто деревьями, когда Тарасюк услышал тяжёлый гул — по-видимому, двигалась какая-то большегрузная машина. Он побежал по узкой тропинке к шоссе, спрятался за густым кустарником. Мимо него, оглушительно треща, пронеслись два мотоцикла с полицейскими. Потом показался военного образца тягач с длинным шестиосным прицепом. У прицепа были высокие борта, так что разглядеть содержимое кузова не удалось.

Только Григорий решил выйти на шоссе, как снова раздался треск мотоциклов. За мотоциклами проследовал ещё один тягач с прицепом.

Потом наступил долгий перерыв.

Тарасюк возвратился к машине, снова водворил чемоданы в багажник и стал терпеливо ждать.

Прошёл час, полтора часа — шофёр не появлялся.

Время от времени с шоссе доносился слабый треск и сразу же после него громкий гул. Движение продолжалось полным ходом!

Начало темнеть. Крупные, а за ними и мелкие звёзды высыпали в тёмно-синем небе. Взошла луна. Снова стало светлее. Под колёсами машины стеклом переливалась тонкая струйка ручья.

Наконец невдалеке зашуршали камни, и послышался знакомый голос:

— Живы?

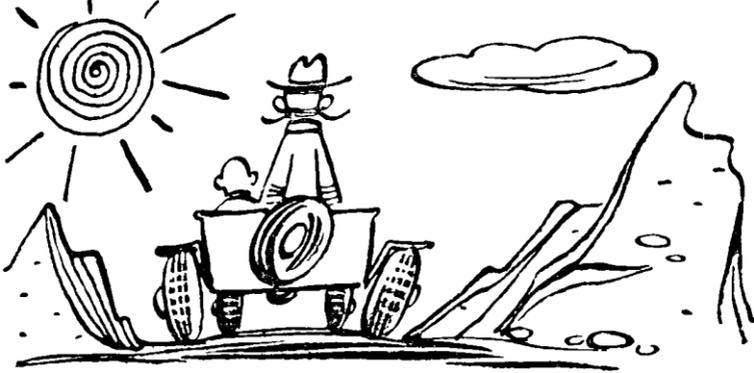
— Умер! — спокойно сообщил Тарасюк.

— Подождём до утра или попытаемся проскочить?

Григорий посмотрел на часы. Половина второго.

— Попытка — не пытка! Поехали!

Шофёр включил мотор и вывел «додж» на шоссе.

Они проехали долину со смутно белевшим домиком и снова помчались по узкому туннелю. Справа и слева неслась темнота, и только наверху слабо серебрилась от лунного света полоска неба с крупными звёздами.

Под мерный рокот мотора Тарасюк вздремнул.

Его разбудили громкие голоса.

Машина стояла на обочине шоссе. Шофёра не было на месте.

Григорий прислушался. Но как раз в это время голоса затихли.

Послышались быстрые шаги, и к машине подошёл шофёр.

— Проснулись? Можете спать дальше! — буркнул он. — Нарвались!

— Полиция? — спросил Григорий.

Шофёр молча кивнул.

— И сколько придётся ждать?

— Говорят, немного. Но толком никто не знает. Может, и до утра. Я же предупреждал господина...

— Что уж там! — сердито сказал Тарасюк. — К вам у меня претензий нет. Вы-то сделали всё...

Впереди на шоссе зажётся фонарь, луч скользнул по машине.

Григорий достал из чемодана новую пачку московских сигарет, угостил шофёра, а потом вылез из машины и направился прямо к фонарю.

Подойдя поближе, он разглядел высокую фигуру полицейского в плаще и феске.

— Никак не могу, — сказал полицейский, едва Тарасюк приблизился к нему. — Лучше не просите!

— И не надо, — равнодушно промолвил Григорий. — Я ещё молодой. Мне спешить не обязательно.

Полицейский улыбнулся. Он был, по крайней мере, вдвое старше Григория.

— Не найдётся ли закурить?

Тарасюк протянул пачку сигарет полицейскому.

— Почему одну? Берите полдюжины! Стоять-то всю ночь!

— Боюсь, что вы правы, — добродушно проворчал тот. — Это только так говорится: «немного»...

— По сравнению с вечностью одна ночь — совсем немного, — заметил Григорий, щёлкнув зажигалкой.

Полицейский, подмигнув Тарасюку, прикурил свою сигарету и как зачарованный уставился на зажигалку.

Зажигалка и впрямь была необыкновенной: золотая ракета с искрами, вылетающими из дюз.

...Вдали раздалось напряжённое гудение, а через несколько минут из-за поворота выплыли ослепительно сверкающие фары.

Полицейский зажёт зелёный фонарик.

Сотрясая землю, мимо Тарасюка медленно проехал тягач с прицепом.

И вслед за тем снова вдалеке раздался напряжённый гул.

— Ну и здоровый! — восхищённо произнёс Тарасюк. — Не автомобиль, а целый вагон! Вы не знаете, сколько может поднять такая громадина?

— Семьдесят тонн! — с гордостью сообщил полицейский,

— Держу пари на зажигалку, — негромко промолвил Григорий, — что с трёх раз угадаю, какой груз они везут!

Полицейский подошёл поближе и явно заинтересованным тоном спросил:

— А если не угадаете?

— Семь бед — один ответ! — рассмеялся Тарасюк. — Если не угадаю, придётся покупать новую.

Огненные глаза очередного тягача показались из-за поворота.

Полицейский зажёт красный фонарик.

— Что случилось? — крикнули из кабины, когда тягач с тяжёлым скрипом остановился в двух шагах от Тарасюка.

— Проверка! — объявил полицейский, легонько подтолкнув Григория к прицепу, а сам, с большей лёгкостью, чем можно было предполагать по его плотной фигуре, вскочил на колесо, подтянулся и заглянул за высокий борт.

— Ну! — нетерпеливо шепнул он.

— Атомная бомба! — произнёс Тарасюк трагическим шёпотом.

Полицейский презрительно фыркнул:

— Раз!

— Новая колокольня для монастыря святого Гильома?

— Два!

— Марсианский корабль для туристов?

— Три!.. А ну-ка лезьте сюда!

Григорий не заставил себя ждать. Одним прыжком он вскочил на колесо и заглянул в кузов.

Там было пусто!

Полицейский с победным видом поглядел на Тарасюка, первым спрыгнул с прицепа, любезно предложил руку Григорию и зажёт зелёный фонарик:

— Всё в порядке! Можете ехать!

Обдав Тарасюка тучей дизельного дыма, тягач взревел и тяжело тронулся с места.

— Ну как? — весело спросил полицейский.

— Не хочешь — не берись, а взялся — не журись! — в тон ему ответил Тарасюк, вручая зажигалку.

...Только на рассвете, когда длинная колонна тягачей, натужно ревя, проследовала в обратном направлении — к Бейруту, старенький «додж» смог двинуться дальше.

Полицейский приподнял феску и поклонился Григорию, как старому знакомому.

Через два часа машина въехала в кривые улочки Хирбета, образованные — как и везде на Востоке — не домами, а глухими глинобитными заборами.

— В гостиницу? — устало спросил шофёр.

— Сначала к пирамиде!

Проскочив Хирбет за какие-нибудь пять-шесть минут, «додж» запрыгал по грунтовой дороге, изрытой тяжёлыми скатами тягачей, потом выехал на каменистое плато с остатками кирпичных сооружений явно почтенного возраста и, наконец, остановился.

Поломанные кусты, погнутые стволы молодых деревьев, глубокие отпечатки шин на земле — всё это не оставляло никаких сомнений в том, что тягачи были здесь. Но зачем?

На площадке, размером в хорошее футбольное поле, засыпанной щебнем, валялись небольшие валуны. А дальше, у края холма, возвышалась знакомая Тарасюку по десяткам фотографий трёхгранная пирамида.

Перескакивая через маленькие камни и огибая на бегу большие, Тарасюк, запыхавшись, подбежал к каменному великану и шагов за двадцать от него остановился.

Ближе подходить не хотелось. Очень большие предметы лучше рассматривать издали.

Григорий стоял и думал о тех, кто оставил этот удивительный знак. Знак чего? Этого, к сожалению, пока никто не знает. «Но узнаем! — думал он. — Непременно узнаем!»

Медленными шагами Григорий подошёл к пирамиде и положил ладонь на её шершавую грань.

И тотчас же отдёнул руку в величайшем изумлении, коснувшись едва выступающего из камня железного прута.

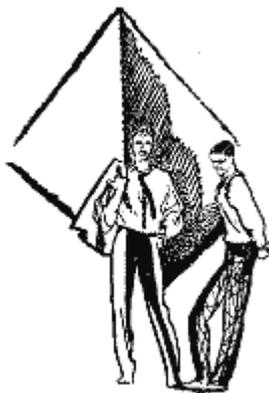
Или он сошёл с ума, или только что совершил великое открытие. Хирбетская пирамида была сделана не из песчаника. И не из базальта, не из доломита, не из гранита, не из мрамора...

Григорий ещё раз погладил стенку, внимательно осмотрел её, машинально сунул в рот сигарету, чертыхнулся, не обнаружив в кармане зажигалки, и с минуту простоял в глубоком раздумье.

— Чушь! — наконец воскликнул он. — Дикая чушь! Древние не знали железобетона!

— Вы совершенно правы! — раздался рядом незнакомый голос.

Тарасюк обернулся. Около него стоял высокий, очень худой мужчина в белой рубашке и грубых парусиновых брюках.

Глава первая

*Коза Жозефина
и загадочная находка*

Между нами говоря, взрослые любят преувеличивать свою роль в истории. И очень не любят признавать, что большей частью своих достижений человеческая цивилизация обязана не им. Ещё пока взрослые не вырастут как следует, они всё отлично понимают. Но как только выйдут в большие, сразу начинают посматривать на всех, кто меньше ростом, сверху вниз.

И только иногда скрепя сердце они вынуждены отдавать ребятам должное. Слышал ли, например, кто-нибудь пословицу «Истина глаголет устами взрослых»? Конечно же, не слышал. Потому что такой по-

словицы нет. Зато половицу «Устами младенца глаголет истина» знает каждый.

Или история с голым королём! Все взрослые вели себя в этой истории не слишком умно — и король, и министры, и многие другие. А кто сказал, что на самом деле никакого платя на короле нет? Может быть, всё-таки какой-нибудь взрослый? То-то же!

Мы уж не говорим о том, как плохо пришлось бы вдове Дуглас, а может быть, даже и судье Тэтчеру, если бы не Том Сойер. Индеец Джо перерезал бы их, как куропаток.

Так что нет ровно ничего удивительного в событиях, которые произошли ранним утром 5 января 196... года (ровно за месяц до того, как Матвей Белов пришёл к Леониду Серёгину, а Леонид Серёгин к Григорию Тарасюку) в пункте, находящемся немного севернее тридцатой параллели и немного восточнее тридцатого меридиана — неподалёку от Аравийской пустыни. Той самой Аравийской пустыни, которую проходят по географии в пятом классе.

Халид не проходил географии в пятом классе. Впрочем, он не проходил её и в каком-либо предшествующем или последующем классе, как не проходил и никаких других предметов, поскольку вообще не учился в школе: по мнению отца Филиппа, посещать школу монастырскому пастушонку было вовсе не обязательно. Дедушка Джафар, упрямивший отца Филиппа взять в монастырь Святого Гильома своего младшего внука, должен был радоваться уже тому, что Халид не умрёт с голоду, как это случилось с половиной их племени.

Итак, Халид никогда не учил географии. Но он отлично знал, что пустыня недалеко и что второй такой отвратительной козы, как эта рыжая Жозефина — любимица господина настоятеля, — нет во всём белом свете. Поэтому надо было поторапливаться.

Нет, Халид не боялся суковатого посоха отца Филиппа — вот уже год как его не бьют. Но за рыжую Жозефину придётся отрабатывать ещё целый год! А он и так не знает, как вытерпеть до конца срока.

Уже давно поднялось из-за скал горячее солнце, тени стали короче, а проклятой козы будто след простыл. Халид поднимался всё выше в горы, внимательно глядяваясь в каждую расселину, в каждый куст. Постепенно он добрёл до перевала — самой высокой точки маленького хребта, отделявшего приморскую долину от пустыни.

Халид обернулся. Далеко внизу едва виднелись развалины древних построек и одиноко возвышалось остриё каменной пирамиды. Ни людей, ни животных — только бурые скалы да редкие пыльные кустики с обожжённой солнцем кожистой листвой окружали мальчика.

— Э-э-ге! — крикнул он, сложив ладони рупором.

Крик прокатился по скалам и заглох.

Халид миновал голую верхушку горы, свернул с тропы и двинулся вниз к роднику — напрямик, обдирая бока об острые колючки ку-

старника. «Чёртова Жозефина! — думал мальчик. — Не провалилась же она в самом деле сквозь землю?»

И только он так подумал, как его нога соскользнула с камня и повисла в воздухе. Едва удержавшись от падения, Халид взглянул вниз и, к своему величайшему удивлению, увидел довольно большую круглую дыру. Дна не было видно.

Он поднял увесистый камень, швырнул его в дыру и прислушался. Из глубины донёлся глухой звук удара.

— Если Жозефина провалилась сквозь землю именно здесь, то дело плохо! — сказал Халид вслух.

Вероятно, то же самое сказал бы или подумал на его месте любой взрослый, после чего спокойно побрёл бы дальше.

Но Халиду ещё не исполнилось двенадцати лет. А известно, что в этом возрасте великий дух исследований поглощает человека целиком и полностью. Швырнув в дыру ещё два камня и постояв несколько минут на коленках на краю странного колодца, мальчик полез туда сам, цепляясь за шершавые стенки.

С трудом одолев узкую горловину, Халид, исцарапав руки и ноги, на четвереньках прополз по узкому ходу куда-то вбок. Потом ход кончился, и сколько мальчик ни шарил кругом, он нигде не мог нащупать вторую стенку.

Сначала он почти ничего не видел. Однако глаза его постепенно привыкли к полумраку, и Халид обнаружил, что он находится в большой пещере. Здесь было прохладно, но совершенно сухо.

Он сделал несколько осторожных шагов вдоль стены. Под его ногой зашуршали какие-то камешки. Халид нагнулся, поднял один из них и поднёс к глазам. Сердце у него так и заходило ходуном, руки похолодели, а по спине поползли мурашки: перед ним лежал не камешек, а глиняный черепок. Значит, в пещере уже были люди!

Изо всех сил тараща глаза, Халид внимательно оглядел пещеру и заметил в дальнем углу две тёмные фигуры, похожие на человеческие, — одна стояла, а другая лежала. Мальчик прижался к стенке и, стараясь не дышать, так пристально всматривался в тёмный угол, что, в конце концов, перед глазами у него поплыли оранжевые круги.

Сколько он простоял, зажмурившись, неизвестно, но, когда снова открыл глаза, сразу же понял, что фигуры, принятые им за людей, вовсе не люди, а просто-напросто высокие кувшины.

— Всемогущий аллах! — горячо прошептал Халид. — Всемогущий господь! — тут же поправился он. Переход мальчика в христианскую веру был одним из условий, поставленных дедушке Джафару отцом Филиппом. — Всемогущий господь! Пожалуйста, сделай так, чтобы эти кувшины были полны золотыми монетами. Здесь такое удобное место! Тебе ведь нетрудно, а дедушка расплатится со святым Гильомом за хлеб и возьмёт меня из монастыря домой. Очень тебя прошу!..

Как это ни странно, бог выполнил просьбу Халида. Правда, если бы он как следует подумал, то, может быть, сделал всё немного иначе. Но то ли бог забыл, что мальчишка неграмотен, то ли просто очень торопился. Во всяком случае, когда Халид кинулся к кувшинам и запустил руку сначала в один, а затем в другой, никаких монет он не обнаружил.

Но кувшины не были и пустыми. Из того, что стоял у стены, мальчик извлёк какой-то липкий свёрток. А кувшин, лежащий на полу, пришлось разбить. То, что было в нём спрятано, никак не хотело проходить сквозь горло. И оно было такое тяжёлое, что Халиду даже не удалось поставить кувшин стоймя.

«Вот это, наверно, и есть золото!» — подумал мальчик.

Завязав липкий свёрток в рубаху и обмотав рукава вокруг шеи, он полез наверх. Это оказалось не так уж трудно. Теперь узкий колодец был хорошо виден, и Халид легко находил выступы, в которые можно было упереться босыми ногами.

Упрятав рубаху под куст, мальчик снова спустился вниз. Со второй находкой — тяжёлым продолговатым предметом, похожим на гирию, — пришлось повозиться. Наконец Халид взвалил гирию на плечо и с большим трудом вскарабкался наверх.

Он отдышался, облизал сухие губы и стал рассматривать свои сокровища. Свёрток оказался рулоном из тонкой, очень старой, местами испорченной кожи. На ней были видны мелкие тёмные закорючки, ничуть не похожие ни на арабские буквы, которые показывал ему дедушка Джафар, ни на латинские, которые Халид видел в евангелии у отца настоятеля.

Гиря оказалась вовсе не из золота. Даже не из серебра! А просто из меди, самой обыкновенной меди — видимо, очень давно нечищенной и потому покрытой толстым чёрно-зелёным налётом.

Огорчённый тем, что бог не захотел выполнить его просьбу, да ещё в таком удобном месте, Халид долго сидел на корточках у входа в пещеру. Солнце начало клониться к западу.

Медная гиря была слишком тяжёлой, чтобы таскать её по горам. И Халид, подумав, спрятал её неподалёку от входа в пещеру — в расщелине между скалами. А кожаный свёрток он решил захватить с собой. Кто знает, может быть, эта старая кожа чего-нибудь да стоит и господин настоятель согласится принять её вместо проклятой козы?..

Глава вторая

ФЕРНАН И ВСЕВЫШНИЙ

В коридоре старенькой гостиницы задребезжал телефон. Просили постояльца из третьего номера — господина Фернана Гизе.

Пожилой хозяин-араб не спеша поднялся на второй этаж и постучал в дверь.

Очень высокий, худой европеец в белой рубашке, заправленной в грубые парусиновые брюки, лёгкими шагами спустился по скрипучей лестнице.

Взяв трубку, он удивлённо поднял выгоревшие на солнце брови.

— Господин настоятель? Какая приятная неожиданность! Чем обязан? Уж не собираетесь ли вы возратить мою грешную душу в лоно матери-церкви?

Фернан рассмеялся, не считая нужным хотя бы для приличия прикрыть ладонью трубку.

Однако отец Филипп не обиделся. Он сказал, что не имеет ровным счётом ничего против отсутствия в раю господина Гизе. И добавил, что, поскольку на том свете они будут находиться, по всей вероятности,

в разных местах, он хотел бы повидаться с уважаемым профессором на этом свете. И по возможности быстрее. Дело в том, что ему принесли любопытную рукопись. Судя по всему, очень древнюю.

Фернан Гизе терпеть не мог настоятеля монастыря Святого Гильома. Правда, лично ему отец Филипп ещё не успел сделать ничего плохого. Но что за мерзость — именем бога обирать бедняков! Если среди священников и попадают люди, искренне верящие в то, что они помогают окружающим, то отец Филипп никак не относился к их числу.

Но древняя рукопись! От такого приглашения нельзя отказаться: может быть, с этого звонка начнёт разматываться клубочек, который приведёт Фернана к пещерам, ради которых он торчит здесь уже почти год.

... Каких только профессий не бывает на свете! Фернан Гизе был спелеологом — специалистом по пещерам. Как шахтёр, он много раз проникал глубоко под землю, где ему угрожали тысячетонные скалы, нависшие над головой. Как альпинист, он взбирался на отвесные кручи, ежеминутно рискуя сорваться вниз, в бездонную пропасть.

Фернан изучал пещеры вовсе не из прихоти и не из спортивного интереса. Он неплохо разбирался в древнейшей истории и даже в тех временах, когда писаной истории ещё не существовало, знал несколько мёртвых языков Востока. Он помогал историкам проникнуть в то далёкое прошлое, когда ещё не существовало письменности. Ведь те, кто населял Землю пятнадцать-двадцать тысяч лет назад, не оставили о себе никаких известий, кроме рисунков на стенах пещер, в которых они жили.

Едва окончив университет, Фернан нашёл в глубокой пещере в горах Южной Франции изображение целого стада отличных бизонов. Им было не меньше тридцати тысяч лет, этим бизонам.

Какое удивительное чутьё было у первобытных охотников! Одним штрихом, одним силуэтом умели они показать не только силу, но и гордый характер могучего животного.

После войны Фернану Гизе пришлось работать в Сахаре, в Мексике, в Перу — везде, откуда приходили вести о новых рисунках на камне.

Год назад он приехал сюда, чтобы поискать легендарные пещеры Махеда, упоминаемые в десятках малоазиатских рукописей, но так никем и не найденные.

Собственно говоря, Фернану больше ничего и не оставалось теперь, как искать новые пещеры. Работать у себя в университете он больше не мог. Хорошо ещё, что его книгу издали во многих странах!..

Фернан знайшов зображення прекрасних бізонів.

Когда Фернан Гизе написал книгу о наскальных рисунках первобытных людей и представил рукопись своим учёным коллегам, разгорелся скандал. Четыре профессора в один голос потребовали выбросить из будущей книги главу, в которой автор осмелился утверждать, будто было время, когда люди не верили ни в каких богов.

Напрасно Фернан просил уважаемых коллег представить хоть одно доказательство того, что у синантропов или питекантропов существовала религия. Профессора были непреклонны. Какие ещё нужны

доказательства, если всему миру ясно, что творение не может не знать своего творца!

Гизе отказался портить книгу и отдал рукопись издателю, рискувавшему напечатать труд, не получивший официального одобрения.

Через полгода книга вышла. А вскоре Фернан получил официальное уведомление о том, что должность, которую он занимал в университете пять лет, ликвидирована и что в настоящее время невозможно предоставить господину Гизе другую должность, достойную его обширных познаний.

«Нет худа без добра! — решил Фернан, прочитав это послание. — Наконец-то я смогу заняться пещерами Махеда!»

О пещерах Махеда он мечтал ещё в ранней юности. Правда, тогда он грезил спрятанными там сокровищами, а теперь его привлекали главным образом рисунки, которые могли оказаться на стенах этих издревле населённых людьми пещер. По-видимому, кроме рисунков, в пещерах могли бы быть найдены и древнейшие памятники письменности.

Несмотря на то, что до сих пор поиски были безрезультатными, Фернан не отчаивался, надеясь на счастливый случай.

Может быть, звонок отца Филиппа и был этим счастливым случаем?

По дороге в монастырь Фернану вспомнилось его первое столкновение с господом, богом.

Ему было лет десять, когда к ним в гости приехала бабушка.

Отец ещё был на работе, и мать встретила бабушку на вокзале, привезла домой, усадила за обед, а сама побежала куда-то по делам.

Когда Фернан поел, он, как воспитанный человек, сказал бабушке спасибо. Бабушка молча кивнула головой и принялась что-то шептать.

Фернан очень удивился, но решил подождать, пока бабушка закончит это странное занятие. И только потом спросил её, с кем это она шепталась.

Бабушка сказала:

— Я благодарила всевышнего.

— А кто такой всевышний? — спросил внук.

Оказалось, что, по бабушкиным сведениям, всё в жизни не так просто, как кажется с первого взгляда. И кое над чем, оказывается, Фернан просто не задумывался — рос, как сорная трава.

— Ты ешь обед, носишь одежду, живёшь в доме, — объясняла бабушка. — Всё это сделали для тебя другие — крестьяне, ткачи, каменщики. Ты благодарен им за это. Мама готовит тебе обед, и ты говоришь спасибо.

Фернан согласился.

— Но ведь ты пользуешься не только тем, что сделали для тебя другие люди, — продолжала бабушка. — Ты пользуешься землёй, воздухом, солнечным светом и теплом. Почему же тебе не приходит в голову поблагодарить того, кто создал их для тебя?

— Да я бы с удовольствием, — сказал Фернан. — Только кого?

— Творца! — торжественно объявила бабушка. — Творца, который трудился для тебя шесть дней. В первый день творения сказал бог: «Да будет свет». И стал свет. Во второй день творения сказал бог: «Да будет твердь». И стала твердь. И назвал бог твердь небом. В третий день создал бог сушу. В четвёртый — два светила: для дня и для ночи, солнце и луну...

На этом месте Фернану очень захотелось спросить, какой же свет был в первый день, если ещё не было ни солнца, ни луны, но всё было так интересно, что он побоялся прерывать бабушку. Ещё рассердится и перестанет рассказывать.

— На пятый день сказал бог: «Да произведёт вода пресмыкающихся, да полетят птицы над землёю по тверди небесной». И настал шестой день. И сказал бог: «Сотворим человека по образу и подобию нашему, и да владычествует он над всею землёю!..»

— Здорово придумано! — похвалил внук.

Бабушка рассердилась. Она сказала, что это никто не придумывал, что так было на самом деле.

— А в каком это было году? — спросил Фернан, надеясь застать бабушку врасплох.

Но бабушка прикинула что-то в уме и сказала:

— Ровно семь тысяч четыреста сорок три года тому назад!

Вечером, когда пришёл из школы отец — учитель ботаники, Фернан выложил всё, что узнал от бабушки.

Отец строго сказал, что бабушка ошибается. Что бог — это неисследованные явления природы. В давние времена, пока люди вообще почти ничего не знали, богов было очень много. Бог воды, бог огня и

разные другие. Постепенно люди узнавали, что на Земле рядом с ними всё идёт само собой, без всякой божьей помощи. Тогда они поселили своих богов на высоких горах — поближе к небу, откуда светит солнце и льётся дождь. Греки — на Олимпе, тибетцы — на Джомолунгме, африканцы — на Килиманджаро.

Но, забравшись на самые высокие горы, люди убедились, что и там никого, кроме них самих, нет. Тогда они вознесли богов ещё выше — на облака.

Но теперь каждый пассажир самолёта досконально знает, что на облаках никто не живёт...

— А скоро — это наверняка произойдёт ещё при твоей жизни — люди доберутся до Луны, до Марса. Потом до звёзд. И тогда верующим бабушкам придётся поселить своих богов в другие галактики...

— Это всё понятно, — прервал отца Фернан. — А кто всё-таки сделал землю или, например, воду?

— Никто! — ответил отец. — Они получились сами собой из других вещей. Впрочем, кое-что человек может повторить. Ну, скажем, сотворить воду — дело довольно простое...

Через два дня Фернан прибежал домой из школы раньше обычного и, поцеловав бабушку, таинственно произнёс:

— Бабушка, хочешь, я тебе покажу чудо?

Бабушка согласилась и ушла на кухню.

Фернан принялся за дело. На столе появились наполненный водой аквариум, электрическая батарея, стеклянные банки, пробирка с едким натром, свечка и большая эмалированная миска.

Когда бабушка вошла в комнату с грудой вымытой посуды, всё было готово.

Старушка с ужасом поглядела на захламлённый стол, с которого Фернан к тому же забыл снять белую скатерть.

— Смотри, бабушка! Вот в этой банке ничего нет — видишь? И в этой тоже ничего нет, да? И в миске только свеча. Смотри! Да будет вода!

Бабушка нахмурилась и уже открыла рот, чтобы выругать внука, но не успела: Фернан сдвинул банки над горящей свечой.

Трах-тарарах!

Оглушительный взрыв вышиб банки у него из рук. С грохотом полетела на пол посуда, которую держала бабушка.

Фернан подскочил к столу и, схватив миску, увидел на дне её маленькую лужицу.

— И стала вода! — торжественно объявил он, поднося миску к бабушкину лицу.

Бабушка недоверчиво поглядела на миску, даже понюхала её. Потом перевела взгляд на щеку Фернана, в которую вонзился кусочек стекла от разбитой банки, и укоризненно покачала головой.

— Видишь, бог тебя наказал!

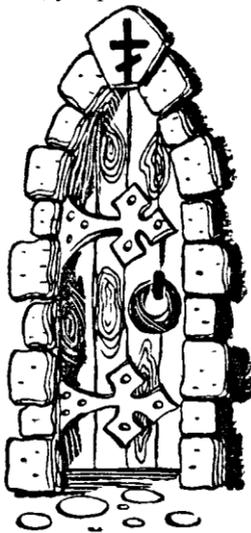
Пожалуй, это был единственный случай, когда бог наказал его собственноручно. Во всех остальных случаях, когда Фернан вставал ему поперёк пути, бог предпочитал действовать через других. Иногда это ему удавалось. Например, в тот раз, когда Фернана выставили из университета.

Глава третья ОТЕЦ ФИЛИПП ДЕЛАЕТ БИЗНЕС

— Прошу!

Отец Филипп, любезно улыбаясь пухлыми губами, распахнул дверь перед Фернаном.

Дверь была маленькая — длинному французу пришлось нагнуться, чтобы не задеть головой притолоку. Трудно было предположить, что за потемневшей от времени дверью скрывается вполне современная келья — четырёхкомнатная, с высоченным, чуть не в три Фернановых роста, потолком, с выложенной розовым кафелем ванной, с отличной библиотекой. Келья, более похожая на номер-люкс в парижской гостинице, чем на обитель монаха, умертвляющего свою плоть...

— Не угодно ли стаканчик бургундского? — спросил хозяин, перебирая чётки.

Но Фернан не стал скрывать нетерпения и сказал, что предпочитает начать с того дела, ради которого он удостоился чести быть приглашённым в святую обитель.

Отец Филипп усмехнулся, сощутив и без того узкие щёлки глаз, и провёл гостя в маленькую комнатку рядом со спальней. Там стоял

простой сосновый стол, несколько грубых стульев и большой, как платяной шкаф, стальной сейф.

Настоятель, повернувшись к гостю спиной, набрал номер, и дверца сейфа с лязгом распахнулась.

Гизе не считал себя большим знатоком старинных манускриптов, и всё-таки первый же взгляд на кожаный свиток заставил его вздрогнуть. Не было никаких сомнений — эти чёткие, крупные знаки с острыми углами и штрихами одинаковой толщины могли относиться только к первому — второму векам до нашей эры.

Многие буквы расплылись, многие совсем выцвели, но в лупу, которую Фернан тут же достал из кармана, были отлично видны углубления на месте исчезнувших знаков.

Некоторые слова он понял сразу: «учитель», «праведный», «посланец». О смысле других мог только догадываться.

Не обращая больше внимания на хозяина, Фернан принялся за работу.

Через два часа ему стало ясно, что в руки отца Филиппа каким-то образом попал христианский документ, написанный... за двести — триста лет до христианства.

— Не подделка? — не выдержал в конце концов отец настоятель, терпеливо молчавший в течение томительных часов, пока Фернан исследовал тёмную кожу. — Или подделка?

Фернан молчал. Ведь этот кусок старой кожи настолько ценен и так опасен для церкви, что он бесследно исчезнет, как только шефы отца настоятеля дознаются о находке. Что же делать?.. Как спасти рукопись?..

— Не подделка ли это? — задумчиво повторил Фернан. — Не подделка ли... Послушайте, отец Филипп, а почему бы вам не обратиться с этим вопросом к кому-нибудь из ваших патронов в Ватикане? Ведь там отлично разбираются в древностях! А я могу и ошибиться.

— За исключением его святейшества, каждый может ошибиться! — назидательно проговорил настоятель. — Нельзя беспокоить свя-

тых отцов всякими пустяками. Рукопись может быть не настоящей. Не откажите сказать ваше мнение. Я не останусь в долгу.

— Не останетесь? — улыбнулся Фернан. — Это меня искренне радует. Десяток таких консультаций, и мне, может быть, всё-таки удастся попасть в рай. Как вы полагаете? Но я честный человек, господин Филипп. И не хочу брать деньги даром. Сегодня же пошло телеграмму своим бывшим коллегам в Париж. Там есть большие знатоки манускриптов. Кто-нибудь не замедлит явиться и подтвердить мои слова. Гонорар мы разделим поровну...

Маленькие глазки отца Филиппа в беспокойстве забегали по стономам:

— Я рассчитывал на вашу скромность, господин Гизе. Неужели вы способны разгласить чужую тайну?

«Всё идёт прекрасно!» — сказал себе Фернан. А вслух произнёс:

— Разумеется, не способен. Но я должен быть абсолютно уверен, что не введу вас в заблуждение. Раз вы не хотите вмешивать в дело третьих лиц, я должен подробнее ознакомиться со всеми фактами, касающимися рукописи. Прежде всего, мне совершенно необходимо выяснить, откуда она взялась!

Помедлив минуту, отец Филипп произнёс:

— Мне принёс её в уплату за козу Халид эль-Акбар.

— Что за коза, что за Халид, чёрт возьми?

Настоятель укоризненно покачал головой, услышав такое выражение. Однако пояснил:

— Халид — это мальчик, пастух. А козу звали Жозефина. Он её потерял...

— Чёрт с ней, с козой! — нетерпеливо вскричал Фернан. — Меня интересует не коза, а рукопись. Откуда ваш пастух её взял?

— Говорит, что в пещере, — терпеливо ответил отец Филипп.

— Чепуха! Сушая чепуха! — равнодушно отозвался Фернан. — Украл где-нибудь. А ну, давайте-ка сюда этого обманщика!

— Напрасно хулите невиновного, — строго промолвил настоятель. — Я сам видел эту пещеру. И сосуд, в котором хранилась кожа...

Он приоткрыл дверь и крикнул:

— Халида сюда! Быстро!..

Через час в комнату вошёл худой мальчишка в облезлом, потевшем цвет халате и грубых стоптанных башмаках. На опалённом дочерна лице выделялись только голубоватые белки глаз да белые зубы. Он остановился у стола с шапкой в руках и молча исподлобья поглядывал то на отца Филиппа, то на Фернана.

До кімнати увійшов хлопчак...

— Повтори при господине Гизе, как ты потерял Жозефину! — приказал отец Филипп.

Виноватым голосом, не поднимая глаз и запинаясь, Халид рассказал, как было дело. О пропавшей козе, о пещере, о кувшинах, о старой коже, которая лежит сейчас на столе у господина настоятеля. И о том, что если коза стоит намного дороже, чем кожа, то он, Халид, может не застать в живых дедушку Джафара...

О медной гире Халид решил пока не говорить. Если хозяин и этот господин скажут, что кожа со значками стоит меньше, чем Жозефина, тогда можно будет принести и гирию.

Фернан молча слушал сбивчивый рассказ Халида, недоверчиво покачивая головой.

— Вот Фома неверный! — воскликнул отец Филипп. — Хотите убедиться? Пожалуйста. Сейчас же велю приготовить еду, и отправимся к пещере!

Фернан посмотрел на мальчика. Тот проглотил слюну.

— О времени поездки договоримся позже. А вот насчёт еды прикажите. Только не для меня, а для этого парня. Ему она, кажется, не помешает.

Отец Филипп усмехнулся и перекрестил Халида.

— Иди, сын мой, скажи Христофору, что я велел дать тебе хлеба...

— Вы довольны? — снова усмехнулся отец Филипп, поворачиваясь к гостю, да так и застыл на месте: Фернан извлекал из кармана маленький фотоаппарат.

Настоятель рванулся к рукописи. Но Фернан успел щёлкнуть затвором и, пряча аппарат в карман, спокойно сказал:

— Отличный кадр. Настоятель монастыря Святого Гильома растопыренными руками защищает кожаный свиток. Даже буквы видны...

Отец Филипп схватил кожу, сунул её в сейф, захлопнул стальную дверцу и срывающимся голосом крикнул:

— Как это понимать?.. Священные законы гостеприимства...

— Садитесь и слушайте, — жёстко отрезал Фернан. — Поговорим как мужчина с мужчиной. Во-первых, мне приятно сообщить вам, что рукопись настоящая. Её примерная цена — двести тысяч долларов. Во-вторых, по справедливости она принадлежит не вам, а Халиду...

— Пусть докажет! — крикнул настоятель. — Пусть докажет! Рукопись лежит в моём сейфе! Она — моя!

— А как же заповедь «не укради»? — мирно спросил Фернан.

— Вы мне больше не нужны, — так же мирно произнёс внезапно успокоившийся отец Филипп. — Сколько я вам должен за консультацию?

— Помилуйте, какие пустяки, — улыбнулся Фернан. — Лучше я, с вашего разрешения, pošлю эту фотографию в канцелярию его святейшества.

— С моего разрешения? — прошептал мгновенно побелевший отец Филипп, тяжело опускаясь на стул.

— С разрешения или без разрешения — это, согласитесь, уже детали.

— Вы не учёный, а обыкновенный вымогатель! Гангстер!

— Зачем так грубо? — снова улыбнулся Фернан. — Я же не покушаюсь на ваше имущество.

— Этот голодранец не получит ни цента!

— И вы тоже. Центы получит канцелярия его святейшества. Если, конечно, захочет реализовать манускрипт, который вы доставите в Рим на следующий день после того, как там получат мою фотографию.

— Что вы хотите? — прошипел настоятель.

— Немногого. Вы вынимаете свиток из сейфа и разворачиваете рукопись на этом столе. Затем я прокручиваю плёнку до четырёх последних кадров и фотографирую свиток с обеих сторон. Затем начало плёнки — с вашим изображением — засвечивается, отрезается и передаётся в ваше полное распоряжение.

Отец Филипп настороженно смотрел прямо в рот Фернану.

— Кажется, вы начинаете понимать, — отметил Фернан. — Это приятно. Вместе с плёнкой я передаю вам расписку в том, что сфотографировал ваш документ и обязуюсь возместить вам любой материальный ущерб в случае опубликования этих фотографий без вашего ведома — до тех пор, пока вы не продадите рукопись.

Всё ясно? В случае если я обнародую фотографии рукописи, вы сможете сделать меня нищим и посадить в долговую тюрьму. Но как

только вы продадите свиток, мы сразу же перестанем зависеть один от другого. Вы сможете приобрести на двести тысяч долларов акций любой компании, а я смогу сообщить учёным любопытнейший древний текст...

— Вы уверены, что эта кожа стоит двести тысяч? — деловым тоном прервал его отец Филипп.

Фернан махнул рукой:

— Плюс-минус тысяча! Запишите название фирмы, которая выписет вам чек немедленно. «Рене Блез лимитед», Лион, Рю Дарваль, шестьдесят восемь... Но погодите, отец Филипп! Я ещё не всё сказал. Справедливость требует, чтобы у нас с вами всего было поровну. У вас плёнка — у меня плёнка. У вас расписка — у меня расписка... Не понимаете, о чём идёт речь? О расписке дедушки Джафара! О свободе Халида!..

Через час всё было закончено. Настоятель монастыря Святого Гильома разобрался в цифрах на катушке Фернанова фотоаппарата и понял, что его не обманут. Рукопись сфотографировали — дважды с каждой стороны. Остальную плёнку тут же засветили. Фернан написал расписку. Отец Филипп, явно знавший толк в юридических премудростях, придирчиво перечитал её несколько раз и спрятал в сейф, выдав обмен «контракт» Халида.

— Вот теперь, — сказал на прощание Фернан, — я с удовольствием отведал бы бургундского!

— Какое может быть бургундское в святой обители? — развёл руками отец Филипп.

Глава четвёртая **ХРИСТОС И ПОЛИЦЕЙСКИЕ**

Сжав ладонями худые щёки, Халид смотрел, как корчится в огне и превращается в дым страшная бумага, подписанная дедушкой Джафаром. В чёрных глазах мальчика блестели слёзы.

— Вот и всё! — весело сказал Фернан, поднеся пепельницу к окну и сдунув с неё щепоть серого пепла. — Вот и всё! — повторил он. — И хватит печалиться. Скоро увидишь дедушку!

Мальчик схватил большую руку Фернана и прижался к ней лбом. А когда поднял голову, в его глазах уже не было слёз.

— Я думал, что бог обманул меня, — серьёзно промолвил Халид. — Я просил денег, а он дал мне старую кожу. Но бог всемогущ. Он сделал так, что старая кожа стала дороже денег. Как мне отблагодарить его?

— Если бы господь знал, что написано на этой старой коже, он сделал бы так, чтобы никто и никогда не нашёл её! — усмехнулся Фернан.

— Почему? — удивился мальчик.

— Это длинная история, и ты вряд ли поймёшь её.

— Я постараюсь!

— Ладно, попробуем... Вероятно, отец Филипп рассказывал тебе об Иисусе Христе?

Халид утвердительно кивнул головой.

— Так вот, во всей этой истории с Иисусом Христом, сыном божьим, есть немало загадочного и непонятного. Например, непонятно, почему ни один человек, который жил в то же время, когда, по словам библии, жил Христос, ничего о нём не знал. Тогда ведь жили многие знаменитые учёные — Плутарх, Иосиф Флавий, Сенека, Филон Александрийский, после которых остались их книги. И ни в одной из этих книг нет ни слова об основателе христианской религии, великом чудотворце Иисусе. Ну как это объяснить?

— Не знаю, — простодушно ответил мальчик.

— Или ещё такая загадка, — продолжал Фернан. — Непонятно, почему за тысячи лет до того, как, по словам евангелия, родился Иисус Христос, многие народы верили в богов, которые были на него удивительно похожи. Например, Христос родился 25 декабря. И, как это ни странно, именно в тот же день — 25 декабря, — только многими столетиями раньше, родился, по мнению древних жителей Индии, Будда, по мнению древних египтян — Гор, по мнению древних иранцев — Митра. А если вспомнить, что рассказывали про всех этих богов, то можно удивиться ещё больше.

Скажем, у Митры матерью была дева Майя — точная копия девы Марии. Когда Митра родился, к нему на поклонение первыми пришли пастухи — точно так же, как к Иисусу. И дальше всё было чертовски похоже. После тайной вечери Митру распяли, он вознёсся на небо, обещав вернуться на землю и совершить страшный суд над грешниками. Люди, верившие в Митру, носили крест, как и много позже люди, верившие в Христа... Ну как объяснить это странное совпадение?

Халид смущённо пожал плечами.

— Ну, а теперь слушай внимательно! Старая кожа, которую ты нашёл в пещере, загадала нам ещё одну загадку. На старой коже написано, что за двести лет до рождения Христа спаситель уже ходил по земле, читал проповеди, был ложно обвинён и умер мученической смертью. Получается, что спаситель умер за много лет до рождения спасителя. Но не может же человек помереть до того, как родится?

— Не может! — улыбнулся Халид. В этом у него, по-видимому, не было никаких сомнений.

— Безусловно, не может! — подтвердил Фернан. — И если подумать как следует, то всем этим загадкам есть одна и очень простая разгадка. Всё, что сказано в библии про Иисуса Христа, — просто сказка. А на самом деле никакого такого человека не было. А раз не было, то понятно, почему никто из живших в то время людей ничего о нём не

слышал. Сказку про Христа сочинили тогда, когда и Плутарх, и Сенека, и все другие уже умерли.

Очень просто объясняется и загадка с одинаковым днём рождения. 25 декабря день начинается прибавляться, а ночь становится меньше. Почти все древние люди думали, что в этот день рождается бог Солнца, который начинает побеждать тьму. Сказки про таких богов сочинялись во всех странах задолго до того, как была сочинена сказка про Христа. Одна такая древняя сказка написана на старой коже, которая пролежала в кувшине больше двух тысяч лет. И, как я уже сказал тебе, это очень неприятная для бога сказка. Потому что она ещё раз подтверждает, что никакого бога нет.

— Но кто тогда положил эту кожу в кувшин? Кто направил мои ноги к пещере? Кто заставил хозяина отдать меня вам? — неуверенно спросил мальчик.

Фернан рассмеялся.

— Легче всего ответить на твой второй вопрос. Кто направил твои ноги к пещере? Да коза Жозефина! Кожу спрятали жители Хирбета, когда спасались от врагов много сотен лет назад. Ну, а в остальном — запомни, мой мальчик: человек, даже самый обыкновенный человек, может сделать гораздо больше, чем самым лучшим образом придуманный бог!

— Обыкновенный человек... — тихо повторил Халид. Потом посмотрел прямо в глаза Фернану, смущённо улыбнулся и так же тихо проговорил: — Нет... Не обыкновенный...

Он вскочил на ноги, бросился к двери, и Фернан услышал, как закрипели ступеньки под его ногами...

У Халида были отличные ноги. В правом боку уже ломило, в висках стучало, а ноги всё несли и несли его без усталости.

Он выбежал из города, миновал развалины, оставил позади пирамиду. Солнце ещё только поднималось к зениту, но и путь был немалый. Если не бежать, вряд ли успеешь до темноты.

Горы приближались. Серо-зелёная масса постепенно распадалась на отдельные скалы и деревья. Вот уже видна и тропа, ведущая к перевалу.

— Стой! — раздался над ухом Халида оглушительный окрик. Чья-то тяжёлая рука легла ему на плечо.

Мальчик оглянулся и увидел жёлтый полицейский мундир.

— Кто такой? Куда?

— У меня пропала коза, господин. Хозяин убьёт меня!

— А ну возвращайся, откуда пришёл!

Халид не успел больше вымолвить ни слова, как его силой повернули кругом, и... он чуть не растянулся от сильного толчка.

— Чтоб духу твоего тут не было!

Сделав несколько шагов, Халид обернулся. На тропе, широко расставив ноги, стояли три дюжих полицейских и, ухмыляясь, смотрели на него.

Делать нечего. Мальчик поплёлся обратно. Он дошёл до поворота и ещё раз обернулся.

Два полицейских наклонились к спичке, которую поднёс им третий. На Халида они, по-видимому, перестали обращать внимание.

Воспользовавшись этим, мальчик ящерицей скользнул в кусты.

Он прополз на четвереньках метров двести и остановился, чтобы отдышаться.

Голоса полицейских раздавались совсем рядом.

— Жалко мальчишку! — услышал Халид. — Ему за козу башку оторвут.

— Приказ есть приказ!

— Не ради же такого оборванца он издан?

— Сказано, никого — значит, никого...

Ничего не поняв, Халид пополз дальше. Голоса раздавались всё глуше и наконец совсем пропали.

Тогда он поднялся и короткими перебежками — от валуна к валуну, от куста к кусту — помчался в гору.

Около пещеры кусты были изрядно помяты, словно там прошло целое стадо коз.

Мальчик некоторое время прислушивался, не раздастся ли поблизости скрип щебня или чей-нибудь голос. Но ничто не нарушало тишины, и он наконец решился — выскочил из-за кустов и в два прыжка очутился у знакомой расселины.

Гиря была на месте. Халид взвалил её на плечо и снова спрятался в своё укрытие среди густого колючего кустарника. Теперь надо было дожидаться темноты.

Под утро Фернан услышал странный стук. Он открыл глаза, нажал кнопку лампы и приподнялся. В открытое окно со свистом влетел камень и ударился о стенку.

Фернан подскочил к окну и в неясной полумгле увидел внизу небольшую фигурку.

Через несколько минут он втащил мальчика в комнату.

Халат Халида превратился в лохмотья, босые ноги были покрыты кровью. Крепко сжимая в руках какой-то мешок, он опустился прямо на пол.

— Что случилось? Что с тобой?

— Ничего, — улыбнулся Халид.

Фернан бросился к аптечке.

Пока он обмывал и обрабатывал спиртом и йодом глубокие ссадины на ногах мальчика, тот односложно отвечал на его вопросы.

— Где ты был?

— На горе...
— Почему ночью?
— Не пускали...
— Кто не пускал?
— Полицейские...
— Какие полицейские?
— Не знаю...
— Но почему не пускали?
— У них приказ...

Положив мальчика на диван, Фернан сердито спросил:

— И какого дьявола тебя туда понесло?

Вместо ответа Халид показал на мешок, который так и остался стоять у порога.

Фернан с трудом извлёк из мешка продолговатый, очень тяжёлый предмет и вопросительно посмотрел на Халида:

— Что это такое?

Но мальчик ничего не мог ответить, если бы даже знал: он уснул.

Фернан опустил странный предмет на пол, подошёл к Халиду и укрыл его пледом. Потом опустился на корточки и стал внимательно рассматривать слоистый торец Халидова сокровища.

Это было похоже на свиток, на свёрнутую длинную полосу, но не бумажную, не папирусную, не пергаментную, не кожаную, а медную!

Такого Фернан никогда не видел. Он даже не слышал о существовании подобных предметов.

Он знал о книгах на камне, на глиняных черепках, на бересте, на пальмовых листьях, на костяных и золотых пластинках, на покрытых воском дощечках, даже на черепаховом панцире.

Но медный свиток — это что-то новое!

Что же могло быть написано в такой странной книге?

Что ж написано в такой книге?

Фернан перенёс её на стол, взял лупу, набор инструментов и принялся тщательно осматривать удивительную находку Халида.

Он так погрузился в осмотр медного свитка, что не заметил, как настало утро, и забыл выключить лампу.

Может быть, он даже пропустил бы завтрак, если бы не деликатный стук в дверь.

— Войдите!

— Прошу извинить, господин Гизе. Можно вас на минуточку?

Вид у хозяина гостиницы был необыкновенно взбудораженный.

— Видит аллах — не хотел вас тревожить. Но такие дела...

Он протянул Фернану газету.

— Что там стряслось? — спросил Гизе.

— У нас в Хирбете приземлились марсиане!

— Давно? — Гизе сунул газету под мышку и принялся неторопливо разминать сигарету.

— Позавчера! — доверительно наклонившись к Фернану, сообщил хозяин. — А этой ночью неизвестные грабители проникли в монастырь Святого Гильома и похитили монастырские сокровища!

— Странное совпадение, — помедлив, промолвил Фернан.

— Вы тоже думаете, что сокровища похитили эти марсианские дьяволы?

Хозяин так и не дождался ответа. Фернан Гизе, устремив невидящий взгляд в потолок, барабанил по перилам длинными сильными пальцами.

Когда Гизе вернулся в комнату, Халид сидел на корточках на полу и рассматривал большую книгу.

— А на стуле неудобно? — спросил Фернан.

Халид смущённо улыбнулся, вскочил на ноги и положил книгу на стол.

— Смотри, смотри, пожалуйста. Тебе нравятся эти картинки?

— Очень. Особенно быки Саммили!

— Как ты сказал? — переспросил Фернан.

— Быки Саммили, — повторил мальчик. — Так называл их дедушка Джафар.

Он раскрыл книгу на цветной глянцевой вклейке. На голубоватом фоне ярко выделялись оранжевые бизоны с тяжёлыми, опущенными к земле головами.

— Ты ошибаешься, — сказал Фернан. — Твой дедушка не мог видеть таких животных. Они не живут и никогда не жили в пустыне. Эту картинку я нашёл на стене грота, далеко отсюда, в Испании.

— Я не ошибаюсь! — воскликнул Халид. — Быки Саммили — не живые. Это картинка — большая, очень большая картинка. На большой скале в Саммили. Когда я был маленький, дедушка много раз рассказывал мне об этой скале. А потом мы остановились у источника, и я смотрел на быков Саммили...

У Фернана загорелись глаза. Он, автор первой в мире книги о наскальной живописи, ничего не слышал о каких-то быках Саммили!

— Послушай, Халид! А там нет других скал с другими рисунками?

— Там очень много скал. Но о других рисунках я ничего не слышал.

— Тем лучше! Значит, мы их разыщем!

Фернан ласково положил руку мальчику на плечо:

— Можешь считать, что ты сполна рассчитался со мной!..

Глава пятая

Кража со взломом

— Чушь! — воскликнул Тарасюк. — Дикая чушь! Древние не знали железобетона!

— Вы совершенно правы! — раздался рядом незнакомый голос.

Тарасюк обернулся. Около него стоял высокий, очень худой человек в белой рубашке и грубых парусиновых брюках...

— Фернан Гизе, спелеолог! — представился он и протянул Григорию сухую, коричневую от загара руку. — А вы, надо полагать, господин Белов?

— Не совсем, — осторожно ответил Григорий. — Моя фамилия Тарасюк, профессия — археолог, постоянное местожительство — Москва.

— Если вам нужна пирамида, то вы опоздали, господин Тарасюк.

— Вижу, — пробурчал Григорий. — И всего на каких-то несчастных два часа... Ночью полиция никого не пускала в Хирбет, а у этой шайки был отличный транспорт!.. Ума не приложу — кому понадобилось подменять пирамиду?

— У вас нет никаких подозрений?

— Абсолютно! — твёрдо сказал Тарасюк.

— А у меня есть, правда очень смутные. Настолько смутные, что не стоило бы никому и говорить о них. Но раз вы почти Белов, — улыбка мелькнула в глазах Фернана и сразу же исчезла, — раз вы почти Белов, то вам скажу. Пирамиду могли подменить те самые люди, которые наложили руку на пещеры...

— Вы имеете в виду кувшины с золотом?

— Если бы с золотом! — рассмеялся Фернан. — О чём вы говорите?

— Шофёр, вон тот самый, — Тарасюк показал в сторону машины, — рассказал мне, что здесь в пещерах нашли кувшины с золотом.

— Бедняку везде мерещится золото!..

— Что же было в пещерах?

— Не знаю. Но там могли быть древние рукописи. Манускрипты, которым нет цены.

— И вы знаете что-нибудь о тех, кто это сделал? — спросил Тарасюк.

— Очень мало, — вздохнул Фернан. — Знаю, что без сговора с властями тут не обошлось. Пока они работали в горах, доступ туда был закрыт. Так же, как сегодня, по вашим словам, сюда. А ещё знаю, что месяца полтора назад, в ту самую ночь, когда перекрыли дороги в горы, из сейфа отца Филиппа — настоятеля здешнего монастыря — исчез очень древний манускрипт...

— Случайно, не тот, что попал потом в печать?

— Случайно, тот. Точнее, украли оригинал. А газета напечатала фотокопию, которую я им послал. Благодаря стечению некоторых обстоятельств у меня оказалась копия, которой я сначала не мог распоряжаться. Но кража развязала мне руки.

Тарасюк не понял связи между похищением оригинала и публикацией копии, но промолчал.

— Ну, рукопись — это я ещё понимаю, — сказал он, помедлив. — Древние манускрипты дороже золота... Любая шайка, узнав о них, могла захотеть поживиться. И даже подкупить полицию. Но пира-

мида! Кому нужны три тысячи тонн битого камня? Представляю себе, что осталось от пирамиды!..

— Что и говорить, — усмехнулся Гизе. — Опять кража со взломом!

— Подождите! — Григорий взял его за руку. — Может быть, она была сделана из особого камня?

— Какой там особый, — отмахнулся Фернан. — Обыкновенный песчаник. Точно такой, как любой здешний камень. Хоть этот!

Он нагнулся и поднял небольшую жёлтую плитку.

— Но тогда на кой же чёрт? — Тарасюк принялся шагать взад и вперёд вдоль железобетонной пирамиды. — Ничего не понимаю!..

Несколько минут он молча вышагивал, потом спросил Фернана:

— Вы побывали в этих пещерах?

— Конечно!

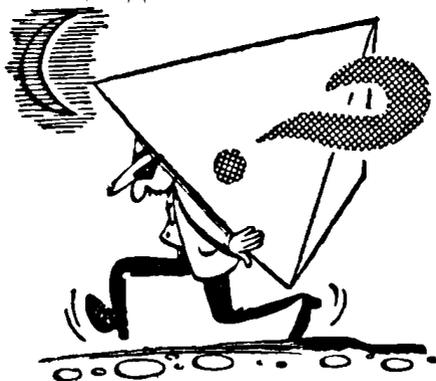
— До них или после них?

— К сожалению, после. Впрочем, мой конёк — наскальные рисунки. Так что я всё равно мог и раньше не найти того, что нашли они.

— А по виду пещер нельзя было представить себе, что за люди там орудовали?

— Можно. Вероятнее всего, археологи. Всё там было перерыто самым квалифицированным образом...

— Неплохо! — проговорил Тарасюк. — Загадки множатся. Уже набралась целая коллекция. Давайте-ка посчитаем...

Фернан одобрительно кивнул.

— Загадка первая, — сказал Тарасюк. — Кто искал в пещерах древние рукописи и почему для него стали оцеплять горы? Вторая загадка: кто украл пирамиду? Третья загадка: зачем украли пирамиду? Весёлая жизнь!

— Жизнь как жизнь! — усмехнулся Фернан. — Поедемте ко мне, я покажу вам ещё одну загадку. Четвёртую. Кстати, в моей гостинице есть свободные номера. Судя по вашему виду, вы прямо с дороги. Не так ли?..

— Знаете, Грегори, — говорил Фернан, ставя перед Тарасюком дымящуюся чашку чёрного кофе, — ведь я был уже близок к отчаянью. Почти год проторчать в Хирбете в надежде отыскать пещеры! А когда эти пещеры обнаружены, не найти в них ничего. Но теперь... Это как чудо — рассказ мальчишки о быках...

— Мне тоже нравится ваша история с быками, — улыбнулся Тарасюк. — Но не потому что быки, а потому что Саммиты.

— То есть? — не понял Фернан.

— Видите ли, когда Белов предполагает, что космический корабль опустился в мёртвую пустыню, — это одно. Но если окажется, что пустыня была в те времена очагом человеческой цивилизации, — это совсем другое. Ваши быки — это, может быть, недостающее звено между саммититами и Хирбетской пирамидой. И знаете, что я думаю? Надо искать в Саммиты не только быков. Мало ли, что там... Верно?

— У вас разыгралась фантазия, — мягко сказал Фернан. — Не надо спешить с выводами. Даже если ваш коллега Белов в принципе прав, то сейчас ещё слишком мало фактов, чтобы что-то утверждать. Вам нужно собирать факты.

— А я был уверен, что вы наш сторонник! — разочарованно протянул Тарасюк. — Значит, вы гуляли ни свет, ни заря у пирамиды просто из любопытства?

— Нет, не просто. Я совершенно согласен с уважаемым господином Беловым, что саммиты и Хирбетская пирамида загадочны и что интересно попробовать раскрыть их тайну... Только надо сохранять хладнокровие. Кстати, я ведь обещал ещё одну загадку. Прошу извинить!

Он вышел из комнаты и несколько минут спустя снова появился, держа в руках деревянный ящик, по-видимому, очень тяжёлый.

Опустив ящик на пол, Фернан открыл обитую изнутри толстым войлоком крышку.

— Смотрите, что нашёл Халид в одной из пещер ещё до того, как в ней побывали неизвестные грабители...

Тарасюк наклонился над ящиком и увидел круглый предмет, покрытый чёрно-зелёной коркой.

На плоско срезанном торце кое-где поблёскивал жёлтый металл.

Минут десять он пристально рассматривал содержимое ящика. Потом выпрямился и задумчиво проговорил:

— Да не осудит меня учёная братия, но ведь это не что иное, как книга. Самая настоящая древняя рукопись, только по чьей-то странной прихоти изготовленная из меди... Вы не пробовали развернуть её?

— К сожалению, пытался. И чуть было не совершил преступления. Отогнутый край сразу же превращается чуть ли не в пыль. Здесь почти не осталось металла — сплошная окалина.

— Нужен хороший рентгеновский аппарат, — всё так же задумчиво произнёс Тарасюк. — И бокс с манипуляторами. И — на всякий случай — киноаппарат.

— К сожалению, мне не приходилось заниматься такими вещами, — сказал Фернан. — А вам?

— Приходилось, и довольно часто. У нас в институте есть реставрационная лаборатория... Послушайте, господин Гизе! Медный свиток найден в Хирбете, в нескольких километрах от загадочной пирамиды и не так уж далеко от загадочных саммитов. Разыщите рентген! Остальное я беру на себя.

Глава шестая

КОНЕЦ МЕДНОГО СВИТКА

Через четыре дня Тарасюк зашёл к Фернану Гизе.

Программа командировки была сорвана, — образец материала, из которого некогда изготовили пирамиду, ускользнул из рук Григория. Ускользнула единственная возможность определить когда-нибудь время создания этого диковинного сооружения и сравнить его со временем образования саммитов.

В канцелярии губернатора чиновники делали непроницаемые лица при одном упоминании о пирамиде.

Тарасюку не удалось услышать ни слова о том, как была она подменена и куда делся её оригинал. Правда, усатый шофёр, который привёз Григория в Хирбет, познакомил его с молодым арабом, утверждавшим, что видел, как какие-то «иностранцы» разбили пирамиду.

Но этот свидетель ничего не мог сообщить об иностранцах, кроме того, что они говорили не по-английски. Всё это мало чем могло помочь мушкетёру в разгадке истинного смысла случившегося.

— Не огорчайтесь, Грегори, — утешал его Фернан. — Ваша работа только начинается. Будет ещё много неудач!

— Я не огорчаюсь, — ответил Тарасюк. — Я злюсь! Чувствую, что есть враг, и не знаю, кто он.

Фернан исподлобья взглянул на Тарасюка и тихо сказал:

— Все эти дни я думал о судьбе рукописи, похищенной из монастыря. И о судьбе манускриптов, которые могли лежать в пещерах. Я не люблю утверждать недоказанное, но хотел бы обратить ваше внимание на то, что на нашей планете есть одно хранилище ценнейших документов, доступ в которое закрыт для науки. То самое, где хранится, например, исповедь Сальери, который, по всей вероятности, действительно отравил Моцарта...

— Ватикан?

Фернан молча кивнул.

— И вы утверждаете, — с сомнением в голосе протянул Григорий, — и вы утверждаете...

— Я ничего не утверждаю. Я просто обращаю ваше внимание на то, что такая возможность не исключена. Похищенная рукопись имеет прямое отношение к интересам церкви. Отец Филипп — настоятель, — тот был готов продать её хоть сатане, лишь бы за большие деньги. Вот рукопись и исчезла... Предположение господина Белова тоже имеет отношение к интересам церкви...

Кстати, помните, вчера вы спросили у меня, почему профессор Френсис Клайд из Лайкского университета мог выступить против гипотезы вашего друга? Да ещё наговорить при этом ерунды, хотя он серьёзный учёный. Так вот, я сегодня кое-что выяснил. Президентом попечительского совета состоит там духовное лицо — епископ католической церкви. Когда истинный виновник какого-либо действия неизвестен, я всегда задаю себе вопрос: а кому на пользу это действие? Пользуюсь советом древних римлян... И обычно угадываю.

Конечно, сейчас двадцатый век, а не пятнадцатый. Сейчас не разожжёшь костёр в Риме, чтобы сжечь саму мысль о населённых мирах, существующих во Вселенной во множестве. Но почему нельзя опровергнуть предположение о чём-то прилёте оттуда к нам на Землю?

— Занятно! — мрачно произнёс Тарасюк. — Об этом надо подумать. А теперь скажите, как дела с рентгеном?

— Лучше, чем я предполагал. В Бейруте, оказывается, есть сносная лаборатория. Там довольно мощный аппарат...

— Отлично! Не будем терять времени. Мне осталось только расчитаться с хозяином — и я в полном вашем распоряжении!

Тарасюк в последний раз проверил, открыты ли объективы киноаппаратов, надёжно ли закреплены лапы манипулятора, сжимающие чёрно-зелёный цилиндр свитка, и скомандовал:

— В укрытие!

Их отделила от аппарата толстая бетонная стена. В маленькое окошко, защищённое свинцовым стеклом, был виден только экран.

Григорий надел на руки перчатки, словно взятые напрокат из рыцарских доспехов в историческом музее. Теперь манипуляторы стали как бы продолжением его рук. Фернан уселся за пульт, и они впились взглядом в чуть мерцающий зеленоватым светом экран.

Фернан медленно поворачивал рукоятку. Мощность излучения нарастала. На экране всё заметнее вырисовывался контур цилиндра. Края его были размыты — время сильно повредило металл.

— Давайте полный! — сказал Григорий.

Экран стал ярко-зелёным. Цилиндр, бережно поддерживаемый лапами манипулятора, был виден совсем резко. Тарасюк — железные руки там, в камере, повторяли все его движения — поворачивал медный цилиндр с боку на бок, подставляя его потоку лучей со всех сторон.

Весь свиток был покрыт язвами окиси. Маленькие островки неповреждённого металла тонули в море ржавчины. Самый большой островок был как раз в середине цилиндра.

— Приглушите! — попросил Григорий.

Зелёное мерцание стало мягче.

— Стойте! — закричал Фернан. — Стойте! Неужели вы не видите? Сейчас я сделаю порезче!

Теперь и Тарасюк увидел, что тёмный островок в центре изображения покрыт причудливым переплетением более светлых линий.

Григорий нажал кнопку постоянного режима. Через несколько минут можно было разглядеть такие же, едва заметные знаки и на других неповреждённых островках меди.

Но как ни пытался он сделать изображение более чётким, это ему не удалось. Мешали толстые слои окиси.

— Придётся разворачивать! — проговорил наконец Фернан. — Другого выхода нет! Включаю киноаппараты!

Стальные лапы за экраном задвигались. Фернан с уважением поклонился на большие руки Тарасюка.

На экране было видно, как начал раскручиваться свиток. Цилиндр стал шире на несколько миллиметров, потом на сантиметр, потом ещё на сантиметр...

— Резче! — тихо скомандовал Григорий.

Экран вспыхнул, и на краю свитка показались чёткие замысловатые значки, нечто среднее между иероглифами и буквами.

Неожиданно край свитка вместе с письменами начал таять и через мгновение совсем исчез. Цилиндр стал тоньше.

И хотя они знали, что отогнутый край неминуемо должен рассыпаться в пыль, хотя к этому печальному событию хорошо подготовились и были уверены, что все подробности надёжно зафиксированы киноаппаратами, в открытии раздался громкий вздох.

— Разворачивайте дальше! — произнёс Фернан.

Большие руки Тарасюка снова осторожно задвигались, и снова начал пухнуть на мерцающем экране тёмный цилиндр.

...Через два часа медный свиток перестал существовать. Вместо него осталось около двухсот жёлтых чешуек с выгравированными на них письменами и шесть кассет киноплёнки.

Глава первая
МАЙЯ КРЕМНЁВА

Чёрные следы атомов на пластинке были намного короче, чем полагалось. Почти в два раза короче. Матвей взял таблицу эталонов и внимательно просмотрел её от начала до конца.

Неужели радиоактивные изотопы бериллия и алюминия? Это же великолепно! Значит, саммит ещё совсем молод — ему не больше миллиона лет.

Матвей открыл футляр пишущей машинки и начал отстукивать результаты опыта.

Сзади скрипнула дверь, но он не обратил на это никакого внимания и продолжал печатать.

— Ещё одна статья в газету? — с лёгкой иронией произнёс за его спиной звонкий голос.

Белов обернулся. В дверях стояла тоненькая девушка в брюках и свитере.

— Вы ко мне?

— Если вы Белов, то к вам.

— Извините, что-то я вас не припоминаю...

— Ничего! Я вас тоже не узнаю. Вы представлялись мне совсем не таким. Очень высоким и непременно брюнетом — по контрасту с фамилией.

— Астроному не обязательно быть высоким. До звёзд всё равно не дотянешься. Да вы садитесь...

— Терпеть не могу сидеть. Насиделась на всю жизнь! Девять лет в школе, пять — в университете...

— А потом?

— Потом получила диплом. А вы тоже умеете говорить в рифму?

— Не знаю, — сказал Матвей. — Вообще сочиняю с большим трудом.

— Это я давно заметила, — согласилась девушка.

— Каким образом? — Белов посмотрел на агрессивную гостью подозрительно.

— А вы до сих пор никак не сочините мне хотя бы открытки.

Матвей удивился:

— Вам? Открытку? Постойте, а как вас зовут?

— Майя Кремнёва!..

Как известно, всё человечество можно разделить на две части. И основанием для такого деления могут быть самые различные признаки. Можно, например, разделить людей на тех, кто рано встаёт и рано ложится, и тех, кто поздно ложится, но зато поздно встаёт. На тех, кто делает зарядку, и тех, кто её не делает. На тех, кто, увидев наезжающий автомобиль, быстро перебегает улицу под носом у машины, и тех, кто в подобном случае непременно пятится назад.

Майя относилась к той половине человечества, которая встаёт на заре, делает зарядку и никогда не пятится назад.

Но и эту половину можно, в свою очередь, разделить на две неравные четвертушки. В большую входят люди, уверенные, что спешить некуда, что их время ещё не наступило, а уж когда оно наступит, тогда они покажут себя. В меньшую входят люди, всегда готовые к действию, как заправленная ракета. Именно из этой четвертушки выходят те, которым, по мнению остальных, «чертовски везёт», которые «своего не упустят», «рождаются в сорочке», и так далее.

Майя не родилась в сорочке. Но она всегда точно знала, чего хотела, и устремлялась к желаемому изо всех сил. И добивалась своего.

Талант? Верно, у неё были неплохие способности. Но у тысяч её сверстников они были ничуть не хуже. Только мало кто умел, подобно Майе, собрать линзой воли все свои мысли в один пучок, способный прожечь любое препятствие.

Она росла без отца. Он погиб в последние дни войны.

Но кое в чём ей действительно повезло. Первые четырнадцать кругов своей жизни Майя бежала за лидером. Лидера звали Серёжка. Серёжка был на три года старше, но никогда не задавался и всегда защищал её самостоятельность. К четырнадцати годам она умела делать почти всё, что умел делать брат: ездить на мотоцикле, бегло читать по-английски, разжигать костёр во время дождя, брать первые места на городских математических олимпиадах. Майя стриглась под мальчишку, ходила в брюках и ковбойке, и нередко её принимали за младшего Серёжиного брата.

Когда брат поступил в университет, на математический факультет, у них произошла первая серьёзная размолвка.

— Знаешь, Серёжка, я решила уйти в вечернюю школу, — сказала Майя. — Я не буду математиком. Ты не сердись.

— С ума сошла! У тебя явно выраженные математические... И вообще наш век — век математики!

— Наш век — век социалистической революции! — отпарировала Майя. — Понимаешь, угнетённые народы не желают жить по старому. Почему всем нужно заниматься математикой? Суо куикве, — сказала она по-латыни. — Каждому своё!

— И что тебе куикве? — сердито спросил Серёжка.

— Мне куикве, чтобы ты познакомил меня с арабами.

— Ещё чего! — сказал брат. — Я подозреваю, что угнетённые народы запросто обойдутся без тебя...

Но на следующий день Майя снова заговорила о том же.

Через день — снова. Ещё через день — опять.

В конце концов Серёжка понял, что жизни ему не будет. И однажды вечером явился домой с низеньким смуглым парнем. У парня были неестественно густые и блестящие чёрные волосы и ослепительно чёрные глаза.

— Наш товарищ... Сын иракского коммуниста, — объявил Серёжка сестре. — Поможешь Асафу учить русский?

— Начну сегодня же! А вы мне — арабский. Ладно?

В шестнадцать лет Майя получила в вечерней школе аттестат зрелости и помчалась на филологический факультет.

Секретарь приёмной комиссии — мрачная и очень полная дама с сухим, скрипучим голосом объяснила ей, что за последние четыре года на арабистику не приняли ни одной девушки:

— Сам Сергей Викентьевич лично и персонально знакомится с каждым желающим сдавать экзамены и как только обнаруживает, что перед ним не юноша... А сейчас профессора вообще нет.

— Не откажите в любезности, — вежливо попросила Майя, — дать мне телефон профессора. И домашний, пожалуйста.

Дама отказала.

Майя позвонила в справочное. Потом — из первой же телефонной будки — на работу и домой профессору. Ей ответили, что профессор в командировке, и спросили, кто звонит. У Майи не было никаких причин скрывать своё имя.

Назавтра она позвонила снова. Её попросили позвонить через неделю. Но Майя позвонила на следующий день:

— А вдруг Сергей Викентьевич вернётся неожиданно? Мне ведь он не пришлёт телеграммы, а вам может прислать!

Через два дня родные профессора узнавали Майю с первого слова, отвечали, не дожидаясь вопроса, «не приехал» и вешали трубку.

Но вот наконец Майе повезло. По странной случайности. Правда, Наполеон говорил, что случай всегда на стороне больших батальонов.

Когда она позвонила домой профессору Бочковскому в двенадцатый раз, вслед за нескончаемо длинным басовитым гудком раздался щелчок, и мужской, неожиданно тихий голос (Майя ждала от профессора львиного рыка) произнёс:

— Слушаю.

И тут Майя чуть было всё не испортила. Вместо приготовленного заранее «салям алейкум» она растерянно пролепетала:

— А у меня брата тоже зовут Сергей...

— Гм... Бывает, — промолвил профессор. — А вас как зовут?

— Майя...

— Ах, это вы! Наслышан! Чем могу быть полезен?

Тут наконец Майя пришла в себя. Она вобрала в лёгкие побольше воздуха и чётко выпалила:

— Салям алейкум!

— Алейкум салям, — машинально ответил профессор. — Чем могу...

— Возьмите меня к себе, — по-арабски сказала Майя.

— Куда — к себе?

— В университет. Свет вашей учёности рассеет тьму моего невежества! — по-арабски сказала Майя.

— И сколько таких фраз вам удалось вызубрить? — с интересом спросил Бочковский.

— Не счесть звёзд на небе, не счесть песчинок в пустыне, но слов у людей ещё больше!

— Стойте! — взмолился профессор. — Стойте! Что у вас по тригонометрии?

— Пять!

— По алгебре?

— Пять!

— По физике?

— Пять!

На том конце провода воцарилась тишина. Очевидно, профессор размышлял.

Затем трубка произнесла всё тем же тихим, но уже совершенно официальным голосом:

— Жду вас в девять пятнадцать на кафедре.

— Спасибо! — сказала Майя. И не без лихости добавила, разумеется тоже по-арабски: — Лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать.

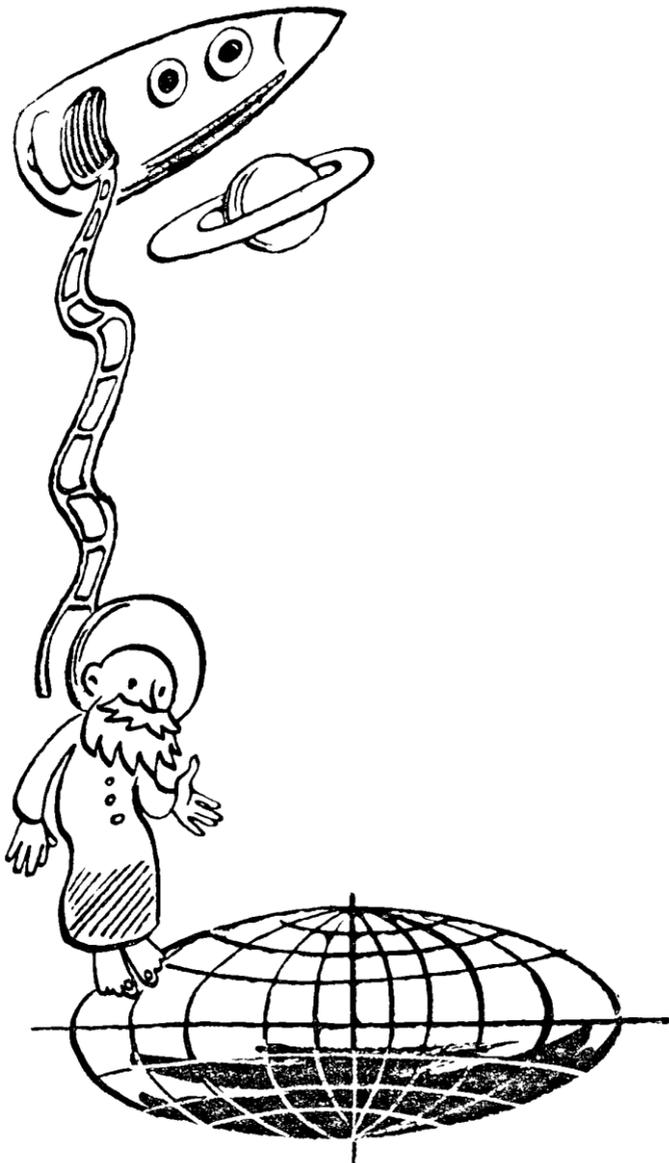
С тех пор прошло шесть лет. «Наш самый младший старший научный сотрудник» — говорили про Майю Кремнёву в Институте восточных языков.

— Майя Кремнёва? — переспросил Матвей. — Начинаю припоминать. Так это вы прислали телеграмму? — Он сокрушённо вздох-

нул. — Признаюсь, виноват. Действительно, ответа не послал. И даже телеграмму вашу отдал одному товарищу. Чем прикажете искупить вину?

— Для начала покажите мне, откуда они прилетали.

— А вы уверены, что они прилетали?

Майя пристально взглянула на Белова. Глаза у неё были карие, очень яркие, а брови поднимались к вискам наискосок, что придавало лицу несколько удивлённое выражение.

— Разумеется! Надо быть круглым дураком, чтобы не видеть следы космонавтов буквально на каждом шагу!

— Например? — Губы у Матвея дрогнули.

— Это вам-то нужен пример? Да любая легенда о любом боге! «Сошедшие с неба были на Земле в днях тех». Это библия. И не только христианский бог. Магометанский аллах, иудейский Яхве, индийский, эскимосский, негритянский, полинезийский — все боги дружно сходили, слетали, падали, опускались! Откуда? С неба! А кто только не возносился на небо? И Енох, и Христос, и Митра, и Кецалькоатль, и сотни других легендарных личностей.

Почему обязательно все эти истории надо было придумывать? Почему не предположить, что всё было гораздо проще? Прилетели с неба могущественные космонавты на ракетных кораблях. Неандертальцы, одетые в звериные шкуры, стали им поклоняться, как высшим существам, а потом запомнили этот случай и передали его по наследству своим потомкам!..

Разве вы не знаете, что инки приняли за богов испанцев, всё могущество которых заключалось в огнестрельном оружии и лошадях? А космонавты, безусловно, имели ракеты, телевизоры, холодильники и пылесосы! Нет, серьёзно, они ведь и в самом деле по сравнению с неандертальцами находились на бесконечно высоком уровне развития! Почему вы улыбаетесь?

— Не обижайтесь, пожалуйста, но совсем не обязательно было прилететь космонавтам, чтобы наши невежественные предки придумали себе богов.

— Не обязательно! — пожала плечами девушка. — Могло быть так, а могло быть и этак. Но вы собираетесь искупать свою вину? Так показывайте, откуда они прилетали!

— Чего бы я не дал, лишь бы узнать это! — проговорил Матвей, помедлив. — Узнать и сказать людям: «Смотрите все! Вот самое близкое место в космосе, где обитают ваши братья по разуму!» Но, к сожалению, космонавты, о которых мы с вами говорим, пока не сообщили мне, в каком справочном бюро можно узнать, откуда они...

— Значит, будем искать это справочное бюро? — Майя с надеждой посмотрела на Матвея. — Дайте мне задание.

Рука Белова непроизвольно потянулась к затылку, но он вовремя опомнился и сбросил с плеча несуществующую пылинку.

— Какое, собственно, задание? — неуверенно протянул Матвей.

— Любое! — коротко, но энергично ответила девушка. — Надо ехать в Хирбет, о котором написано в вашей статье, — поеду в Хирбет. Надо сидеть в библиотеке — буду сидеть в библиотеке. Надо мыть полы в лаборатории — буду мыть полы.

Белов машинально взглянул на чистый пол и всё тем же неуверенным тоном проговорил:

— Полы мыть, наверное, не надо. В Хирбет уже поехали без нас с вами...

— Так и знала! — В голосе девушки прозвучало отчаяние. — А вы-то почему не поехали?

— Мне нужно было остаться. Я определяю возраст саммитов. Хотите, покажу?

Матвей достал из стола фотопластинку и протянул её Майе.

Она повертела в руках.

— И что вы узнали? Сколько ему лет?

— Не больше миллиона.

— А точнее?

— Точнее пока не знаю. Нужно сделать прибор похитрее.

— Хорошо! Вы будете делать свой прибор. А мне что же — сидеть сложа руки?

Матвею стало не по себе. В физике и астрономии он, прямо скажем, кое-что понимал. Но историю или, например, филологию знал довольно поверхностно. И если назвал в статье кое-какие загадочные явления в этих областях, то сделал это по совету Тарасюка. Скорее, для того, чтобы привлечь внимание других специалистов, чем из уверенности, что попал в точку. А теперь вдруг в нём видят главу дела и ждут указаний!..

— Знаете что, — сказал Матвей, — очень прошу вас — наберитесь терпения на пять дней.

— А что будет через пять дней?

— Будет Тарасюк.

— А кто он такой?

— Начальство. Заведующий сектором палеоастронавтики... То есть, у сектора другое название. Очень длинное — я никак не могу его запомнить. Впрочем, название несущественно. Важно, что Тарасюк наверняка даст вам задание. И не одно, а целую кучу!

— Через пять дней... — недовольно протянула Майя. — А раньше нельзя?

— Нельзя.

— Он что — болен?

— Он в Хирбете.

Из Майиной груди вырвался тяжкий вздох.

Глава вторая СТРАННЫЕ БОГИ

— Значит, полное поражение? — глядя в глаза Григорию, спросил Матвей.

— Можно сказать иначе, — не опуская глаз, сухо ответил мушкетёр. — Временные затруднения.

— А у меня удача! Да ещё какая! — Матвей вскочил, подбежал к шкафу и вытащил оттуда две колбы:

— Смотри!

Григорий взял колбы. В одном сосуде был насыпан мелкий желтоватый песок. В другом лежал маленький саммитит, очень похожий на бутон чайной розы.

— Разные вещи! Согласен?

— Как будто так, — согласился Тарасюк.

— А химический состав этого песка и этого саммитита абсолютно одинаков!

— Здорово! — сказал Григорий, несколько повеселев. — Правда, строго говоря, возможны два объяснения. Либо саммитит произошёл из песка, либо песок — из саммитита!

— Может быть, всё-таки первое предположение более вероятно? — спросил Матвей.

— Может быть, может быть... Иначе, пожалуй, все пляжи были бы покрыты саммититами. Но когда же из песка возник саммитит?

— Примерно миллион лет назад...

— «Примерно!» — передразнил его Григорий. — Плюс-минус сколько?

— Плюс-минус миллион, — бодро произнёс Матвей.

— А точнее? Нам нужна дата с точностью до пятисот, ну хотя бы до тысячи лет. Иначе ни о каких аналогиях с памятниками не может быть и речи.

— Будем работать — будет и точнее, — твёрдо сказал Матвей и взглядом показал на бумажную ленту, висящую над столом.

На ленте крупными печатными буквами было написано:

«Работайте — и у вас получится!»

— Лозунг что надо, — согласился Григорий. — Поддерживаю полностью. А пока ты будешь колдовать с прибором, поищу филологов. Для начала пусть прочтут фрагменты Медного свитка. Может, не зря пращурь соорудили такую диковинную книгу!

Стенограмма заседания Сектора физических методов исследования доисторических памятников. 26 апреля 196... года

Т а р а с ю к. Сегодня мы собрались, чтобы заслушать сообщение старшего научного сотрудника Института восточных языков Майи Степановны Кремнёвой о первых результатах дешифровки Медного свитка. Сколько вам нужно времени, Майя Степановна?

К р е м н ё в а. Двадцать минут.

Т а р а с ю к. Прошу вас.

К р е м н ё в а. Разрешите не останавливаться на истории открытия Медного свитка профессором Гизе и на обстоятельствах гибели свитка. В наши руки попали фотокопии разрозненных фрагментов. К

настоящему времени удалось определить, что все надписи сделаны на арамейском языке во втором веке до нашей эры. Удалось также прочесть единственный фрагмент со связным текстом. Вот этот текст.

«И сказали предки: оставьте нам вашу мудрость.

И сказали боги: чужой мудростью не проживёшь.

И сказали предки: оставьте нам вашу силу.

И сказали боги: вы употребите её во зло.

И сказали предки: что вы оставите нам?

И сказали боги: самую высокую вышину и самую глубокую глубину, полночную звезду, день, равный ночи, и священное число.

И сказали предки: какое это число?

И сказали боги...»

Кафедра древнесемитических языков, которая сделала перевод этого текста, считает его записью, ранее неизвестной исследователям религиозной притчи.

Однако в пользу такого объяснения свидетельствуют только два обстоятельства: во-первых, слово «боги» и, во-вторых, мудрость и сила, которой эти боги обладают. Что же касается взаимоотношений между действующими или, точнее, говорящими группами, то они ни в коей мере не походят на взаимоотношения между людьми и богами.

Обращает на себя внимание уже то, что разговор по своей форме ничем не напоминает о неравенстве сторон. Напротив, и боги и предки говорят как равные с равными. Но главное даже не в форме, а в существе, в содержании диалога.

Боги не только не навязывают своей воли предкам, но, более того, призывают их жить своим умом: «Чужой мудростью не проживёшь».

Сравните эти слова с классической речью бога к человеку. Я процитирую слова, которые бог, согласно библии, говорит Моисею:

«Если вы будете слушаться гласа моего и соблюдать завет мой, то будете у меня народом святым».

Мысль о «чужой мудрости» — это, по существу, глубоко безбожная, рационалистическая, антирелигиозная, гуманистическая мысль. Иными словами, боги Медного свитка — явные безбожники. Они полны веры в человеческий разум. Но одновременно они не верят в добрые намерения людей — они отказываются дать предкам свою силу, опасаясь, что те употребят её во зло. Нет ли здесь какого-либо противоречия? На первый взгляд, безусловно есть.

Наконец, последние фразы диалога совсем уж загадочны. Что ни слово, то загадка. Что такое самая высокая вышина? Самая глубокая глубина? О какой полночной звезде идёт речь? Что за день, равный ночи? Какое священное число?

На все эти вопросы нет ответа, если считать текст религиозным. Ни библия, ни другие письменные памятники Ближнего Востока не со-

держат никаких параллелей и аналогий, бросающих свет на загадки Медного свитка.

Единственную легенду, которую, по-моему, можно поставить в связь с диалогом Медного свитка, мне посчастливилось обнаружить в сочинении Иоанна Бейрутского «История филистимлян», изданном в середине XVIII века в Генуе. Вот эта легенда:

«До филистимлян жили здесь первобытные племена исполинов с высокой грудью и мощной шеей. В высокомерии своём они вздумали штурмовать самое небо и за своё дерзкое предприятие погибли позорной смертью. С воздвигнутых ими высот они были низринуты в самую глубь преисподней, ещё глубже, чем дно морское с его обитателями».

Известно, что в своём сочинении Иоанн опирался не только на Библию. Он использовал исторические предания народов Ближнего Востока, которые усердно собирал в течение почти восемнадцати лет. Прочитанная мною легенда поражает своей современной терминологией. «Штурмовать небо»! Да ведь это прямо о современной астронавтике! Трудно отказаться от мысли, что в этом глухом предании отразились некие реальные факты.

Беру на себя смелость предположить, что это предание и диалог Медного свитка — легендарные осколки реального факта отлёта с нашей планеты гостей из космоса, тех самых, о которых говорит гипотеза Белова.

Причём на Медном свитке записана главная, наиболее важная часть легенды. А именно — указание места, где неведомые космонавты оставили свой вымпел. Не берусь судить об остальном, но самая глубокая глубина и самая высокая высота вполне могут быть наиболее характерными геодезическими точками какой-нибудь конкретной местности.

Остальные загадочные слова, по-видимому, скрывают указания на определённые предметы, которые в комплексе позволяют определить координаты вымпела.

Если принять эту точку зрения, то очень важно было бы знать священное число. Оно может оказаться тем ключиком, которым опирается вся система координат.

Итак, разрешите суммировать. Первое: легенда Медного свитка — это не религиозная притча. Второе: слово «боги», по-видимому, имеет более позднее происхождение и поставлено взамен ранее стоявшего другого слова. Третье: загадочность текста легко объясняется с точки зрения гипотезы Белова. Четвёртое: совершенно необходимо изучение устных преданий на месте предполагаемого приземления предполагаемых палеоастронавтов. Всё.

Т а р а с ю к. У кого есть вопросы к докладчику?

В о л к о в. Известны ли товарищу Кремнёвой ещё какие-либо предания, которые могут иметь отношение к тому, что вы именуете палеоастронавтикой?

К р е м н ё в а. Конечно! Так же, как и всем присутствующим! Я говорю обо всех мифических существах, сходявших с неба и возносившихся туда.

Д у д н и к о в. Наша задача — исследование древних памятников. А о чём говорит здесь товарищ Кремнёва? При чём здесь мифы? Почему товарища Кремнёву не удовлетворяет принятая наукой теория происхождения религии?

К р е м н ё в а. Она меня полностью удовлетворяет. Но я допускаю, что легенды о приземлении и вознесении отдельных богов могут быть связаны непосредственно и с фактом приземления и отлёта разумных существ. Не вижу никаких оснований для отказа от такого предположения.

Д у д н и к о в. Но понимает ли товарищ Кремнёва, что, подставляя в религиозные бредни вместо слова «бог» слово «космонавт», она тем самым подводит базу под библию, коран, веды и прочее, подтверждая истинность религиозных вероучений?

К р е м н ё в а. Понимает ли товарищ Дудников, что в отличие от бога в космонавте нет ничего сверхъестественного?

Д у д н и к о в. Но так можно дойти до подтверждения известного библейского тезиса о создании Земли не природой, а взрезанным, небесным существом! И тогда...

И л ь и н. Простите, это уже не вопрос, а выступление...

К р е м н ё в а. Не прерывайте! Пусть товарищ говорит.

Д у д н и к о в. Считаю это своей обязанностью, товарищи! И тогда нам придётся признать, что не человек — высшее существо, а кто-то другой! Это поповщина! Это унижительно для человека!

Б е л о в. Не знаю, как для товарища Дудникова, но для меня вовсе не унижительно было бы узнать, что нашу Землю, и даже всю Солнечную систему, и даже Галактику, в конце концов, слепили не бессмысленные законы стихий, а руки разумных существ. Более того, это только подкрепило бы мою гордость. Раз кто-то смог, значит, и мы сможем!

К р е м н ё в а. Верно!

Т а р а с ю к. Ещё есть вопросы? Нет? В таком случае разрешите от вашего имени поблагодарить Майю Степановну за чрезвычайно интересное сообщение.

Заседание окончено. Президиум прошу остаться. И вас, товарищи Кремнёва и Белов.

...По-видимому, предложение Майи Степановны об организации сбора фольклорных материалов в районе Хирбета — Саммили очень своевременно. Надо подумать о включении этого вопроса в план нашей экспедиции.

Белов. Экспедиции?

Тарасюк. Да. Я не успел объявить до заседания. Вопрос в принципе решён Академией. Главная цель — поиски новых саммитов. Теперь будет и ещё одна — поиски легенд. Давайте официально примем решение о необходимости включить в экспедицию филолога-арабиста. Кто «за» — прошу голосовать. Против? Воздержавшихся нет?

Дудников. Есть!

Тарасюк. Так и запишем: принято единогласно при одном воздержавшемся.

После заседания Григорий привёл Матвея и Майю в институтский музей и остановился у стены, занятой огромной — в три человеческих роста — голубоватой калькой, на которой виднелись какие-то странные оранжевые штрихи.

— Отойдите метров на пять, иначе не поймёте! — сказал Тарасюк.

Матвей и Майя послушались. И как только они отошли, линии и штрихи слились в сплошные контуры. На стене появилось целое стадо бизонов — громадных крутошеих животных с тяжёлыми головами.

— Что это такое? — воскликнула Майя. — Раньше их тут не было!

— Быки Саммили, — коротко ответил Григорий. — Прислал Фернан Гизе...

— Слушайте! — крикнула девушка. — Я думала только об устных преданиях. Но ведь люди умели рисовать и двадцать и пятьдесят тысяч лет назад!

Глава третья

В песчаных стенах арабской земли...

...Целый год потрачен даром. Целый год!

Просто удивительно, как ему могла прийти в голову эта бредовая мысль — искать наскальные рисунки в Хирбете? Разве он не знал, что узкая долина, зажатая между горами и пустыней, была настоящим проходным двором? Кто только не побывал там в течение тысячелетий! Египтяне и ассирийцы, хетты и персы, греки и римляне...

Было бы невероятным чудом, если бы в пещерах Хирбета сохранился хоть один рисунок, сделанный рукой человека в каменном веке. И всё-таки год не потрачен даром. Если бы он не приехал в Хирбет, кто знает, услышал бы он когда-нибудь об этих великолепных быках Саммили?

Фернан ещё раз окинул взглядом выпуклую каменную стенку с оранжевыми линиями и штрихами, сливающимися в силуэты могучих животных.

«Что-то давно нет писем от Грегори, — подумал он. — Приедет или не приедет? Или что-нибудь помешало?.. И Халид загостился у деда!...»

Фернан посмотрел вниз. Там, у подножия плато, виднелась рощица финиковых пальм. Среди зелени желтели домики. А сразу же за оазисом — до самого горизонта — безбрежный океан мелкого песка с редкими островками бурых колючих кустарников.

И здесь, на плато, зелени почти нет. Откуда ей быть, если на протяжении сотни километров журчит только один-единственный родничок. Вот он льётся по уступу скалы тонкой пульсирующей струйкой, наполняет круглую каменную чашу, выдолбленную чьими-то добрыми руками, и пропадает в расселине.

Подняв ведро, Фернан направился к своей пещере.

Собственно говоря, пещер в обычном понимании этого слова — таких, например, как в Пиренеях или в том же Хирбете, — здесь не было. Древние жители плато обитали в нишах, образованных у подножия скал и похожих на вытянутые в длину, узкие комнаты без наружной стены.

Несколько настоящих пещер было только в Джаббаре — глубоком ущелье, когда-то служившем руслом многоводной реки, пересекавшей плато. Но забираться так далеко пока не имело смысла. Сначала надо было исследовать скалы, примыкающие к роднику.

Фернан вошёл в облюбованную им нишу. Стены и потолок покрывал толстый слой пыли, а кое-где и сажки. Очевидно, тут разжигали костры.

Он взобрался на мостки из досок, положенных на два плоских камня, и принялся расчищать стенку сверху вниз.

Сначала Фернан работал металлическим скребком, но, когда до камня осталось не больше сантиметра, пришлось взяться за губку.

Он нагибался к ведру, окунал губку в воду, выжимал её и осторожно проводил по стене. Снова нагибался к ведру — и снова проводил мокрой губкой по стене.

Прошло полчаса, и Фернан делал это уже почти машинально. Вниз — вверх, вниз — вверх, вниз — вверх...

Солнце опускалось всё ниже, и в нише стало темновато. Но Фернан продолжал работать, пока не заметил, что трёт стенку сухой губкой.

Заглянул в ведро — пусто.

Подойдя к роднику, он услышал слабый незнакомый звук. Звук доносился откуда-то снизу.

Прислушался. Сомнений быть не могло — внизу раздавалось гудение и чихание перегретого автомобильного мотора.

Фернан бросился в палатку, схватил бинокль, подбежал к краю плато и сразу же увидел машину.

Маленький грузовичок застрял в песке в каком-нибудь километре от оазиса. Возле машины копошился плотный мужчина в европейской одежде и тоненький юноша с копной ярко сверкавших под солнцем золотистых волос.

Фернан быстро зашагал по направлению к пальмам. На ходу он ещё раз приложил к глазам бинокль. Энергичные движения мужчины, орудовавшего лопатой у задних колёс автомобиля, показались ему знакомыми.

— Грегори, — кричал Фернан, — ей-богу, Грегори! — и побежал, придерживая рукой болтающийся на груди бинокль.

Несколько минут окрестности оглашались гулкими хлопками — Фернан и Григорий радостно колотили друг друга по спине.

Потом француз вырвался из железных объятий Тарасюка и с улыбкой проговорил:

— Пустыня пустыней, а вежливость вежливостью!

— Знакомьтесь, пожалуйста, — с галантным полупоклоном проинёс Тарасюк. — Майя Кремнёва — филолог. Фернан Гизе — покори-тель недр!

Фернан согнулся пополам и пожал маленькую Майину руку.

— Не уверен, что вас ждёт здесь какая-нибудь добыча. Рассчитывать на памятники письменности в пещерах Саммили не приходится... Впрочем, — любезно добавил он, — если филолог может оказаться здесь лишним, то прекрасная девушка — никогда!

Майя сделала реверанс, а когда француз отвернулся, показала ему язык.

Фернан обошёл вокруг машины, поковырял песок под колёсами, потом довольно бесцеремонно извлёк из кабины хозяина грузовичка и скомандовал:

— Все, кроме дам, за камнями!..

Через полчаса машина въехала в оазис.

— Прошу в шатёр! — Фернан гостеприимно откинул полу своей палатки.

Вещи были сложены в одной из ниш. Вдали всё глуше слышалось тарыхтенье грузовичка. На западе, на фоне ещё светлого неба, сверкала Венера.

— Не надо в шатёр, — сказала Майя. — Подумать только — вечер в песчаных степях аравийской земли! Пальмы, оазис, русла исчезнувших рек!.. Покажите нам лучше, чем вы тут занимаетесь?

— Но вы, наверное, устали? — с сомнением произнёс Фернан.

— Успеем отдохнуть!

— Тогда берите фонари, а то ничего не увидите!

...В нише стоял сизый полумрак. Фернан осветил мостки, скребок, губку.

— Сегодня я работал здесь. Но пока ничего не обнаружил...

Григорий тоже зажгёт свой фонарь и стал рассматривать стенки. Светлый круг перескочил с одного угла в другой и...

Вопль восторга раздался в убежище: в жёлтом кругу, грациозно подняв переднюю ногу с маленьким острым копытцем, стояла полосатая лошадка — зебра, а чуть поодаль, из тёмной, ещё не расчищенной части потолка, выглядывала смешная голова жирафа — с маленькими рожками и пугливо настороженными ушами.

— Это называется «ничего не обнаружил»! — воскликнула Майя.

— Уже темно, и я действительно ничего не видел, — смущённо пробормотал Фернан.

— Великолепно! — крикнул с мостков Григорий. — Если такую красоту можно открыть «нечаянно», то какие открытия можно сделать здесь «нарочно»!

— Вы ещё не видели самого интересного, — скромно отозвался Фернан. — Что вы тогда скажете?

Он вышел из ниши, быстро зашагал вдоль большой скалы и неожиданно скрылся из глаз. Майя и Григорий бросились за ним. Заметив луч фонаря, протиснулись в узкую пещеру и остановились как вкопанные.

На верхней части стены они увидели нарисованную синей краской девушку с тяжёлой волной струящихся по спине волос, весёлыми синими глазами и тонкой юной фигуркой. Узкими пальцами она держала зеркало в круглой оправе с длинной прямоугольной ручкой.

Кто она? Когда жила? Где теперь её потомки? Куда ушли из этого загубленного песками и солнцем края?

Теперь, когда этот рисунок известен любому образованному человеку по сотням репродукций, имеющихся в любом музее, синяя девушка воспринимается таким же условным персонажем, как Мадонна Рафаэля или Даная Рембрандта.

Но тогда — в чёрных скалах Саммили, в жилище неведомого древнего рода — она показала им живой и близкой. Честное слово, никто не удивился бы, если б она вдруг сошла со стены и сказала: «Добрый вечер!..»

Они долго смотрели на синюю девушку. А потом в молчании вышли из убежища.

Глава четвёртая **ВСТРЕЧА С ЛЕГЕНДОЙ**

Майя ещё некоторое время постояла у обрыва, глядя, как две беле фигурки становятся всё меньше и меньше.

Фернан и Тарасюк пошли к оазису, неподалёку от которого были когда-то найдены саммиты.

Майе тоже нужно было в оазис — не скалы же Саммили рассказуют ей древние предания. Но сегодня пришлось остаться.

В последний раз помахав рукой Григорию, девушка пошла к палатке и принялась за мытьё посуды. Самые неприятные вещи надо делать в первую очередь!

Она задумчиво тёрла песком чугунный котелок, на котором narosло на палец сажи, когда невдалеке раздалось негромкое ржание.

Майя вскочила на ноги и увидела, что по тропе поднимаются к лагерю два человека, ведя в поводу двух прекрасных вороных коней — таких она видела только на картинках.

Путники приблизились, и один из них — белобородый старик с черными, как смоль глазами — остановился, с достоинством приложил руку к груди и сказал:

— Салям алейкум! — И на ломаном английском языке добавил: — Многих счастливых лет тебе, молодая госпожа!

— Алейкум салям, — ответила Майя. И продолжала по-арабски: — Только я не госпожа, а товарищ. Я — русская. Россия! Москва!

Путники недоверчиво смотрели на девушку.

— Москва! — повторила она. — Советский Союз!

— Спутник? — неожиданно по-русски произнёс старик.

— Спутник! Спутник! — обрадовалась Майя. — А вы дедушка Джафар! Да? А ты — Халид! Мне рассказывал о вас Фернан Гизе.

— Где сейчас господин Гизе?

— В оазисе. Он скоро вернётся. А пока будьте моими гостями. Входите, отец! Входи, Халид!

Покормив и напоив гостей, Майя решила показать им находку Фернана.

Втроём они вошли в древнее убежище. Низкое утреннее солнце ярко освещало тёмную стену, на которой проступал силуэт синей девушки.

Старик подошёл к самой стене и дотронулся сухими коричневыми пальцами до тёмного камня, как бы не веря своим глазам. А мальчик смотрел на Майю.

— Тебе нравится каменная красавица? — спросила она.

— Она похожа на тебя, — ответил мальчик.

— Теперь мне даже неловко повторять свой вопрос. Но ты всё-таки скажи: тебе нравится каменная красавица?

Мальчик промолчал.

Майя поняла, что он не хочет отвечать, пока не высказал своего мнения старик.

Скажи, батьку, а що ти чув про людей, які жили тут до вашого племені?

Но старик не спешил говорить. Он опустился на каменный пол ниши, вынул откуда-то из лохмотьев длинную трубку, набил её табаком и глубоко затянулся. Время от времени он поднимал глаза к синей девушке, а потом снова сосредоточенно дымил, уставившись себе под ноги.

— Я живу семьдесят лет. Мой отец жил восемьдесят лет. Отец моего отца жил девяносто лет. Никто из нас не знал ничего о каменной красавице. Зверей на камне мы видели не раз — быков видели, больших птиц видели, коней видели... Но о людях, нарисованных на скале, мы ничего не знали.

— Скажи, отец, — спросила Майя, — а что ты слышал о людях, которые жили тут до вашего племени?

— Отец моего отца пел мне песню о том, что раньше здесь росла высокая трава. Такая высокая, что всадник мог незамеченным подъехать к быку и поразить его копьём. А воды было столько, что каждый мог пить её когда захочет и сколько захочет. И мог напоить свои деревья и своё поле. И было здесь людей видимо-невидимо. И все были счастливы...

Старик снова замолчал. Можно было подумать, что он заснул, если бы не клубы дыма, время от времени поднимающиеся над трубкой.

— А куда ушли эти люди?

— Ушла вода. А за водой ушла трава. И деревья, и поля, и птицы, и быки, и люди...

— А почему ушла вода?

— Я много раз спрашивал об этом мудрых людей. Мне всегда отвечали, что жители этой земли прогневили аллаха, и он превратил плодородные земли в белый песок и чёрный камень. А чем прогневили, никто уже не помнит...

— Как же, дедушка, — вдруг заговорил Халид, — как же не помнит? Разве не ты рассказывал мне про гигантов?

— Это сказка, а мы ведём беседу о серьёзных вещах! — сердито сказал старик и принялся ожесточённо выколачивать трубку. — Когда старшие беседуют, младшие должны молчать, — минуту спустя проворчал он.

Майя видела, что старик не расположен рассказывать. Но не могла же она отступить от цели!

— Россия — большая страна, — негромко проговорила девушка. — Когда в Москве ложатся спать, на Сахалине уже идут на работу. Вот какая огромная моя страна... Есть в ней тёплые моря и прохладные реки. Есть покрытые апельсиновыми рощами долины и горы со снежными шапками. И я могла бы поехать в любое, самое прекрасное место... Но я приехала к вам — в Саммили!

Майя мельком взглянула на старика и, убедившись, что он внимательно слушает, продолжала:

— В моей большой стране живёт очень много людей — русские, таджики, армяне, якуты, чукчи и ещё почти двести народов-братьев. И я бы могла выучить прекрасный язык любого из них... Но я выучила ваш язык. Я выучила в Москве ваш язык и приехала к вам в Саммили.

Если бы ты спросил меня, отец, зачем я приехала, я бы ответила тебе: «За сказками». А если бы ты спросил меня: «Неужели в России мало своих сказок?» — я бы ответила тебе: «Много». Но у каждого народа — своё сердце. У каждого сердца — своя память. Если хочешь узнать сердце другого народа — узнай его сказки!

Майя снова взглянула на Джафара и встретила с его пристальным взглядом.

— Далеко ездить — большие деньги нужны, — произнёс старик. — Твой отец, молодая госпожа, наверное, очень богат?

— У меня нет отца, — глядя в глаза старику, сказала Майя. — Когда он был жив, всё его богатство было в его голове. И в его душе. И в его друзьях. А потом он пошёл на войну. И его убили фашисты.

Он спешил на помощь нашим друзьям — чехам. У чехов есть красивый старый город на полноводной голубой реке. Война уже кончалась. Но фашистам всё ещё не хватало человеческой крови. И они решили разрушить этот город. Но чехи взяли за оружие, чтобы спасти свои дома, построенные дедами и отцами. С ружьями они пошли против пушек. Надо было помочь. И мой народ пришёл на помощь. Только не все вернулись домой. Мне тогда не было и пяти лет...

— Позволь мне рассказать! — прошептал Халид, умоляюще глядя на деда.

Старик нахмурил седые брови, положил сухую тёмную руку на острое плечо мальчика и сказал:

— Слушай, дочка!..

В те дни, когда по Арабской земле текла Великая река, окружённая густыми лесами, там жило могучее племя гигантов. Огромны были они телом своим, но ещё огромней — мудростью.

Однажды решили гиганты завладеть самим солнцем. Воздвигли высокие башни и стали взбираться на небо.

Разгневался аллах и в ночной тьме поразил их ослепительным огнём. И низверг в преисподнюю — ниже дна морского. И превратилась Арабская земля в пустыню...

У Майи захватило дух. Ведь это то же самое предание! Предание, двести лет назад записанное Иоанном Бейрутским...

...Вечером, во время ужина, она рассказала странную легенду своим товарищам.

— Представьте себе, что мудрые гиганты — наши братья из космоса. И их башни — звёздные корабли. И шторм неба — отлёт. И столб раскалённых газов из дюз. И оглушительный рёв двигателей. И наших далёких предков, из чёрной ночи наблюдающих эту картину...

— Узнаю птицу по полёту, филолога — по воображению! — устало отшутился Фернан. — Вы не обижайтесь — у каждого своя работа. Но всё-таки не верится, чтобы какая-нибудь важная истина могла храниться тысячами в таком несовершенном хранилище, как сказка. Сказка — не рукопись и даже не рисунок...

— Я не обижаюсь, — задумчиво сказала девушка. — Послушайте, Фернан, вы не знаете, почему ущелье Джаббар называется именно так — «Джаббар»?

— Не знаю. А что?

— На одном из североафриканских диалектов «джаббар» означает «гигант»...

— А Гибралтар в древности назывался Геркулесовыми столбами! Ну и что дальше?

— Что дальше? А дальше я хотела спросить вас, знаете ли вы песенку про шимпанзе?

— Вроде бы нет, — улыбнулся Фернан.

— Ну, так слушайте!

Говорят, что шимпанзе
Можно научить,
Чтоб совсем, как человек,
Стал он есть и пить,

Отличать от водки ром,
В ванне мылом мыться,
Чистить зубы перед сном,
И наутро бриться,

И читать, и рисовать,
И делить, и множить...
Одного лишь он — мечтать —
Ну никак не может!

Из-за мелкого совсем
Этого изъяна
Шимпанзе — не человек,
А только обезьяна...

Глава пятая И СКАЗАЛИ ГИГАНТЫ...

Отъехав от лагеря километров десять, Майя с Халидом услышали рокот мотора — низко над ними прошёл вертолёт. Он сделал круг над плато, ещё раз прошёл над всадниками и полетел в сторону лагеря.

— Кто бы это мог быть? — спросила Майя.

Халид только помотал головой. Он никогда раньше не видел вертолёта.

«Может быть, в лагере что-нибудь случилось? Не вернуться ли?» — подумала девушка. Но потом решила, что за час, который прошёл с момента их отъезда, ничего особенного произойти не могло.

И она снова тронула каблуками коня, который перешёл на крупную рысь. Впереди метрах в десяти скакал Халид.

Солнце ещё не встало, но готово было показаться с минуты на минуту и согнать утреннюю прохладу.

Всё-таки они успели добраться до ущелья раньше, чем солнце начало припекать по-настоящему.

Трудно было представить, что эту мрачную расщелину между чёрными скалами некогда наполнял хрустальный блеск воды, мёртвые каменные склоны покрывала сочная зелень трав и деревьев, а воздух был настоен ароматами влажной земли и цветов. Казалось, что здесь во веки веков не существовало ни малейших признаков жизни, что здесь не наша планета, а Луна или астероид.

Майя проехала вдоль ущелья километра два и снова вернулась к его началу — туда, где, по словам Халида, находились пещеры.

Пещер здесь было много, гораздо больше, чем возле скалы с «быками». Только на западной стороне ущелья Майя насчитала шестнадцать ниш и одиннадцать глубоких укрытий — они походили уже на настоящие пещеры.

Особенно понравилась Майе одна пещера — самая глубокая и самая обширная. Подняв руку, она не могла дотянуться и до половины стены огромного каменного зала. Вход был расположен с южной стороны, и, несмотря на трёхметровый коридор, отделявший зал от входа в пещеру, здесь было довольно светло.

— Может быть, гигантами раньше называли эти две горы? — Майя показала на два утёса, сторожившие вход в ущелье, — высокие, изрезанные глубокими морщинами.

— Не знаю, — отозвался мальчик. — У этих скал нет имени.

Она остановилась у входа и поглядела на восточную, пологую сторону ущелья. Здесь скалы были выветрены и разрушены гораздо больше. Ветер, который на противоположном берегу несколько задерживался крутой грядой скал, хозяйничал здесь много тысяч лет безраздельно.

Обследовать все эти выемки и пещеру?.. Такое под силу только большой, хорошо оснащённой экспедиции. Даже если бы сюда приехали и Фернан и Григорий — всё равно им понадобились бы годы...

Всё это Майя отлично понимала. Но вместе с тем у неё было такое чувство, какое бывает у рыбака, когда он впервые забрасывает спиннинг в незнакомую речку и сквозь тёмную толщу воды «видит» громадную щуку, устремившуюся к блесне. Точно так же «видела» сейчас Майя остроносый межзвёздный корабль, изображённый на скалах мрачного ущелья.

Ей самой было смешно, но честное слово — она не только чувствовала, что здесь её ожидает замечательное открытие, она даже «знала», где именно произойдёт это открытие!

Майя неторопливо осмотрела огромный зал. В столбе света, пересекавшем коридор, сверкали песчинки. Они были так малы и легки, что не видно было, как они оседали. Но каменный пол был покрыт толстым, слежавшимся слоем песка.

Толстый налёт пыли покрывал и стены. Копоти не было видно. Наверное, вода ушла из ущелья очень давно, тысячи лет назад, и человеку нечего было делать здесь, среди мёртвых камней. Если люди попали в Саммили, они останавливались поближе к роднику.

Но тогда, когда в Джаббаре журчала река и шелестели тяжёлые листья, а по ночам раздавался лай собак и рёв голодного льва, — в те времена люди не могли не использовать для жилья такого замечательного естественного укрытия, как эта пещера!

Майя решила, что очистку надо начинать с северной стены, так как на неё падает больше света. Чем больше девушка смотрела на жёлто-бурую кору, покрывавшую чёрный камень, тем больше охватывала её уверенность в том, что ключ к тайне находится именно здесь. Нетерпение её было так велико, что она вытащила нож и начала скоблить эту кору. Но «штукатурка» почти не поддавалась. И, устыдившись собственного нетерпения и варварства, Майя спрятала нож.

Халид помог Майе втащить в пещеру четыре кожаных мешка с водой, каждый литров на восемь, — на день должно хватить.

Майя налила воду в пластмассовое ведро, бросила туда капроновую щётку и губку, плотно закрыла ведро крышкой, чтоб не испарялась вода, и в раздумье остановилась перед стеной. По всем правилам, которые объяснил ей Фернан, надо начинать с потолка или хотя бы с самого верха стены. Иначе можно повредить нижние «ярусы»: если внизу окажется рисунок, на него будет сыпаться пыль и течь вода.

Но как добраться до потолка? В низких пещерах до него можно дотянуться рукой, а здесь? Лестниц в лагере нет. Чтобы сделать подставку, нужны доски, а дерева здесь тоже нет. Пальмы у большого источника она не тронула бы ни за какие сокровища древности.

«Когда-то здесь, может быть, тоже было вдоволь леса, — подумала Майя. — Вырубили лес, и стала пустыня».

Сначала девушка решила притащить в пещеру несколько камней, сложить из них горку и на ней работать. Попробовала вместе с Халидом сдвинуть с места первую же подходящую глыбу. И сразу поняла, что у неё уйдёт целый день только на эту работу. А ведь горку надо будет передвигать!

А что, если начать прямо с того места, до которого можно достать? И если на стенке что-нибудь обнаружится, можно будет сделать карниз, хотя бы из глины. Тогда вся вода и грязь сверху стекут по карнизу и не испортят стенку внизу...

Халид одобрил этот план. Он сказал, что знает в ущелье одно место, где есть глина.

Они спустились на каменное дно бывшей реки, и недалеко от пещеры Халид показал Майе синее пятно на земле. Девушка размяла в руках кусочек глины — он был мягким и вязким.

Они захватили с собой несколько больших кусков к пещере. Там Майя замесила глиняное тесто и прилепила к стенке небольшой карниз, вогнутый, как жёлоб. Потом налила в него полстакана воды. Вода скапывала вдоль карниза, даже не просочившись по стенке.

Халид гордо поглядел на замечательную конструкцию.

— Теперь ты можешь спокойно мыть камень, — с достоинством произнёс он. — А когда кончим внизу, придумаем ещё что-нибудь!

— Спасибо, Халид! — Майя ласково потрепала его короткие чёрные волосы, жёсткие, как капроновая щётка. — Ты молодец! Давай сделаем так: я буду смывать песок там, где тебе не достать, а ниже и до пола будешь работать ты. А пока я расчищу стенку сверху, ты успеешь съездить ещё разок за водой.

Халид радостно кивнул и побежал к коню.

А Майя подвинула ведро к углу пещеры, вынула из него мокрую щётку и принялась короткими сильными движениями тереть бурую кору чуть повыше своей головы.

В углу было гораздо темнее, чем напротив входа. Майя часто останавливалась, пристально вглядываясь в расчищенный слой. Он был чуть светлее, чем остальная стена.

Она решила не расчищать какое-нибудь одно место сразу до камня, а постепенно смывать один слой за другим. Пусть получится площадка длиной хотя бы метра в два — «плацдарм» для Халида.

Дело подвигалось довольно быстро, бурая кора легко разрушалась щёткой, как только намокала. Можно было бы работать ещё быст-

рее, но девушка боялась сильно увлажнять «штукатурку», чтобы не повредить изображений, которые могли находиться под ней.

Майя не очень-то рассчитывала найти рисунок в углу. С самого начала ей казалось, что корабль должен быть изображён прямо напротив входа. Но было как-то очень страшно сразу увидеть пустую стену на самом «лучшем» месте.

К приезду Халида она расчистила длинную полосу высотой около метра. Каменная стена под корой оказалась чёрной, блестящей, совершенно чистой.

«Так и знала», — подумала Майя и всё-таки очень огорчилась. Она как-то сразу представила себе, как они с Халидом счистят всю кору и все стены окажутся такими же чёрными, блестящими и нетронутыми, как эта...

Когда вернулся Халид, они, наскоро закусив хлебом с сыром и выпив кофе из термоса, стали работать вдвоём. Мальчик был понятлив. Он тратил мало воды и тёр «штукатурку» очень осторожно.

После обеда прошло всего часа полтора, но Майя почувствовала, что больше не может тереть эту проклятую стенку. Пока она стояла прямо, было ещё ничего, хотя руки дрожали от напряжения, но когда надо было нагнуться, спину ломило так, словно её весь день били по позвоночнику.

Она легла прямо на пол и сказала Халиду:

— Надо кончать, я устала.

— Отдохни! — ответил мальчик. — Ты отдохни, а я ведь только начал!

До темноты было ещё часов пять-шесть, и Майя согласилась.

Полежав с полчаса, она поднялась и снова взялась за щётку. Но теперь работа шла очень медленно, и Халид постепенно нагонял Майю.

Скоро весь угол до того места, на котором она стояла, был освобождён от «штукатурки».

Вдвоём они уселись напротив очищенной чёрной стены.

— Ты не думай! — серьёзно, как взрослый, произнёс мальчик. — В тёмном углу никто и не вешает картин. Картины вешают там, где светло. — Он вскочил и, отойдя немного в сторону, дотронулся до стены там, где кончила работать Майя. — Вот здесь уже можно вешать... Ты веришь?

— Верю! — устало, но твёрдо проговорила девушка.

Халид схватил ведро и снова принялся ожесточённо счищать песок.

— Не торопись! — крикнула Майя. — Не спеши!

Халид ничего не ответил, даже не повернул головы, но стал работать осторожней.

В пещере стало темней — солнце ушло далеко на запад. Надо было кончать.

— Пошли, Халид! — сказала Майя. — Нельзя возвращаться поздно — в лагере будут беспокоиться.

Она подошла к расчищенной мальчиком полосе, взяла его за плечи и отодвинула от стены, блестящей каплями влаги.

...Халид сразу же пустил своего коня в галоп, но Майя крикнула:

— Подожди!

Халид удивлённо посмотрел на девушку:

— Устала?

— Устала. Очень жарко у вас. Даже в пещере.

Они поехали рядом.

— Слушай, Халид, мне нужно приезжать сюда каждый день. Но одной мне не справиться. А мои друзья не хотят работать в Джаббаре. Они не поверили в рассказ дедушки Джафара...

— Ты думаешь, гиганты жили в Джаббаре? — спросил мальчик.

— Не знаю. Но недаром же ущелье названо именем гигантов? А если они жили в ущелье, то почему бы им не нарисовать на стенке в какой-нибудь пещере не только быков и жирафов, не только своих сестёр и дочерей, но и башню, по которой они хотели добраться до солнца? Что скажешь, Халид?..

Мальчик ответил не сразу.

— Ну что же ты молчишь? Тоже, как Фернан, считаешь всё это сказкой?

— Нет! — сказал наконец Халид. — Разве это сказка, что здесь раньше текли реки, паслись быки и летали птицы? Всё это правда.

И он опять замолчал.

— А гиганты? — спросила Майя. — Ты веришь в гигантов?

— А почему господин Фернан не верит? — не отвечая на вопрос, спросил мальчик.

— Он говорит, мало ли что можно придумать. Он говорит, надо больше работать и меньше выдумывать. Вообще он смеётся надо мной!..

Чёрные глаза Халида сверкнули.

— Я скажу, что хочу ездить с тобой. Я помогу тебе найти башню!

Он ударил пятками коня и пустился вскачь, но метров через двести остановился.

Когда Майя поравнялась с ним, Халид, наклонившись к девушке, тихо сказал:

— Дедушка моего дедушки рассказывал, что один раз сам видел гиганта! Только не объяснил, где он его видел...

— А может быть, он объяснил, но это тайна? — серьёзно спросила Майя.

— Нет, не объяснил... Зато он рассказал дедушке, как люди провозжали гигантов. И я хочу, чтобы ты знала об этом. Только ты не пи-

ши, — попросил он, увидев, что Майя достала карандаш и блокнот. — Ты запомни, это очень просто.

«...Перед тем как взойти на башни, спросили гиганты людей, которые собрались со всего света, что хотели бы люди получить от них в подарок?»

И сказали люди: оставьте нам вашу мудрость.

И сказали гиганты: чужой мудростью не проживёшь.

И сказали люди: оставьте нам вашу силу.

И сказали гиганты: вы употребите её во зло.

И сказали люди: что вы оставите нам?..»

— Пстой! — крикнула Майя. — Пстой! Слушай меня, Халид! «...И сказали гиганты: самую высокую вышину и самую глубокую глубину, полночную звезду, день, равный ночи, и священное число...» Правильно, Халид?

Мальчик с величайшим изумлением глядел на Майю. Глаза его от волнения заблестели ещё ярче, на смуглых скулах проступил румянец. Он не мог вымолвить ни слова.

— И священное число, — повторила Майя.

— А дальше? — тихо произнёс мальчик.

— «И спросили предки...»

— Нет, «и спросили люди», — поправил её Халид.

— «И спросили люди: какое это число?..»

— И что ответили гиганты? — прошептал Халид.

— А ты знаешь?

Халид удивлённо посмотрел на девушку:

— Я никогда не слышал про священное число.

Всю дорогу Майя не произнесла больше ни слова. Она думала о таинственныхкладах в человеческой памяти.

Могучие потоки времени размывают гранит исторических фактов, превращая его громадные глыбы в зыбкий песок преданий и легенд. Но геологи, исследовав песок, могут узнать, из какого камня он образовался. Почему же нельзя по крупицам преданий восстановить события?

И сама себе отвечала: «Можно!»

...Ещё издали они увидели вертолёт. Он стоял на земле рядом с большой скалой — той самой, в которой были пещера с зеброй и жирафом, найденными Фернаном. А на самой скале чернела маленькая человеческая фигурка.

Когда Майя и Халид подъехали ближе, незнакомец слез со скалы и, сняв шляпу, представился:

— Уильям Смит, Лайкский университет.

Майя спрыгнула с коня и назвала своё имя.

— Вы любите прогулки верхом? — любезно осведомился молодой человек.

— Я люблю ходить на лыжах, мистер Смит!

— Зовите меня просто Вилли, — предложил, улыбаясь, приезжий.

— А вы меня — просто Майя... Простите, сейчас я должна вас покинуть — устала!

Не заходя в свою палатку, она направилась к Тарасюку. Тот сидел с Фернаном у спиртовки, на которой булькал маленький кофейник.

— Присаживайся! — Григорий поднялся, освобождая для Майи самое удобное место на кошме. — Далеко ездила?

— Далеко, даже ноги болят с непривычки. Я нашла чудное местечко. Такие пещеры!.. А что это за Смит?

Тарасюк пожал плечами:

— Экспедиция в составе одного человека. С лёгкой руки Матвея, полмира заинтересовалось камешками из Саммили. Конкуренты, так сказать... Но парень он, кажется, ничего себе... А как твои пещеры?

— Какие пещеры? — вмешался Фернан. — Джаббар? Напрасно! Нельзя расплыть силы!

— Вот я и говорю, — подхватила Майя, — зачем распылять силы? Давайте лучше все вместе работать в Джаббаре! Я брошу свою филологию и буду вашей рабыней, Фернан! И Вилли позовём!

— Хватит об этом, — сердито сказал Фернан. — Я на вас не полагаю. У мистера Смита тоже своя программа. Ему поручено собрать пробы чуть ли не с каждого квадратного метра плато... Мы с Тарасюком не сдвинемся с места! Вы согласны, Грегори?

Тарасюк кивнул. И, усмехнувшись, проговорил:

— Сейчас она вам опять про шимпанзе споёт...

— Не надо петь! — Фернан поднял руку. — Я всё понимаю. Если вам скучно одной, я скажу Халиду, чтоб он работал с вами. Договорились?

Глава шестая

ВЕРТИКАЛЬ

Майя и Халид стремглав бросились к стенке пещеры и, остолбенев, остановились перед ней: чёрное поле очищенного накануне камня пересекала яркая жёлтая вертикаль.

Майя в недоумении посмотрела на мальчика, мальчик — на Майю.

— Неужели мы могли вчера не заметить этой черты? — воскликнула девушка.

— Неужели кто-нибудь мог прийти сюда позже нас? — тихо произнёс Халид. — Этого не может быть!

Они молча стояли перед загадочной жёлтой чертой.

— Я, кажется, догадалась, в чём дело! — проговорила наконец Майя.

Она вытащила из сумки губку, намочила её и провела по черте. Жёлтая черта стала бледнеть и почти совсем исчезла. Через пять-шесть минут стена высохла, и яркая вертикаль снова пересекла чёрное поле.

Халид смотрел на магическую черту затаив дыхание.

— Она больше не пропадёт? — спросил он.

— Не бойся, — засмеялась девушка. — Теперь всё в наших руках! Сейчас мы узнаем, что здесь нарисовано!

Она азартно принялась за работу. Вертикаль проходила у самого края расчищенной полосы — там, где Халид тёр в самый последний момент вчера вечером. Теперь надо было расчищать дальше.

Со всей осторожностью, действуя только губкой и лишь в самом верхнем слое прибегая к щётке, Майя обнажала чёрный камень справа от черты. Халиду она не разрешила даже приблизиться к этому месту, отведя ему участок с другой стороны.

Прошло часа два, но на стене не появлялось ничего нового. Среди чёрного поля ярко светилась одна жёлтая, как тонкий солнечный луч, черта. И больше ничего — ни слева, ни справа.

Халид каждые десять минут бросал свой угол и не дыша стоял за спиной у Майи, не сводя глаз с медленно двигавшейся губки.

— А что, если пойти по черте? — подумала вслух девушка. — Ведь должна же она где-то закончиться или повернуть куда-нибудь?

— Можно, я? — крикнул из своего угла Халид.

В голосе его была такая мольба, что Майя скрепя сердце дала разрешение.

Первое время она то и дело поглядывала на Халида. Но скоро убедилась, что мальчик вполне освоился. Его движения были так легки, что Майя спокойно занялась другим участком.

Когда Халиду надо было снять последний перед камнем слой корки, он позвал Майю.

— Я боюсь — она исчезнет, — прошептал мальчик, передавая Майе свою губку.

Она взяла его губку в одну руку, свою — в другую и мягко провела ими по тончайшей песчаной плёнке.

Вертикаль продолжалась. Вначале она была тусклой, но вскоре засверкала так же, как в верхней части обнажённой полосы.

Через час они очистили стену примерно на метр от жёлтой черты и не обнаружили никаких рисунков. Вниз вертикаль шла до пола. Возможно, что она продолжалась и дальше, ведь добраться до каменного дна пещеры было не так-то просто — он был накрыт толстой подушкой слежавшегося песка. Тут щётки и губки помочь не могли.

Оставался один выход — проследить эту жёлтую линию выше, вплоть до самого потолка.

Но даже Фернанова роста в этой пещере было бы недостаточно. А Майя и вовсе еле доставала до середины стены, даже поднявшись на цыпочки.

— Что же делать, Халид? Придумай что-нибудь!

Халид постоял минуту, глядя себе под ноги, и бросился к выходу из пещеры.

Майя не успела даже спросить, куда это он.

Неожиданно в пещере потемнело. И в ту же секунду со стороны входа послышалось недовольное фырканье. А ещё через несколько минут взмокший от напряжения Халид втащил в каменный зал вороного коня.

Майя с восторгом смотрела на мальчика.

Тот невозмутимо поднял с пола капроновую щётку, вскочил коню на спину и как ни в чём не бывало попросил:

— Дай, пожалуйста, ведро.

Поставив ведро на спину вороного, он принялся тереть стену мокрой щёткой под самым потолком.

Запрокинув голову, Майя смотрела на удлиняющуюся полосу чёрного камня. Халид уже расчистил метра два, а под бурой корой оказывалась всё та же чёрная стена без малейших следов охры.

Значит, вчерашняя линия не была вертикалью? Значит, где-то наверху она должна уйти в сторону? А может быть, она просто оборвётся, исчезнет?

— Попробуй правее! — крикнула девушка. — На метр правее!

— Сейчас! — отозвался мальчик и легонько похлопал коня по точёной шее.

Конь сделал два осторожных шага вперёд.

— Слушай, Халид! — сказала Майя. — Ты же просто умница! Когда подрастёшь — станешь знаменитым учёным, если будешь учиться. Тебе обязательно нужно учиться!

— Дедушка обещал послать меня зимой в Эль-Кабир, — промолвил мальчик. — В Эль-Кабире есть настоящая школа.

— А потом приезжай в Москву, в университет!..

— Тише!.. — раздался сверху шёпот. — Вижу краску!

— Осторожно! Ради всего святого, осторожно! — крикнула Майя.

— Будет лучше, если сейчас ты будешь наверху, а я буду внизу, — прошептал Халид. — Мне очень не хочется спускаться, но я думаю, что так будет лучше.

Они поменялись местами, и Майя несколько минут только покачивалась на спине вороного, стараясь удержать равновесие. Но потом освоилась и начала смывать плёнку песка и пыли, сквозь которую тускло просвечивала жёлтая черта. Скоро стало видно, что это — не вертикаль. Жёлтая линия изгибалась: один её конец уходил вниз, а другой поворачивал направо.

Давно прошло время обеда, а они даже не вспомнили о нём.

Каждые полчаса Халид и Майя менялись местами, и влажная капроновая щётка шла и шла дальше по толстой охристой черте. Яркая линия отклонялась вправо — и щётка отклонялась вправо; потом черта вдруг поворачивала вверх — и щётка шла вверх. Словно гончая по следу зверя.

Когда две расчищенные полосы — нижняя и верхняя — встретились, Майя прыгнула вниз и несколько минут пристально смотрела на причудливую извилистую линию, высоко под потолком скрывающуюся под грязно-бурую корку.

Потом достала блокнот и зарисовала эту странную линию.

Халид стоял у неё за спиной и смотрел на кончик карандаша, повторяющий узор, открытый ими и неведомый никому, кроме них.

— Как ты думаешь, — спросила девушка, — куда пойдёт эта черта? Наверх? Вниз? Направо?

Мальчик молчал.

— Завтра увидим! Завтра всё увидим собственными глазами! — воскликнула Майя. — А сейчас надо ехать. Скоро начнёт смеркаться.

— Давай никуда не уезжать! — предложил Халид. — Давай останемся здесь. Я совсем не устал. Я могу работать всю ночь!

— Ещё заснёшь и свалишься с коня, — засмеялась девушка. — А что я смогу без тебя сделать? Ничего! Придётся потерпеть до завтра!

Вернувшись в лагерь, она зашла к Григорию:

— Пойдём подышим свежим воздухом на ночь!

Тарасюк рассмеялся:

— А то его днём не хватает!

Они вышли из палатки и медленно зашагали к роднику.

— Что слышно с саммилитами? — спросила девушка.

— Начал раскопки. В районе старых колодцев...

— Послушай, Григорий, — промолвила Майя, — ты никогда не слышал, чтобы жители каменного века делили свои пещеры, ну, скажем, на две части?

— То есть как это — делили? — не понял Тарасюк.

— Не ширмой, конечно. Ну, например, чертой на стене?

— А почему ты спрашиваешь? — Тарасюк недоверчиво покосился на Майю.

— Просто так, пришло в голову.

Григорий пожал плечами. Вечно у неё разные фантазии.

— Спроси у Фернана. Он о каменном веке знает больше, чем сами неандертальцы...

Они повернули назад и, когда подошли к скале с «синей девушкой», услышали над собой тихий треск. Тёмная фигура виднелась наверху, прямо над пещерой.

— Чего не спишь? — крикнул Григорий по-английски.

— Хелло, Тарасюк! — откликнулись сверху. — Как гуляется с девушками?

— Упорный парень этот Вилли! — сказал Тарасюк. — Он тебе нравится?

— Парень как парень, — ответила Майя. — А что он всё лазает по скалам и чем там трещит?

— Берёт пробы, ты же знаешь.

— А почему в темноте?

— А он работает и днём и ночью. Полезли к нему? — предложил Тарасюк.

Они вскарабкались по неровному, покрытому крупными трещинами камню и, стараясь двигаться как можно тише, подошли почти вплотную к Смиту.

Тихонько насвистывая какую-то незнакомую мелодию, Вилли медленно крутил рукоятку сверла.

— Подходите, подходите! — не оборачиваясь, проговорил он. — Тоже мне пинкертоны!

— Покажите, что вы тут делаете, — попросила девушка.

Смит выпрямился и посветил фонариком себе под ноги. В чёрном камне виднелась небольшая круглая лунка. В двух-трёх шагах от неё чернела ещё одна.

— Зачем вам два образца с одного места? — спросил Тарасюк.

— Во-первых, не два, а десять, — со вздохом объяснил Вилли и направил луч фонаря в сторону.

Майя и Григорий увидели целую шеренгу круглых лунок, пересекавших скалу.

— А во-вторых, такова инструкция, которую я получил, от университетского начальства. Прошу извинить: сегодня я должен взять здесь ещё одну пробу. А завтра полечу по другим точкам.

Он поднял буровую машинку, отмерил три шага от того места, где стоял, и Майя снова услышала беспокойный треск сверла.

За ужином Майя протянула Фернану листок бумаги со странной извилистой линией.

Фернан бросил быстрый взгляд на Халида. Мальчик невозмутимо намазывал на хлеб аккуратный слой масла. Он был полностью поглощён этим интересным занятием, с которым познакомился совсем недавно.

— Ну, что же вы? — нетерпеливо произнесла девушка. — Что это напоминает вам?

Фернан мельком взглянул на листок и пожал плечами:

— За столом не принято... Но, если мадемуазель настаивает... Мне это напоминает червяка. Прошу вас, Григори!

Тарасюк повертел листок в руках и солидно заявил:

— Знаменитая картина абстракционистов «Летнее утро». Поглядите-ка, Вилли.

Смит внимательно поглядел на рисунок и, ни слова не говоря, начал перерисовывать его себе в блокнот.

Неожиданно Фернан протянул свою длинную руку, выхватил листок из-под носа у Вилли и положил перед собой, но неправильно — так, что вместо вертикали получилась горизонталь.

Майя засмеялась.

Фернан резко повернул листок, с минуту, прикусив губу, глядел на него, а потом быстро спросил Майю:

— Разыгрываете?

— Нет! — улыбаясь, ответила девушка.

— Если не разыгрываете, то скажите, где вы это нашли?

Майя отрицательно покачала головой.

— А что вы подумали, Гизе? — спросил Вилли, отложив в сторону бутерброд с ветчиной. — Разве это на что-нибудь похоже?

— Ну, что касается вас или мадемуазель, — Фернан взглянул Майе прямо в глаза, — то, конечно, вы здесь бессильны. Но вот Грегори меня удивляет. Всё-таки археолог — значит, немножко художник!

Тарасюк ещё раз взял в руки листок.

Переглянулся с Фернаном.

— Ну? — поощрительно произнёс Смит.

— Фернан думает, что это похоже на горб верблюда, — сказал наконец Григорий, показывая на самую верхнюю часть линии. — Или, может быть, на человеческое плечо?

Фернан молчал.

Все трое, повскакав со своих мест, обступили Майю.

— У меня к тебе один-единственный вопрос, — медленно произнёс Григорий. — Какой величины это изображение?

Майя спокойно жевала финик.

— Никакой! — проговорила она небрежно. — Просто я вас разыграла!

Тарасюк погрозил ей кулаком.

Фернан развёл руками: «А что я говорил?»

Вилли подозрительно взглянул на девушку, но промолчал.

Глава седьмая СОШЕДШИЙ С НЕБА

Лиловые длинные тени ещё тянулись от скал, а ущелье было наполнено сумраком, когда девушка и мальчик вошли в свою пещеру. Изгибающаяся черта едва светлела на чёрном фоне стены.

— Если Фернан прав, — прошептала Майя, — то где-то здесь, — она осторожно постучала пальцем о неровную бурую стенку метрах в двух справа от вертикали, — где-то здесь должна проходить ещё одна линия, тоже вертикальная...

Теперь они стояли на спине у лошади вдвоём и тёрли, тёрли, без конца тёрли бурую стенку мокрыми губками.

Там, снаружи, солнце поднималось всё выше. В пещере становилось всё светлей. А Майе казалось, что начинает светиться весь тонкий

слой песчаной «штукатурки». Ещё одно движение щётки, ещё один мазок влажной губкой — и новая ярко-жёлтая полоска появилась на стенке пещеры.

— Подожди! — крикнула Майя. — Мы испортим низ! Опять нужна глина!

Халид слепил ещё один карниз над только что открытой чертой и снова забрался на круп вороного.

Конь, должно быть, устал стоять на одном месте и, не смея сдвинуться, медленно переступал с ноги на ногу. Майю качало при каждом его движении, но она не замечала этого. Она шла по следу!

Жёлтая дорожка краски некоторое время вела её вправо, вдоль потолка, потом мягко закруглилась и пошла вверх. Потом влево и перешла в огромную округлость.

Майя, не замечая ничего вокруг и даже не задумываясь над тем, что возникает перед её глазами, продолжала тереть жёсткую пыльную корку, смывая песок, открывая всё новые линии, штрихи и пятна, горевшие яркой жёлтой краской среди мёртвого камня пещеры.

Халид, не поднимая головы, самозабвенно очищал нижнюю часть стены метрах в полутора от пола. Со стенки сыпалась пыль...

Сколько прошло времени — два часа или двенадцать часов, — они не знали.

Было уже или, вернее, ещё совсем светло, по крайней мере в центральной части зала, когда они пришли в себя от громкого восклицания, неожиданно раздавшегося у входа.

Майя вздрогнула и, обернувшись, увидела Вилли.

Глаза у него были широко раскрыты.

Когда Майя спрыгнула на землю, Вилли уже исчез. Мгновение спустя он снова появился в пещере, с киноаппаратом.

— Поздравляю вас! — взволнованно и торжественно произнёс Смит. — Поздравляю вас с портретом космонавта!..

Только сейчас в первый раз Майя смогла охватить взглядом огромный жёлтый силуэт на чёрной стене.

Круглый, как у водолаза, шлем с двумя круглыми иллюминаторами увенчивал могучий торс гиганта. Шлем переходил в плавно облегающий плечи и грудь скафандр. Великолепно были переданы складки тяжёлой ткани. Ступни ног великана были скрыты под толстым слоем песка на полу пещеры, а левая часть туловища — под ещё не очищенной коркой песка и пыли.

Майя закрыла глаза, ощупью нашла кожаный мешок с водой, нагнулась и сделала несколько глотков. Потом постояла так ещё несколько минут и только тогда, не веря самой себе, снова раскрыла глаза.

Могучая фигура Сошедшего с неба по-прежнему ярко выделялась на чёрной стене пещеры.

Треск киноаппарата прекратился.

— Кто-нибудь, кроме вас, уже видел его? — спросил Вилли.
Майя покачала головой.

— Вам просто чертовски повезло, Смит, что вы оказались здесь.
Обещайте молчать, я хочу привести их сюда завтра утром!

— Слово джентльмена! — улыбнулся молодой человек.

Прошло ещё немного времени. Все трое как зачарованные не могли оторвать глаз от портрета.

Наконец Майя услышала, словно издали, голос Вилли:

— Разрешите мне сфотографировать вас в момент этого замечательного открытия. Ведь оно ещё даже не окончено, — смотрите, левая часть фигуры не видна...

— Зачем? — Майя устало махнула рукой.

Смит засмеялся:

— Что вы, мисс Кремнёва... Можно не сомневаться, этой фотографией будут гордиться ваши дети и внуки! Прошу вас...

— Ну что ж! Как, Халид? Закончим работу?..

Мальчик смутился, но потом широкая улыбка растянула ему рот чуть не до ушей, и он проворно вскочил на спину коня.

Майя последовала его примеру. Оба снова подняли щётки, и последние куски песчаного покрывала, скрывавшего от глаз могучую фигуру, стали сползать с мокрой стены.

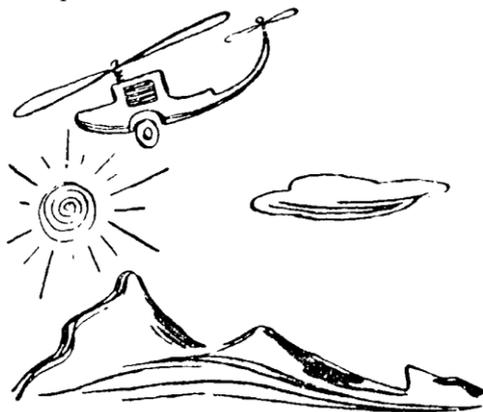
Трещала камера. Временами Смит опускал её, брал висевший на груди фотоаппарат в кожаном футляре и щёлкал затвором снова и снова, в то время как портрет космонавта всё яснее выступал из-под слоя песка и пыли.

В пещере стало темней. Контур широкого скафандра всё больше расплывались.

До сознания Майи вдруг дошло, что она уже давно не слышит жужжания кинокамеры и щелчков затвора.

Девушка обернулась.

Смита в пещере не было.

КОНЬ ВЕРНУЛСЯ БЕЗ ВСАДНИКА

Когда Вилли вошёл в палатку, Фернан и Григорий сразу же вскочили на ноги:

— Вам радиограмма!

Фернан протянул Смиту клочок бумаги:

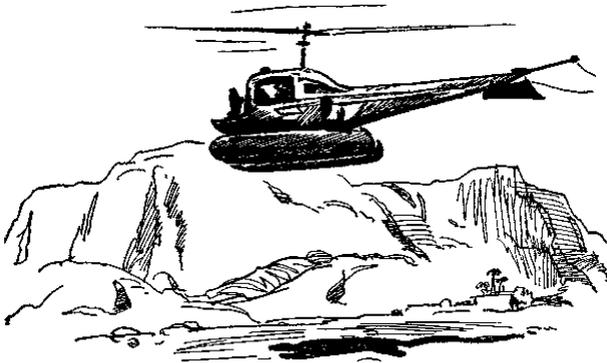
— Принято десять минут назад... Вилли схватил листок и вслух прочёл:

ОАЗИС САММИЛИ УИЛЬЯМУ СМИТУ ТЧК ЛИЗЗИ ТЯЖЕЛО
БОЛЬНА ТЧК СРОЧНО ВЫЛЕТАЙ ПАПА.

— Жена? — спросил Тарасюк.

— Невеста, — печально произнёс Вилли. — Придётся, друзья, расстаться с вами. Не знаю, вернусь ли...

Через полчаса вертолёт взмыл в воздух.

Оставшиеся у палатки ещё долго махали руками, пока он не скрылся из виду.

— Толку от него было немного, — проговорил Фернан, — а всё-таки жалко парня. Если доискались нас по радио, значит, дело серьёзное...

Тарасюк не ответил. По правде говоря, Смит не вызывал в нём особой симпатии.

Подошло время ужина. Майи ещё не было, но это мало беспокоило мужчин, привыкших за последние дни к её поздним возвращениям.

Они молча поели.

Григорию не хотелось спать.

Фернан, перенервничавший после получения радиограммы, пока не было Вилли, тоже нарушил привычный распорядок.

Оба молча сидели у приёмника, ловя потоки известий, изливаемые всеми радиостанциями мира.

— Подумать только, — тихо промолвил Фернан, — ещё каких-нибудь пятьдесят лет назад человек сумел построить первый радиомостик в два-три километра. Сегодня — радиомостище длиной в миллион

мил... Что будет через пятьдесят лет? Доберёмся до какой-нибудь Тау Кита?

— Я не знаю, когда это произойдёт. Но мы с тобой, Фернан, как ни странно, можем ускорить это событие, — отозвался Тарасюк.

Фернан скептически улыбнулся.

Возле палатки раздалось громкое ржание.

— Наконец-то! — воскликнул Тарасюк и откинул брезент.

В крошечной тьме видны были лишь звёзды да неясные очертания какой-то тёмной массы.

— Позновато для молоденькой девушки! — проворчал Фернан. — Впрочем, я и забыл, что у вас отличный провожатый...

— Где вы? — крикнул Григорий и шагнул в темноту.

Никто не отвечал. Слышалось только тяжёлое дыхание уставшего животного. Тёплые лошадиные губы ткнулись Григорию в руку.

Он быстро провёл по шее коня, потом по седлу. Седло было пустым и холодным.

— Что тут творится, чёрт побери? — сонно протянул Фернан.

— Беда! — крикнул Григорий. — Майин конь прискакал один!..

— Спокойней! Спокойней! — прервал его подбежавший Фернан. — Если бы с ними что-нибудь случилось в пути, конь никогда не оставил бы их. Ты не знаешь здешних коней — они не бросят хозяина в беде! Очевидно, Майя с мальчишкой остались в Джаббаре. Вот когда бы нам пригодился вертолёт Смита!.. Теперь вся надежда на коня. Покорми его... Я к старику Джафару!

На заре мёртвое ущелье было разбужено стуком копыт и гулом голосов. Первым шёл Вороной. Старик ни разу за всю дорогу не натянул повод — конь сам выбирал путь.

Миновав две островерхие вершины в начале ущелья, конь неожиданно перешёл на галоп, помчался прямо к невысокой скале с плоской вершиной и как вкопанный остановился у большой груды каменных глыб.

Остановился, запрокинув сухую, тонкую голову, и тревожно заржал.

Всадники спешили и подбежали к камням.

— Здесь был вход в пещеру? — спросил Тарасюк.

— Здесь, — тихо ответил Джафар.

Дотронулся до одной из глыб и так же тихо проговорил:

— Пыли нет. Обвал случился этой ночью.

— Вечером! — раздался откуда-то из-за камней Майин голос.

Через минуту девушка и мальчик стояли рядом со стариком.

— Живы! — воскликнул Тарасюк.

— Где конь? — сурово произнёс старик.

— Там! — Майя протянула руку к тому месту, где груды камней смыкалась со сплошной скалой.

Халид замер, не смея поднять глаза.

— Зачем вам понадобилось тащить в пещеру лошадь? — не выдержал Фернан.

Но Майя словно не слышала его вопроса. Впятером они принялись растаскивать камни.

— Странное землетрясение, — заметил Фернан, упираясь плечом в здоровенную глыбу. — Обвалилась только одна скала и только в одном месте! Может быть, Майя всё-таки просветит нас?

— А я сама ничего не понимаю... Мы втроём были в пещере — я, Халид и Вилли... И ещё конь Халида... Смит снимал нас.

Потом я смотрю — исчез. Я вышла сюда. Смотрю — он сидит на самой верхотуре и, как всегда, сверлит дырки... Я ещё спросила, не надоело ли. Он сказал, что скоро кончит. Потом позвал Халида и попросил его принести бачок с водой от вертолётки; вертолёт стоял вон там.

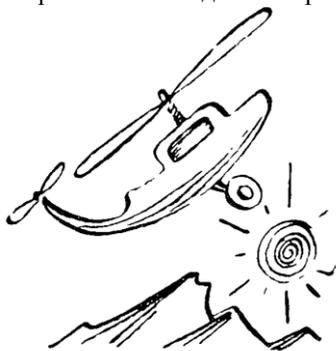
Потом Вилли зачем-то вылил всю воду в дырки и сунул туда какие-то провода.

Потом он спустился со скалы, сел в вертолёт и помахал нам рукой. Когда вертолёт улетел, мы с Халидом повернулись — и вместо входа в нашу пещеру...

— Взрыв? — быстро спросил Тарасюк.

Майя помотала головой.

— Даже звука обвала не слышали. Правда, вертолёт трещал над самым ухом... Халид ни за что не соглашался уйти без коня. Пришлось отправить к вам одного Вороного...

Ещё один камень, ещё один — и наверху показался чёрный пролом.

Халид первым вскарабкался наверх, сунул голову в отверстие и, ожесточённо орудуя локтями, протиснулся между потолком пещеры и грудями каменных обломков.

Солнце уже село, когда конь был наконец освобождён из плена. Фонарь, захваченный Фернаном, уже не горел — кончилась батарея. Вёдра, щётки, Майина сумка — всё так и осталось в пещере.

Григорий долго не мог уснуть. Он лежал с закрытыми глазами и мысленно перебирал в памяти события последних месяцев, стараясь отыскать в них какие-нибудь факты, которые помогли бы ему понять то, что случилось сегодня.

Несомненно, странный обвал был делом рук Смита. Значит, и его внезапный отъезд — не случайность.

Но зачем? Зачем понадобилось ему устраивать этот обвал? И что за странный взрыв — без грома, без разлетающихся осколков?

Тарасюк открыл глаза и сел.

Над сплошной чернотой ущелья сверкала золотой россыпью звёзд широкая дорога неба.

...Пирамида в Хирбете. Пещера в Джаббаре. Ещё раньше — вопли иностранной печати по поводу гипотезы Белова...

Через одну точку можно провести сколько угодно прямых в любом направлении. Но то, что он, Тарасюк, не провёл единственно возможной прямой через две точки — шипение газет и кражу пирамиды, — было дурацкой беспечностью. Счастье ещё, что Майя с Халидом оказались во время взрыва не в пещере!

Григорий забылся незадолго перед рассветом, когда на зеленоватом востоке осталось только несколько самых крупных звёзд. Последнее, что он вспомнил, засыпая, были слова непонятной телеграммы: «Ваша пирамида переехала...»

Едва занялась заря, Майя растолкала мушкетёров, взяла их под руки и повела к расчищенному входу в пещеру.

— Сейчас вы увидите гостя из космоса, — предупредила она. — У кого слабые нервы, пусть остаётся на свежем воздухе.

Фернан усмехнулся, достал сигарету, закурил и присел на камень.

Тогда Майя схватила Григория за рукав и потянула за собой.

С минуту они стояли зажмурившись, чтобы глаза поскорее привыкли к пещерному полумраку.

— Раз! Два! Три! — скомандовала Майя.

Григорий открыл глаза.

Прямо напротив входного проёма стоял по щиколотку ушедший в камень гигант в скафандре. Глубокая свежая трещина пересекала круглый шлем. Огромные беспальные руки были опущены вдоль мощного туловища.

Два круглых отверстия в шлеме не оставляли никаких сомнений в том, кого хотел изобразить художник.

— С ума сойти! — воскликнул Тарасюк. — Фернан! Скорей сюда!

Он выскочил из пещеры, схватил аппарат со вспышкой, мигом примчался обратно и снял шестьдесят четыре кадра — больше катушек с плёнкой у него не было.

Назавтра Григорий направил в Москву краткий отчёт о Майиной находке, фотографию Сошедшего с неба и просьбу о продлении командировки на два месяца для изучения фресок Саммили.

А через два дня лагерь был перенесён в ущелье Джаббар.

Глава первая

ДУДНИКОВ В ПОЛНЫЙ РОСТ

До сих пор у нас не было случая показать в полный рост одного из участников событий, о которых написана эта книжка. Правда, его имя упоминалось, и даже неоднократно. Недобрым словом отзывался о нём Григорий Тарасюк. Несколько двусмысленно — академик. Наконец однажды этот самый участник событий проявил себя в действии: задал несколько вопросов Майе Кремнёвой на заседании Сектора физических методов исследования доисторических памятников и воздержался при голосовании о поездке Майи в Саммили. И тем не менее, как сказано выше, показать его в полный рост ещё не было случая. И дело здесь вовсе не в авторской прихоти. Дело в том, что Дудников вообще нигде и никогда не бывал главным действующим лицом. Несмотря на то что, будучи сокурсником Тарасюка по университету, он уже успел стать доктором наук, тогда как Тарасюк пребывал в кандидатах, Дудников ни разу в жизни не находился в должности председателя, заведующего, начальника, управляющего и тому подобное.

Почему-то всегда главным назначали кого-нибудь другого, а Дудников становился заместителем. В университете он был заместителем председателя студенческого научного общества. В институте — заместителем учёного секретаря. В экспедициях, в которых он, к слову сказать, бывал в отличие от Тарасюка не слишком часто, Дудников никогда не бывал руководителем отряда или группы. Только заместителем!

Но, судя по всему, положение «зама» вполне устраивало Дудникова. Во всяком случае, никто и никогда не наблюдал никаких притязаний с его стороны на какую-нибудь «главную» должность.

И если сейчас Дудникову суждено выступить в роли главного действующего лица, то лишь потому, что так неудачно сложились для него обстоятельства...

В известном смысле Дудников был прямым Майиным антиподом. Если Майя всегда точно знала, чего она хочет, то он всегда точно знал, чего он не хочет. А всё многообразие нежеланий Дудникова сводилось в конечном счёте к одному — к нежеланию каких бы то ни было изменений.

Из всего огромного числа состояний, в которых может находиться физическое тело, Дудников одобрял только два: состояние покоя и состояние прямолинейного и равномерного движения.

Любое действие, которое могло привести физическое тело, именуемое доктором исторических наук Дудниковым В. С., в любое иное состояние, кроме двух вышеупомянутых, он воспринимал как личное оскорбление.

Но, будучи умудрён немалым житейским опытом, он понимал, что лучший метод обороны — это наступление. И потому охотно примыкал к разного рода новым течениям, занимая в них крайние, арьергардные позиции. А когда новаторы начинали упрекать своего коллегу в консерватизме, он с самым серьёзным видом повторял свою любимую поговорку: «Консерватор нужен прогрессу, как тормоз автомобилю».

И эта тактика вполне оправдывала себя. «Возмутители спокойствия» были, как правило, рады видеть в своих рядах человека с незапятнанной какими бы то ни было рискованными идеями репутацией солидного учёного мужа. А любителям состояния покоя внушало покой уже то, что один из них считался своим в лагере «противника». Ну, а начальство?.. Начальство видело в Дудникове определённую гарантию против чрезмерных «загибов» институтской молодёжи — этакий гироскоп, гарантирующий непременно необходимую в науке устойчивость. Отсутствие колебаний, вибраций и других не всегда желательных физических явлений.

По всем этим причинам предложение директора института о назначении Дудникова заместителем председателя Сектора физических методов исследований доисторических памятников ни у кого не вызвало возражений. А когда Тарасюк отбыл в Саммили, заместитель стал председателем. Точнее, вр. и. о., то есть временно исполняющим обязанности...

Однако эти четыре буквы не спасали положения. Против обыкновения, Дудников вдруг оказался официальным главой весьма рискованного, с его точки зрения, предприятия. И это Дудникова чрезвычайно угнетало. До недавнего времени в ответ на вопрос о гипотезе Белова он мог смело отвечать: «Я гипотезами не занимаюсь... Моя функция — историческая интерпретация результатов исследований. Какими бы методами, с вашего позволения, они ни велись...»

Теперь же он был в ответе за всё. В том числе и за эту дурацкую гипотезу.

С той самой минуты, как самолёт с Тарасюком и Кремнёвой оторвался от бетонной дорожки Шереметьевского аэропорта, Дудникова не покидало какое-то крайне неприятное чувство кривизны. Как будто кто-то постоянно тянул его в сторону с твёрдого и ясного пути и он, того и гляди, должен был попасть в яму.

Особенно усилилось это ощущение после того, как склонный к авантюрам Тарасюк прислал сообщение о так называемом портрете так называемого космонавта...

И предчувствие не обмануло Дудникова.

Шестого июня, едва он вошёл в институт, к нему подбежала взволнованная старушка библиотекарь.

— Вольдемар Семёнович! Вы велели докладывать об иностранных откликах... Мне только что позвонили из центральной библиотеки. Попросят вас приехать туда...

— Зачем?.. Насколько мне помнится, все заказы я делаю через вас...

— Не знаю, Вольдемар Семёнович, право, не знаю, в чём дело! Мне только сказали, что большая неприятность... И чтобы я сразу, как только увижу вас...

— Пустяки! — небрежно произнёс Дудников. — Наверное, опять какой-нибудь пасквиль на Белова. А нам-то с вами что? Ведь он даже не сотрудник нашего института!

— Нет, не на Белова, — тихо промолвила библиотекарьша. — Я спросила...

Дудников пожелтел, вся кровь схлынула с его румяных щёк.

— Не на меня же? — пытаюсь улыбнуться, выдавил он наконец.

— Не знаю, право же, не знаю, — повторила старушка.

Дудников машинально, неизвестно зачем, расстегнул портфель, потом снова застегнул его и, не говоря больше ни слова, устремился к выходу.

Через полчаса молодой сотрудник иностранного отдела библиотеки, сохраняя на своём лице бесстрастное выражение, протянул ему журнал в лакированной обложке:

— С утренней почтой из Рима.

Дудников взял журнал, водрузил на аккуратные уши прозрачные оглобли очков — и обмер.

Прямо на него с яркой обложки журнала глядели улыбающиеся глаза... Кремнёвой!

Поперёк плеча девушки красивым крупным шрифтом была набрана какая-то надпись. А над её золотистыми волосами виднелось уже знакомое Дудникову чудище в скафандре.

— Переведите, пожалуйста, — попросил Дудников.

— Извольте!.. «Юная русская художница рисует портрет космического пришельца на диких скалах Саммили. Читайте репортаж нашего корреспондента на третьей странице».

А третья страница сообщала:

«В интервью, данном нашему нью-йоркскому корреспонденту молодым учёным-археологом мистером Уильямом Смитом, исследователем, несколько дней назад покинувший Аравию по семейным обстоятельствам, сообщил, что вблизи оазиса Саммили экспедиция, с которой мистер Смит имел честь сотрудничать, обнаружила весьма интересные наскальные изображения людей и животных.

Эти изображения сделаны обитателями пустыни в древнейшие времена.

Мистер Смит сожалеет, что не может познакомить наших читателей с этими находками без разрешения профессора Фернана Гизе, оставшегося для завершения исследований в Саммили.

Чтобы окончательно не разочаровывать нас, мистер Смит любезно согласился передать редакции фотографию «Гостя из космоса» — картины, нарисованной на стене пещеры участницей экспедиции мисс Майей Кремнёвой из Москвы».

Дудников внимательно выслушал перевод и, вопреки ожиданию молодого сотрудника иностранного отдела, не упал в обморок. Напротив, лицо его приняло спокойное, удовлетворённое выражение.

— Этого следовало ожидать, — важно проговорил он. — Наука не терпит легкомыслия, потому что легкомыслие не удовлетворяется наукой.

Толстый палец Дудникова постучал по изображённому на обложке журнала скафандру:

— Вот на что идут народные денежки. Да ещё в иностранной валюте! Между прочим, я был единственным человеком, который возражал против поездки Кремнёвой в Саммили. Меня не послушали — и вот результат. На-ли-цо!

— Что же теперь будет? — сокрушённо спросил молодой сотрудник.

— Теперь будет всё, чему положено быть в подобных случаях, — ответил Дудников.

Через неделю в Саммили ушла телеграмма на имя начальника экспедиции Тарасюка:

**ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО ТЧК НЕМЕД-
ЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ТЧК ЗА ДИРЕКТОРА ДУДНИКОВ**

БЕЛОВ ВЫПИСЫВАЕТ МЕТРИКУ

— У меня нет никаких оснований не верить вам, дорогая Майя Степановна. Институт восточных языков аттестовал вас самым превосходным образом. И Григорий Петрович, — академик положил руку на плечо зло уставившегося в пол Тарасюка, — и Матвей Михайлович... И вообще я предпочитаю верить людям... Более того, прямо должен сказать, что если бы я не находился в это время на конференции в Варшаве, я бы воспротивился прекращению работы в Саммили. Но теперь дело сделано. Интервью Смита бросило тень на вашу находку, Майя Степановна. Сразу можно было дать опровержение, теперь — поздно. Отзыв экспедиции из Саммили трудно не воспринять как подтверждение версий Смита.

Чтобы опровергнуть эту клевету и возратить вам доброе имя, теперь недостаточно нашего доверия к вам. Как это ни печально — недостаточно. Теперь нужны доказательства!

Академик обвёл взглядом собравшихся. Дудников отвёл глаза и недоумевающе пожал плечами. Тарасюк нахмурился ещё больше. Белов, закусив губу, продолжал набрасывать на листке бумаги какие-то формулы.

— Не понимаю, — тихо сказала Майя, — какие нужны ещё доказательства? Ведь я нашла его. Он — есть. Каждый может увидеть его и убедиться. Он запечатлён на скале тем же суриком, что и быки Саммили... А если кто-нибудь объявит, что меня не существует, я тоже должна буду доказывать обратное?..

— Сочувствую вам, но вынужден повторить — нужны доказательства!

— Есть только один путь, — сказал Тарасюк.

— Я бы не отважился на такое категорическое утверждение, — заметил академик. — Почему только один?

— Второго не вижу... Нужно найти новые изображения космонавтов! Невозможно предположить, что изображение, найденное в ущелье Джаббар, одиноко. Скорее всего, в других пещерах есть немало подобных портретов. И прежде всего надо искать их в том же Джаббаре!

— Если так, то нужно только вооружиться некоторым терпением и ждать известий от профессора Гизе, — заглядывая в глаза директору, быстро сказал Дудников. — Да и лучше, если новые изображения будут найдены исследователями, не принадлежащими к нашему сектору. Верно?

— Не совсем! — отрезал академик. — Ждать у моря погоды — не самый правильный способ добывания истины.

— Но другого пути, по-видимому, нет, — произнёс Дудников.

— А может быть, всё-таки есть? — Академик испытующе посмотрел на Белова.

Матвей понял этот взгляд.

— Я уже интересовался суриком. Тарасюк утверждает, что краска, которой пользовались неизвестные художники (при этих словах Дудников ухмыльнулся), эта краска никогда не подвергалась обжигу. Значит, мой метод неприменим.

— И всё-таки другой путь должен быть, — с уверенностью сказал академик. — Вам, Матвей Михайлович, надо привлечь к этому делу других физиков. А вам, Григорий, позаботиться о том, чтобы образцы краски поскорее попали в Москву...

Кто-то заметил, что главным двигателем прогресса в технике всегда была лень. Одному человеку было лень ходить пешком — и он изобрёл автомобиль. Другому было лень стирать бельё в корыте — и он придумал стиральную машину. И так далее.

Это, конечно, шутка. Истинным двигателем прогресса всегда была невозможность решить новую задачу старыми средствами.

...Казалось бы, Матвей и раньше не терял времени даром. Его анализы становились всё точнее и точнее. Давно ли он не различал разницы в миллион лет?

А последние модели прибора давали ошибку не более ста тысяч.

Не более, но, к сожалению, и не менее. Такая точность ещё в какой-то мере подходила при определении возраста саммитов. Но сейчас она никуда не годилась. Требовалось найти какой-то совершенно новый принцип измерения: никакими постепенными усовершенствованиями, никакими доделками старого метода обойтись было невозможно. Невозможно уже по одному тому, что постепенно — значит долго.

Пока речь шла только о саммитах, даже многие месяцы не казались Матвею чрезмерно большим сроком. В конце концов, камень есть камень. Лежал тысячи, если не миллионы, лет — полежит ещё год.

Теперь речь шла о судьбе его друзей — о судьбе Майи, судьбе Тарасюка. И о судьбе всего дела.

Тут уж не только год, не только месяц — каждая лишняя неделя, каждый лишний день становились мучительно долгими.

Раньше Матвей чувствовал себя просто зачинщиком. Человеком, который ввёл мяч в игру. Самое большее — одним из команды. Теперь он знал: всё зависит от него. Гол в ворота противника может забить только он.

Нет, решить задачу старым методом было невозможно! И эта невозможность, как уже не раз случалось в науке, привела Матвея к открытию. Собственно говоря, сам он вовсе не считал это открытием. Напротив, когда ему пришла мысль воспользоваться наведённой радиацией, он схватился обеими руками за голову и горестно простонал: «Дурень!»

Наведённая радиация и в самом деле не была новостью. С тех пор как были обнаружены космические лучи, учёные знали, что они бом-

бардируют всё, что находится на поверхности Земли. Словно маленькие снаряды, вонзаются космические частицы в людей, в деревья, в камни, оставляя невидимые следы. Чем дольше лежит камень на поверхности, тем больше на нём следов.

А если спрятать камень в пещеру? Что случится тогда? Только маленькая часть космических снарядиков пробьётся сквозь свод пещеры и достигнет камня. Остальные застрянут в толще свода. Поэтому в спрятанном в пещере камне гораздо меньше потревоженных атомов, чем в его собратях, оставшихся снаружи, без защиты. Тем меньше, чем дольше он пролежал в укрытии.

Но разве всё это относится только к камню? Конечно же, нет! Вместо камня в пещеру можно поместить глиняный черепок или монету. Или кусочек охры... Да, охры, чёрт побери!

Восемь дней, которые понадобились четырём граммам жёлтой краски, соскобленной Фернаном с ноги Майиного космонавта, для того чтобы добраться до Москвы, — все эти восемь дней Матвей почти не смыкал глаз.

И всё-таки он не успел бы закончить расчётов, если бы не Григорий, который носился, как вихрь, по институтам, лабораториям, конструкторским бюро, молниеносно выполняя все поручения Матвея: уговаривал, доставал, увязывал, добивался, пробивал, улаживал...

И когда пробирка с жёлтым порошком на дне достигла лаборатории Белова, её уже ждал новый прибор. Правда, он не был так законченно компактен и красив, как термоанализатор с его радужным столбиком. Большой чёрный цилиндр, похожий на голландскую печь, не вмещал всей аппаратуры, и провода тянулись от него вверх — к ячейкам транзисторов, вниз — к трансформатору, вбок — к осциллографу.

Зато точность его была замечательной. Вчера на последнем испытании тройное повторение опыта с единственным привезённым Тарасюком саммитом дало числа: 19 200, 19 800 и 21 000. То есть двадцать тысяч лет плюс-минус тысяча. Сомнений быть не могло — маленькая полупрозрачная груша появилась на Земле двадцать тысяч лет назад. Всего двадцать тысяч лет назад!

...Приняв из рук Тарасюка драгоценный жёлтый порошок, Белов вытолкнул Григория за дверь, разделил содержимое пробирки на десять равных частей и начал опыт.

Он вышел из лаборатории в полночь, на четвёртые сутки, проделав подряд десять скрупулёзнейших исследований.

В зубах у него похрустывал задубевший бублик, руку оттягивал тяжёлый портфель. В портфеле лежала метрика Майиного космонавта.

Нет, Майя никогда не могла нарисовать картину, рядом с которой сфотографировал её этот прохвост, назвавшийся Смитом. Да что там Майя! Ни одна из её прабабушек не могла бы это сделать... по той про-

стой причине, что прибор засвидетельствовал: жёлтая охра из присланной Фернаном Гизе пробы попала на стенку пещеры за двадцать тысяч лет до рождения Машиной прабабушки. В то же самое тысячелетие, когда неподалёку от ущелья Джаббар, на плоской, как стол, равнине появились саммиты. В то же самое!

Есть у юристов такое понятие — алиби. Если нити преступления ведут к человеку, который доказал, что в момент преступления он находился в другом месте, то он доказал свою невиновность. Нити обрываются, и надо искать другие.

Майин космонавт никогда не докажет своего алиби! В то время, когда странные полупрозрачные капли появлялись в Саммили, он был там!

Проходя через вестибюль, Белов увидел своё отражение в зеркале и ужаснулся. Щёки заросли рыжеватой щетиной. Бакенбарды делали его ещё более похожим на великого поэта.

Он отвернулся от зеркала и только тут заметил поднимающуюся с вахтёрского кресла долговязую фигуру.

Фигура потянулась и добродушно проговорила голосом Тарасюка:

— Ты памятник себе воздвиг нерукотворный?

Если бы Белов не провёл три дня и четыре ночи запершись в лаборатории, он, может быть, и удивился бы виду своего друга. Глаза у Тарасюка покраснели, будто это не Матвей, а он просидел за приборами трое суток кряду. Подбородок стал похож на чёрную щётку.

Но Матвей был слишком утомлён и слишком переполнен радостью от удачно законченной работы, чтобы что-нибудь заметить. Откуда было знать ему, что, покончив дела с аппаратами и материалами, нужными для исследования краски, Григорий не только не пребывал в безделье, ожидая результата, но, наоборот, был занят все последние дни (и даже частично ночи) сверх всякой меры.

Матвей был бы немало удивлён, если бы узнал, что последние трое суток Тарасюк спешно готовил новую экспедицию, вёл нескончаемые беседы по междугородному телефону о делах, имеющих непосредственное отношение к его, Белова, гипотезе, с людьми, весьма далёкими как от астрономии, так и от археологии.

Удивление Матвея возросло бы ещё больше, если бы он узнал, что всю эту кутерьму вызвала вручённая Тарасюку академиком старинная рукописная книга о путешествии по Московии, содержащая описание множества «див и чудес».

...Однако Белов ничего этого не знал и потому на возрос Тарасюка о нерукотворном памятнике ответил без тени сомнения:

— Воздвиг! Они прилетели двадцать тысяч лет тому назад.

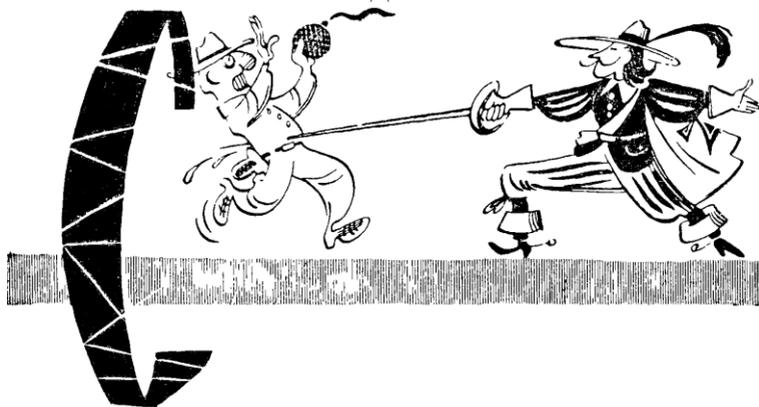
— Какая жалость! — воскликнул Григорий. — Мы с тобой опоздали всего на двести веков! Когда ты сможешь доложить на секторе?

— Завтра, — решительно ответил Матвей.

— Завтра ты будешь спать! — так же решительно возразил Григорий и, обняв Матвея за плечи, повёл его к выходу. — Завтра ты будешь спать, как сурок. Послезавтра — готовить доклад. А у меня есть срочное дело. Придётся улететь из Москвы...

Они вышли из института. Тарасюк усадил Белова в машину, уселся сам и включил зажигание.

Глава третья СЕРЁГИН ДЕЙСТВУЕТ

Спрашивается, где справедливость?

Ведь всё началось именно с Леонида Серёгина, с того, что к нему пришёл Матвей Белов.

Если бы не журналист Серёгин, ещё неизвестно, как обернулось бы дело у физика Белова, археолога Тарасюка, спелеолога Гизе, филолога Кремнёвой, Халида и у многих других людей, так или иначе причастных ко всей этой истории.

И тем не менее именно Серёгин остался в стороне. Такова судьба журналиста. Ты первым обо всём разубнаёшь, ты добываешь самый лучший материал, ты не спишь ночами, чтобы он получился поинтересней. А в итоге? Только самые близкие друзья иногда заметят твою фамилию под очерком или репортажем. А всех остальных ты совершенно не интересуешь. Их интересует только то, о чём ты написал.

В случае с саммилитами у Серёгина не было возможности заслужить внимание даже близких друзей. Статья пошла за подписью автора гипотезы, и никто в целом мире, кроме работников редакции, не знал, сколько пришлось ему, Серёгину, потрудиться над записями Белова, заинтересовавшими этот самый мир...

Разумеется, Леонида предупредили о предстоящей поездке в пустыню. И, разумеется, он сделал всё, чтобы принять в ней участие. Но к академику попасть ему не удалось. А какой-то профессор, на столе которого уже лежали документы Тарасюка и Кремнёвой, согласился уде-

лить Леониду всего одну минуту, и то после того, как Серёгин довёл солидную даму-секретаря до полного изнеможения.

Выслушав журналиста и небрежно пробежав такое длинное и убедительное письмо за подписью главного редактора газеты, профессор сказал, что корреспондентам делать в Саммили совершенно нечего. Вот если экспедиция привезёт оттуда что-либо интересное, то тогда товарищи корреспонденты смогут ознакомиться со всеми материалами во всех деталях и писать о них хоть во всех газетах...

Поезд шёл с Дальнего Востока в Москву. Он был в пути пятые сутки, и самые аккуратные пассажиры уже начинали понемногу укладывать кое-что из вещей.

Леонид Серёгин, возвращавшийся из очередной командировки, и его попутчик, невысокий коренастый человек лет тридцати, к числу самых аккуратных пассажиров, безусловно, не принадлежали. Отчасти по возрасту, отчасти потому, что вещей у них почти не было.

Багаж корреспондентов, как известно, состоит в основном из блокнотов, плёнок и фотоаппарата. Попутчика же Серёгина вполне удовлетворяла обширная сумка, которую в случае необходимости можно было закинуть за спину как рюкзак. Он был геологом и сообщил Леониду, что за последний год перетаскал в руках и за плечами больше грузов, чем везёт их поезд. А сейчас он едет в отпуск, и, кроме бритвы «Спутник», купальных трусов и кедровых орехов, ему ничего не требуется.

Серёгин и геолог с самого Владивостока сражались в шахматы. Сейчас счёт был 33:1 не в пользу журналиста.

Леонид с равнодушным видом, хотя сердце его обливалось кровью, положил на доску своего короля.

— В игре царит случай, — заметил он.

— Случайность — это способ проявления закономерности, — не без ехидства отозвался геолог. — Ещё одну?

— Хватит, — притворно зевнул Серёгин. — Пора спать.

Геолог взял полотенце и вышел из купе.

Леонид стал складывать шахматы. Сложил, поставил доску на столик и наклонился, чтобы поднять листок плотной бумаги, на котором попутчик вёл запись счёта железнодорожного матч-турнира.

С другой стороны листка было что-то наклеено. Серёгин перевернул бумагу — это была телеграмма — и машинально прочёл:

ДНЕПРОПЕТРОВСКА ХРУСТАЛЬНЫЙ ХАБАРОВСКОГО
АЛЕКСАНДРУ ТЧК СЕДЫХ ЖДУ МОСКВЕ

Леонид перевернул листок и положил на столик, придавив перочинным ножом.

Геолог вернулся в купе и забрался на полку.

А Серёгин вышел в коридор, стал к окну и закурил.

Фамилию попутчика он явно встретил не впервые. Но где она падалась ему раньше?

Старпом на корабле? Нет, тот не Седых, а Скорых... Хрустальный? Что такое Хрустальный?..

Серёгин докурил папиросу, так и не вспомнив, где он слышал фамилию геолога, и пошёл к своему купе.

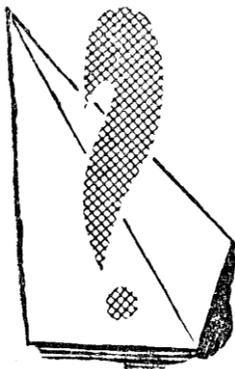
Из-за открытой двери он услышал обрывок чьей-то фразы: «...Тайменя килограммов на двадцать из этого ручья, представляет!..» — и вдруг сразу вспомнил.

Просто удивительно, почему он не вспомнил этого раньше! Ну конечно: Хрустальный ручей, озеро, Седых!..

Телеграмма, которую он дал Григорию «на дорожку», когда тот летел в Хирбет! Телеграмма с далёкого сибирского рудника, принятая им за шутку, придуманную кем-нибудь из друзей Белова...

Леонид вбежал в своё купе и беззастенчиво растолкал мгновенно заснувшего геолога:

— Ради бога, извините! Это вы пять месяцев назад послали телеграмму на имя Матвея Белова?

Нетерпение Серёгина, после того как Седых рассказал ему о загадочной каменной пирамиде у затерянного в тайге маленького озера, было так велико, что он, сойдя с поезда, сразу забрался в первую попавшуюся телефонную будку.

— Институт! — ответил женский голос.

— Когда возвращается из Аравии товарищ Тарасюк?

— Уже вернулся... И снова уехал... Нет, не за границу... Когда приедет? Позвоните, пожалуйста, через недельку...

Леонид повесил трубку.

Что же делать? С кем посоветоваться? Придётся действовать самому, разведав для начала, не знает ли чего-нибудь Белов.

— Здравствуйте!

Вопреки обыкновению, Серёгин не ворвался в комнату, как ураган, а степенно вплыл в неё, как человек, знающий себе цену.

— Ну, как вам пустыня? — небрежно спросил он.

Матвей уголком глаза взглянул на Майю и сдвинул брови.

Она поняла.

— Нашли что-нибудь?

— Кое-что, конечно, нашли, — ответил Белов. — Интересный образец саммилита на глубине четырёх метров, под корнями пальмы...

— Опять саммилиты... — махнул рукой Леонид. — Хватит играть в камушки! Надо действовать!

Майя повернулась к Серёгину:

— А разве мы сидим сложа руки?

— Не сложа, но сидите... Вы когда приехали?

— На позапрошлой неделе.

— А где Григорий?

— Не знаю.

— А вы чем занимаетесь?

— Не вылезаю из библиотеки, поняли? — сердито ответила девушка.

— Конечно, понял! — Серёгин загадочно улыбнулся. — Хороши труженики — не вылезают из библиотеки! Это только курица может высидеть цыплёнка, не сходя с места. А выпел из космоса так не высидишь!

Матвей чуть улыбнулся — по обыкновению, одними глазами.

— Чего это ты так агрессивно настроен сегодня? Идём, покажу новый прибор.

— Прибор? Для чего?

— Для того чтобы определять возраст камня с точностью плюс-минус сто лет.

— Зачем?

— Чтобы найти координаты того самого выпела, о котором ты шумишь.

Серёгин принялся ходить по комнате.

— По-моему, вы всё чертовски усложняете. Надо просто брать загадочные памятники — все подряд! И исследовать их!

Матвей всё с той же улыбкой смотрел на журналиста.

— Можно, я тебя тоже спрошу? А зачем исследовать всё подряд?

— Как это — зачем? — возмутился Леонид. — Да чтобы...

— Чтобы! — передразнила его Майя. — А вы знаете, сколько существует загадочных памятников?

— Приблизительно знаю! — не совсем уверенно объявил Серёгин.

— А всё-таки?

— Штук десять — пятнадцать. Это на Земле...

Майя расхохоталась.

— А что тут смешного? — возразил Серёгин. — Кроме Земли, есть ещё и небо. Там тоже загадки — планета Фээтон, звезда Цы...

...Недавно Серёгину поручили по делам газеты порыться в старых книжках по астрономии. Так он узнал, что существует версия, будто у Солнца было когда-то не девять планет, а десять. Будто между Марсом и Юпитером вращалась вокруг светила загадочная планета Фээтон, рассыпавшаяся по каким-то неизвестным причинам на астероиды.

И Серёгин бросился разыскивать всевозможные сведения об астрономических загадках.

Этим розыскам Матвей и Майя и были обязаны упоминанию о звезде со странным именем Цы.

Однако Белов не обратил никакого внимания на слова журналиста. А Майя презрительно фыркнула и протянула Серёгину толстую папку:

— Посмотрите-ка лучше, что я высидела. Не на небе — на Земле. За две недели.

Серёгин развязал тесёмки папки. На первой странице было написано:

Исторические памятники неизвестного происхождения.

Леонид пробежал глазами несколько ничего не говорящих ему названий. Почему-то все они на первой странице начинались на букву «А». Он перевернул страницу, вторую... пятую... То же самое. Окончательно опешивший Серёгин открыл последнюю страницу. Там под номером 784 значились какие-то «Ворота Солнца».

— Только буква «В», и уже семьсот восемьдесят четыре памятника!.. Сколько же их вообще? — неуверенно проговорил Леонид.

— Около семи тысяч, — спокойно ответила Майя. — На наш век хватит, если исследовать всё подряд, согласно предложению одного специалиста...

— А как же быть? — вздохнул Леонид.

— Исключить из Майинового перечня всё, что появилось заведомо позже саммитов! — сказал Белов. — Понял, зачем прибор?

— Безусловно, понял! — многозначительно сказал Серёгин. — Понял, что прессе пока делать нечего. Списки, анализы...

— Слушай, Матвей: человек жаждет деятельности. Так пусть съездит на почтамп за посылкой! — предложила Майя.

— Что ещё за посылка? — спросил Серёгин.

— Из Саммили. Всё не смогли взять с собой, отправили почтой.

— Опять камни?

— И камни, и другие пробы...

— Очень древние?

— Точно узнаем в субботу на следующей неделе, — сказал Белов.

— А что произойдёт в субботу?

— Пустим новый прибор.

Серёгин посмотрел на потолок и объявил:

— Ладно, так и быть, притащу вам с почтамта ящики. Но только в ту субботу, может быть, состоится и кое-что поинтереснее, чем пуск вашего прибора...

— Что же? — без особого энтузиазма спросила Майя.

Серёгин помолчал, чтобы усилить эффект, а потом скромно сказал:

— Я привезу вам выпел.

— Лучше сначала посылку, — сразу же попросила Майя.

— Хорошо, — согласился Леонид. — Сперва посылку, потом выпел.

Он с достоинством поклонился и вышел. Майя не выдержала и расхохоталась. К её удивлению, Белов даже не улыбнулся.

Майя толкнула его в плечо:

— Ты что?

— Боюсь, что Леонид пронюхал больше, чем нужно.

...С того самого субботнего вечера, когда в редакционном кабинете впервые появился Белов со своей рукописью, космический клад не выходил у Серёгина из головы. Он отлично представлял его себе! Высокий цилиндр из матового «неземного» металла.

Серёгин столько раз «видел» его, что мог бы, разбуженный среди ночи, описать этот цилиндр совершенно точно. Диаметр — метра полтора. Высота — метров десять. Совершенно гладкая, без единой заклёпки поверхность.

Местонахождение цилиндра, к сожалению, рисовалось Серёгину уже не так однозначно.

Два месяца назад, когда он ездил на овечьи пастбища в горы, он удивлялся, как ему не пришло в голову раньше, что космический выпел мог быть оставлен только на вершине какого-нибудь неприступного восьмимысячника. Возвратившись в Москву, Серёгин завёл собственный учёт всех восхождений на Памире и в Гималаях и обошёл с десятком победителей заоблачных пиков, придирчиво допрашивая их обо всех подробностях, которые они заметили на вершине горы.

Неделю назад, когда Серёгин плыл по морю, он был абсолютно убеждён, что «неземной» цилиндр покоится в глубине океана. Серёгина просто невозможно было оторвать от борта, он мог стоять неподвижно часами, вглядываясь в прозрачную зеленоватую воду. Сколько раз его бросало в жар и холод, когда внизу возникало серебристое мерцание, хоть он и знал, что ничем, кроме стаи рыб, оно вызвано быть не может...

А пустыни! Никому на свете он не завидовал так, как Григорию и Майе, уехавшим в Саммили.

Зато теперь Серёгин не завидовал никому. Это ему скоро будут завидовать все!

Разговор с главным редактором был очень коротким.

— Когда сдашь очерк о морях-краболовах? — спросил редактор.

— Завтра! — с готовностью ответил Серёгин.

— Хорошо. Значит, через три дня, когда сдашь очерк...

— Но я же, честное слово, сдам завтра! — снова воскликнул Леонид.

— Я и говорю, — невозмутимо продолжал редактор, — сдашь завтра, послезавтра получишь на переделку, а дня через три сдашь окончательно. Тогда и полетишь.

На третий день он сдал очерк «окончательно».

Редактор строго-настрою приказал не «партизанить». Сфотографировать с самолёта, и крупным планом. Опросить стариков, краеведов, если они найдутся в посёлке. Узнать, бывал ли на этом месте кто-нибудь из учёных, чтобы потом связаться с ними. Больше ничего!

Сегодня в полночь он уже будет лететь над Уралом. Кроме него и главного редактора, о цели поездки не знает никто. Седых не в счёт. Он не принял всю эту историю всерьёз даже тогда, зимой, а теперь окончательно позабыл о ней. Серёгин с трудом растолковал ему, о чём идёт речь...

Конечно, перед отъездом надо было посидеть в архиве — порыться в документах об этом крае. Но ноги сами привели его к Белову.

Чертовски трудно было удержаться от соблазна! Если бы не ехать на почтайт за посылкой, он мог бы проговориться...

По правде говоря, не очень-то ловко скрывать такую новость от самого Белова. Но ничего, семь дней подождёт. Что может случиться за семь дней? Ничего ровным счётом.

А через неделю он въедет к Матвею на белом коне! Интересно, что скажет тогда Кремнёва про верхоглядов журналистов?

Часы показывали три минуты двенадцатого. Шум моторов перешёл в плотный, почти осязаемый рёв. Спинка кресла прижалась к плечам Серёгина, и красные огни взлётной полосы понеслись мимо, сливаясь в сплошную черту.

Глава четвёртая **ПО ОДНОМУ ПРОЕКТУ**

Костёр бросал колеблющиеся оранжевые блики на острую грань пирамиды, уходящую в черноту неба.

— На белом коне я уже никуда не въеду, — прошептал Серёгин, наклоняясь к Тарасюку. — Но войди в моё репортёрское положение — хоть командировочные-то я должен отработать? Мне же завтра вылетать!

— Должен, должен! — рассмеялся Григорий. — Слушай и наматывай на ус...

Серёгин рассеянно вслушивался в то, что говорил Белов, и перелистывал в свой корреспондентский блокнот.

...Шёл седьмой вечер — седьмой с того самого дня, когда Серёгин впервые вступил на берег Перламутрового озера и увидел таинственную гранитную пирамиду, у подножия которой мирно спал... Тарасюк. Вскоре сюда прилетели Матвей Белов и Майя.

Каждый день прошедшей недели был наполнен радостями открытий и горестями разочарований.

О первом открытии Серёгин узнал спустя десять минут после того, как вылез из вертолѐта. Григорий притащил его и пилота к пирамиде, ткнул в неё ногой и гордо сообщил:

— Сторона основания равна двадцати пяти метрам.

— Как в Хирбете? — воскликнул Серёгин.

— Так точно! Строили по одному проекту! — Тарасюк щёлкнул каблуками. — Но, чтобы доказать это окончательно, нужно ещё измерить ребро... С вашей помощью, товарищ пилот!

Через полчаса Григорий спустился по верёвочной лестнице с вертолѐта, повисшего над пирамидой, прямо на её вершину. Закрепил на ней конец тонкого телефонного кабеля, а весь моток бросил вниз — Серёгину.

— Натягивай! — крикнул он. — Ещё сильнее! Так, хорошо... Теперь завяжи узел!.. Готово?

— Готово!

Тарасюк смотал кабель и обеими руками ухватился за верёвочную лестницу.

Огромная зелёная стрекоза тронулась с места, повисла прямо над головой Леонида и начала медленно опускаться. Чуть не задев приятеля каблуком, Григорий спрыгнул на землю и приветственно замахал рукой. Стрекоза взмыла вверх.

— А ну-ка держи! — сказал Тарасюк, протягивая Леониду конец кабеля с узлом.

Леонид прижал узелок к углу пирамиды у самой земли, а Григорий побежал к другому углу и натянул кабель.

— Двадцать пять! — крикнул Григорий. — Тетраэдр! Я ж говорил — по одному проекту!

...Второе открытие сделал Белов. Вернее, он первым установил факт, которому не придавал никакого значения.

Выйдя из вертолётa ровно в полдень и поглядев на пирамиду, он пробормотал:

— Между прочим, высота основания этого сооружения не лежит в плоскости меридиана.

Леонид, который стоял рядом с ним, ничего не понял, и, может быть, именно поэтому фраза Матвея намертво вошла ему в память. При первом же удобном случае он решил поразить Тарасюка. Случай представился за ужином.

Григорий чуть не поперхнулся, когда Леонид небрежно произнёс эту великолепную фразу.

Бросив недопитый чай, Тарасюк помчался к пирамиде. Белов, Серёгин и Майя с недоумением поглядели друг на друга.

Недоумение прошло довольно быстро.

— Все храмы богов и усыпальницы правителей, — разъяснил, вернувшись, Григорий, — все пирамиды, и мавзолеи, и просто могилы обычных смертных древние строили всегда «по компасу». Чаще всего главным входом к востоку. Туда, откуда восходит солнце, откуда боги посылают людям свет и тепло.

Точно так было и с Хирбетской пирамидой, хотя она и не имела входа. Одно ребро каменного исполина было обращено точно на север, а противоположная сторона основания ориентирована строго по параллели восток — запад.

А здешняя пирамида действительно не отдаёт никакого «предпочтения» ни одной из сторон света!

Только захоронения синантропов, живших триста тысяч лет назад, были совершенно безразличны к странам света. Кстати, это абсолютное доказательство того, что синантропы ещё не успели придумать себе бога. В то время религии на Земле не было. Как только боги «появились», могилы стали немедленно поворачиваться к солнцу. Так что если святая церковь признает синантропа человеком, то дела её плохи, — он и есть тот самый человек, который понятия не имел о своём «творце»...

И в самых древних наскальных рисунках, — продолжал Григорий, — тоже нет ни одного «божественного» сюжета — ничего, кроме людей, животных да ещё...

Он вопросительно посмотрел на Майю.

Девушка улыбнулась.

— Вернёмся к нашим баранам, дорогой Григорий. Уж не хочешь ли ты сказать, что и пирамиду, у которой мы сидим, соорудили синантропы?

Тарасюк задрал голову и посмотрел вверх — туда, где в невидимой сейчас точке безукоризненно точно сходились три каменных ребра монумента.

— Вряд ли. — Он с сомнением покачал головой. — Где им!

Третье открытие сделал опять-таки Матвей. И даже не сам — только сегодня утром прилетевший вместе с ним лаборант закончил стандартный цикл анализов по методике Белова. Взяли двенадцать проб. И все они, как одна, ответили: пирамида вырублена сто девяносто пять веков назад плюс-минус двести пятьдесят лет. Те же двадцать тысяч лет назад, когда в пустыне образовались таинственные камни — саммиты...

Как ни велика была радость Леонида по поводу всех этих открытий, огорчения были, пожалуй, ещё больше.

Во-первых, глубинный лучевой зонд показал, что пирамида сделана из обыкновеннейшего гранита и не содержит никаких посторонних включений.

Во-вторых, каменную площадку под пирамидой и вокруг неё прощупали приборами на глубину нескольких километров, и никаких аномалий — ни гравитационных, ни магнитных, ни сейсмических — под ней не оказалось. Судя по всему, никакого вымпела поблизости от таинственного знака не было.

Не оправдались и надежды, которые Леонид возлагал на Майю.

Прикомандированный к экспедиции вертолётчик съёг чуть не весь запас отпущенного ему бензина. Но ни в ближайших посёлках — за пятьдесят и сто двадцать километров, — ни в далёком районном центре никто не знал, как, когда и почему появилась здесь эта пирамида. Она словно выпала из поля зрения людей. А немногочисленные охотники, бывавшие на берегу Перламутрового озера, вообще не считали пирамиду древностью. Кому в те времена могло понадобиться высекать из гранита монумент в краю, где никогда не существовало древних цивилизаций?..

Да! О белом коне Леониду мечтать не приходилось! Серёгин захопнул блокнот и прислушался.

— Что же, — негромко говорил Матвей, — конечно, проверить геофизику надо. Пробурить скважины... Это сделают без нас, договоримся с геологами. Я уверен, что проверка ничего не даст. Приборы не вращи: здесь под землёй ничего нет...

— Будем искать дальше! — отозвался Тарасюк.

Матвей повернул к нему освещённое огнём костра лицо.

— Прежде всего, Григорий, надо оценить уже сделанное. Мы не только получили подтверждение, что примерно двадцать тысяч лет назад на нашей планете побывали неизвестные нам Обладатели Разума, несравненно превосходящие тогдашних обитателей Земли. Кое-что мы узнали и о вымпеле...

Серёгин чуть не подпрыгнул на камне, на котором расположился, и весь превратился в слух.

А Матвей неторопливо продолжал, как бы рассуждая сам с собой:

— До сих пор мы точно знали только то, что примерно тогда — двадцать тысяч лет назад — кто-то нарисовал на скале существо в скафандре...

Серёгин с упрёком посмотрел на Тарасюка. Хорош друг!.. Небось в Саммили? Да ведь это же гениальный материал!..

— Гришка, — яростно зашипел Леонид, — послушай...

— Помолчал бы! — попросил его Тарасюк.

— Теперь мы знаем, что в то же время на Земле были сооружены две геометрически правильные пирамиды, — задумчиво продолжал Матвей. — Гробницы? Нет, не гробницы. Значит, это символы... Но, по крайней мере, один из них не ориентирован по странам света. Значит, эти знаки не посвящены никакому божеству...

Майя бросила в костёр полено. Яркое пламя осветило задумчивые, сосредоточенные лица.

— С какой целью нужно было ставить два таких знака за десять тысяч километров один от другого, а, товарищи?.. Я думаю, — Белов встал, — что мы имеем дело с опорными точками неизвестной нам геодезической системы координат. Наша задача — расшифровать эту систему. У кого есть идеи?

Все молчали, задумчиво глядя в спокойное пламя костра. Молчали, может быть, и не потому, что идей не было.

Просто ещё не успели освоиться с мыслью, что в их руках сейчас оказался кончик цепочки, которая непременно приведёт людей к братьям по разуму...

Первой нарушила молчание Майя.

Она встала рядом с Матвеем и, протянув руки к костру, медленно и торжественно произнесла:

— *«...Жило там могучее племя гигантов. Огромны были они телом своим. Но ещё огромней — мудростью.*

И вот однажды решили они завладеть самим солнцем. И воздвигли высокие башни, чтобы штурмовать небо...

И, прежде чем взойти на свои башни, спросили гиганты людей, которые собрались со всего света, — что хотели бы люди получить от них в подарок?

И сказали люди: оставьте нам вашу мудрость.

И сказали гиганты: чужой мудростью не проживёшь.

И сказали люди: оставьте нам вашу силу.

И сказали гиганты: вы употребите её во зло.

И сказали люди: что вы оставите нам?

И сказали гиганты: самую высокую вышину и самую глубокую глубину, день, равный ночи, полночную звезду и священное число...»

Майя умолкла, сделала несколько шагов от костра и прислонилась к стене пирамиды.

— Попробуем рассуждать хладнокровно, — сказал Тарасюк. — Предположим, что известные нам пирамиды — это две точки системы. Но зачем нужны ещё пять пунктов: глубина, высота, день, ночь и звезда?

— Ну, положим, — вступился за гигантов Серёгин, — день, равный ночи, можно считать за один пункт, а не за два.

— Всё равно, — азартно сказал Тарасюк, — пусть четыре. Четыре плюс два равняется шести. Что за странное число опорных пунктов?

— Ладно, друзья, — примирительно сказала Майя. — Это за один присест не решишь. Вот если бы узнать священное число...

Она подошла к костру и негромко запела:

Есть ещё безводные пустыни,
Топа неосушенных болот,
Книга, не написанная ныне,
Песни непридуманной полёт...
Мы выходим утром голубиным, —
И дорог нехоженых не счесть!
Есть в морях безвестные глубины,
Есть в горах невзятые вершины,
И дороги к звёздам — тоже есть!

Що за дивне число опорних пунктів?

НЕ НА БЕЛОМ КОНЕ, ИЛИ ПЯТЬДЕСЯТ СТРОК НОНПАРЕЛИ

Это был тот довольно редкий случай, когда человек оказывается пророком.

Речь идёт о Леониде Серёгине, заявившем Тарасюку в начале прошлой главы, что он, Серёгин, на белом коне уже никуда не въедет...

Именно так всё и произошло. Возвращение репортера в столицу ничем не напоминало путешествия на белом коне. И не только отсутствием почёта, с которым обычно ассоциируется езда на этом непарнокопытном животном довольно редкой масти.

Если из Москвы на Хрустальный Серёгин добрался всего за сутки, включая автобус, то обратно он путешествовал трое суток. В двух аэропортах самолёт простоял по целому дню из-за нелётной погоды. В третьем задержался на всю ночь по каким-то не известным пассажирам «техническим причинам». И, наконец, в Москве их приняли только после того, как машина битый час утюжила воздух над пригородами. Да и то не на Внуковский аэродром, а на Быковский, откуда надо ехать в город электричкой, которая уже не ходила — было поздно. Правда, существовало такси. Но у какого командировочного останутся деньги на такси в последний день командировки? Особенно если командировочный сидел на обратном пути два дня без погоды и оба раза обедал в вокзальном ресторане, да к тому же с пивом.

Одним словом, ждать в Быкове пришлось до утра. К счастью, это было воскресное утро, а по воскресеньям газета не выходила.

Значит, можно будет отоспаться после трёхдневной жизни в воздухе и на жёстких креслах транзитных аэропортов.

А потом... Серёгин уже предвкушал, каким оно будет, это самое «потом».

...Очереди у газетных киосков. Заголовок афишными буквами: ЕЁ ПОСТАВИЛИ АСТРОЛЁТЧИКИ. Её — это хрустальненскую пирамиду. Заинтригованный «шапкой» читатель с околзвуковой скоростью кинется разворачивать хрустящую газету, чтобы немедленно узнать, что за астролётчики взялись на нашей Земле, кого и куда они поставили.

...Огромное клише с великаном в скафандре. Ведь Матвей говорит, что ни в одной советской газете и ни в одном советском журнале ещё не появилось об этом ни слова, и Серёгин всё равно окажется первым, хоть и узнал об этом последним.

...И рассказ — волнующий, подробный, мастерски закрученный рассказ о гигантской пирамидальной глыбе в тайге...

Серёгин заснул на середине следующей, мысленно произнесённой им фразы:

«Когда руководитель группы учёных Белов и ваш корреспондент измерили направление...»

Если бы мы стали рассказывать обо всём, что пришлось пережить Леониду Серёгину в понедельник, книжка эта осталась бы недописанной, потому что сердца авторов разорвались бы от жалости к герою.

Началось с того, что главный вообще не принял Серёгина, а велел секретарше сказать ему, чтобы заходил вечером с готовым материалом.

Но это бы ещё ничего. Главный всегда недолюбливал угстную речь и предпочитал ей готовый материал. Не раз на планёрках он учил репортёров «не языком трепать, а топором махать», подразумевая под топором авторучку и пишущую машинку.

Худшее произошло шесть часов спустя, когда главный сам позвонил в отдел, пригласил к себе Серёгина и, любезно справившись о его здоровье, провёл рукой на уровне собственных ушей сперва слева направо, а затем справа налево. От этого жеста у Серёгина похолодело в животе, как у гладиатора, завидевшего на трибунах опущенные вниз пальчики римских матрон.

Напрасно пытался Серёгин козырять именами Тарасюка и Белова. Напрасно старался уверить редактора в суперактуальности материала, в том, что этот материал откроет новую эру — эру журналистики на межзвёздном уровне. Редактор только отрицательно крутил головой, аккуратно причёсанной на косой пробор. Хватит с него первых мест. Лучше он обойдётся без первых сообщений о загадочной находке серёгинских протеже, но зато и без первых опровержений по тому же самому поводу. Кстати, пусть Серёгин благодарит судьбу, что его тогда не пустили в пустыню. Не хочется ли ему полюбоваться, какие «находки» делали там его подопечные и на что они тратили там командировочные деньги, да к тому же в иностранной валюте?

Главный протянул Серёгину явно нерусский журнал в кричащей, пёстрой обложке, с которой грозно глянули на Леонида марсианские очи из круглого скафандра и... смеющиеся глаза Майи Кремнёвой.

Кто дал главному этот журнал, Серёгин толком не понял. Не то сам академик, не то какой-то его заместитель...

Серёгин вышел из кабинета редактора в десять часов вечера, уже не пытаясь сопротивляться категорическому приказу: «Пятьдесят строк на третью полосу. И чтобы никаких космонавтов».

Он потушил верхний свет, уселся на стол, аккуратно сложил стопкой исписанные за день листы и принялся методично рвать их на мелкие части, бросая обрывки в корзину.

В вышедшей на следующий день газете в правом нижнем углу третьей полосы мельчайшим шрифтом — непарелью — было напечатано:

В 170 километрах от места впадения Амура в Татарский пролив группа советских учёных, занимающихся поисками древностей, обнаружила каменный памятник правильной геометрической формы. Про-

исхождение его неизвестно. По мнению кандидата исторических наук Г. П. Тарасюка, принимающего участие в экспедиции, исследование находки может привести к новым открытиям...

Остальные строки заняло довольно нудное описание полёта над тайгой на вертолёте, вида Перламутрового озера и его берегов.

Подписи Серёгину не дали. Под заметкой стояло: «Наш корр.».

Глава первая ТРЕТЬЯ КООРДИНАТА

Никто и не подозревал, что вернувшийся с Хрустального ручья Матвей Белов вёл как бы две жизни. Одну — видимую. Другую — невидимую. Окружающие считали, что он делает зарядку, ест, исследует образцы, пишет отчёты об экспедиции, выступает с докладами.

Но всё это была чистейшая видимость. На самом же деле Матвей всё это время посещал другие планеты и оставлял там вымпелы для будущих поколений...

Он летал к гигантским каменным пустыням, окружённым первозданным океаном и прикрытым ядовитой оболочкой метана и углекислого газа. Он парил над покрытыми буйной чащей папоротников и хвощей жаркими болотами. Опускался в заросших лесом горах, где жили пещерные люди в звериных шкурах; и в плодородных саваннах, по которым кочевали редкие племена скотоводов; и среди мраморных величественных храмов античного мира.

Он закладывал в стальные цилиндры звёздные карты Галактики и Метагалактики, чертежи атомных реакторов и космических ракет, учебники по физике и математике, технологические паспорта металлургических и химических заводов, книги Маркса, Пушкина, Эйнштейна.

Он бурил глубокие скважины подальше от вулканов и океанских берегов и опускал туда свою бесценную посылку.

Он сооружал сотни и тысячи памятных знаков, по которым будущие люди могли бы найти предназначенные им сокровища.

И чем дольше занимался Матвей этими делами, тем чаще таким знаком была пирамида — правильная трёхгранная пирамида, тетраэдр.

Если бы кто-нибудь спросил Матвея, почему именно пирамида, он вряд ли смог бы дать точный ответ. Конечно, во многом тут были

виноваты те самые пирамиды, которые кто-то оставил в Хирбете и на Перламутровом озере в те времена, когда ещё не существовало государств ни в Египте, ни в Месопотамии, ни в Индии, ни в Китае. Но главное, как казалось Матвею, было в другом — в трёхмерности пространства.

Всё, что есть во Вселенной, всё имеет длину, ширину, высоту. Три измерения. Три числа, которыми можно обозначить любую точку в пространстве.

Какой ещё знак мог выразить с такой простотой и точностью веру во всемогущество человеческого разума, как не строгая трёхгранная пирамида?..

В том, что на его уверенность повлияли слова Майи о священном числе, Матвей, пожалуй, не отдавал себе отчёта.

Однажды, вскоре после того как они вернулись с Дальнего Востока, Майя сказала Матвею:

— Кажется, я поняла, что за священное число было в легенде. Ты слышал что-нибудь о проблеме тройки?..

Почему-то все народы на земле любят число «три». И арабы, и иранцы, и эфиопы, и англичане, и немцы, и жители Патагонии, и китайцы, и многие другие. А русские примеры ты сам должен помнить. Смотри, во всех сказках главное событие повторяется трижды: три раза сражается с чудом-юдом Иван — крестьянский сын, три раза прыгает Иванушка-дурачок на Сивке-бурке, пока не допрыгнет до берега Елены Прекрасной, три царских задания выполняет Царевна-лягушка...

Главных действующих лиц тоже обычно трое: жили-были у крестьянина или царя три сына; три девицы под окном пряли поздно вечерком; в чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря, и тому подобное...

А сколько Илья Муромец лежал на печи? Ровно тридцать лет и три года. Между прочим, по евангелию Христос начал свою проповедь тоже в этом самом возрасте.

А троица — триединый бог, которого никто, даже сама церковь объяснить не хочет, потому что не может. Бог-отец, он же бог-сын, он же бог — дух святой...

А словицы?.. Третьего не миновать. Бог троицу любит.

Одним словом, — Майя наклонилась к Матвею, — тройка — особое число, наделённое какими-то удивительными качествами, причём не плохое, а хорошее.

— Вот никогда не думал! — Губы Матвея дрогнули. — Могу добавить... Когда я был солдатом, наш сержант почему-то всегда командовал так: «Раз, два, три! Раз, два, три!»

— Высмеять легче всего. Кстати, твоих космонавтов осмеяли поинтереснее, чем ты мою тройку! — рассердилась Майя. — А вот попробуй объяснить!

— А у тебя есть объяснение?

— Есть, но, к сожалению, не одно, а целых два. Значит, по пословице может быть и третье, — усмехнулась девушка.

— Какие же два?

— Первое — ритмическое. Человек по-разному воспринимает ритмы. Может быть, ритм «раз-два-три» — самый естественный не только для твоего сержанта, а вообще для человека. В силу каких-то ещё неизвестных особенностей ритмов работы мозга...

Матвей скептически пожал плечами.

— Подожди! — Майя постучала пальцем по столу. — Подожди. Второе объяснение такое. Один человек — это ещё не человек. Давно замечено, что ребёнок, выросший в волчьей стае или выкормленный медведем, остаётся зверёнышем — бегаёт на четвереньках и не говорит. Два человека — это уже люди, но, так сказать, безо всяких перспектив. Потому что молекула человечества, его наименьшая, но достаточная единица, — это семья. Мать, отец, ребёнок. Это глубоко народное понятие. Известно, что в народе троицей называют совсем не то, что считает троицей официальная церковь. Для богослова — это бог-отец, бог-сын и бог — дух святой, а в народе всегда считали, что троица — это бог, дева Мария и Христос.

— Верно, — заметил Матвей.

— Подожди! Но ведь может быть и третье объяснение. Некогда случилось в жизни людей какое-то очень важное событие, которое осталось в человеческой памяти в виде числа «три». Священного числа!

Ещё один день подходил к концу. Диктор уже пожелал спокойной ночи радиослушателям. За окном прекратился шум машин. Луна, ставшая теперь такой близкой, хотя ни один человек ещё не ступил на её поверхность, повисла в окне голубоватым шаром.

Матвей сидел на полу на огромной карте мира. Она не помещалась на столе. И потом, Матвей ещё с детства любил карты, разложенные на полу. Снова, как в детстве, он отправлялся в путешествие...

Он нарисовал красным карандашом треугольник пирамиды на том месте, где на карте был маленький чёрный кружок и надпись «Хирбет». Потом ещё один такой же треугольник на месте маленького голубого пятнышка в Сибири.

«Если Майя права, — подумал он, — то должна быть третья пирамида. Стоит где-нибудь в джунглях, или на дне моря, или под слоем торфа на болоте...»

Ну, а если не пирамида?

В конце концов, у любого сооружения есть тот минус, что его можно разрушить. А что нельзя разрушить?

Конечно, на Земле нет ничего абсолютно неизменного — даже материки меняют свои очертания, даже полюса и те путешествуют по земной поверхности.

Но разве нельзя выбрать что-нибудь в миллионы раз более долговечное, чем высеченный из скалы трёхгранный знак? Безусловно, можно... Тот же Северный полюс или Южный. Или даже какую-нибудь гору...

Но какую именно? Ведь нужна такая гора, которая отличается от всех остальных гор... Да, если бы он, Матвей Белов, стал выбирать главные точки для сетки знаков на долгие тысячелетия, то одной из них он непременно сделал бы самую высокую гору планеты! Самую высокую высоту!

Мысленно произнеся последние слова, Матвей даже похолодел. Не желая того, совершенно произвольно, он повторил те самые слова!

В его ушах прозвучал звонкий голос Майи:

«И сказали гиганты: самую высокую высоту и самую глубокую глубину...»

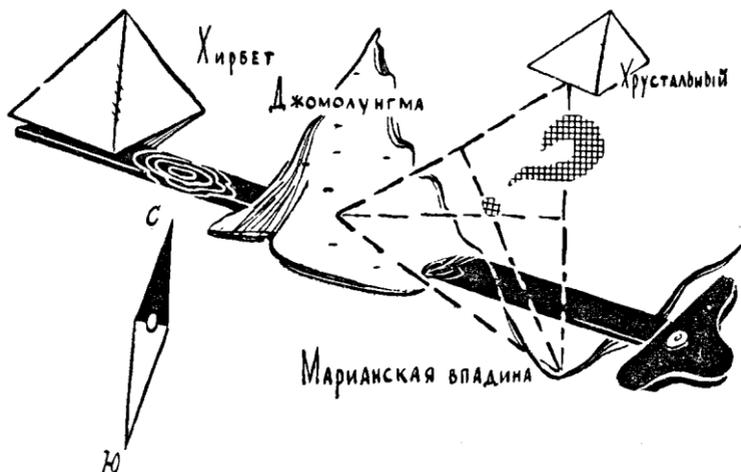
Матвей вскочил на ноги. Чёрт возьми! «Самая глубокая глубина» действительно ничем не хуже «самой высокой высоты»! Разве Марианская впадина менее долговечна, чем Джомолунгма?

Конечно же, две самые приметные точки на Земле — Джомолунгма и Мариана... А третья? «День, равный ночи»? Непонятно. «Полночная звезда»?

Но в полночь в разных местах планеты видно множество звёзд... Стой! Но тогда при чём здесь пирамиды? При чём они?

Матвей посмотрел на карту, и на его лбу выступили капли пота: Хирбет, Джомолунгма и Марианская впадина лежали на одной прямой...

Не веря своим глазам, он бросился к письменному столу, схватил рейсшину и приложил её к карте.

Нет, глаза не обманули его! Строители Хирбетской пирамиды расположили её как раз на продолжении линии, соединяющей «самую глубокую глубину» Земли с её «самой высокой вышиной».

Но зачем? Только для того, чтобы указать на эти две точки — на Джомолунгму и Мариану?

Предположим, что только для этого... Но почему тогда от Хирбета до Джомолунгмы ровно такое же расстояние, как от Джомолунгмы до Марианской впадины? Почему они не выбрали для пирамиды любое другое место на той же прямой?..

И ещё. Почему они поставили вторую пирамиду именно в Хрустальном?

Матвей взял снова красный карандаш и соединил Хирбет, Джомолунгму и Марианскую впадину жирной красной чертой. Потом приложил рейшину к её концу у тёмно-синего пятнышка в океане и одновременно к маленькому треугольнику возле Перламутрового озера.

— Занятно, — прошептал он. — Чертовски занятно! Если я не ошибаюсь, здесь шестьдесят градусов.

Матвей вскочил на ноги, достал из стола большой медный транспортир и приложил его к рейшине.

Он не ошибся. Линия, соединившая Хрустальный с Марианской впадиной, шла под углом шестьдесят градусов к линии, проведённой между впадиной и Хирбетским нагорьем.

Не понять такого ясного указания мог бы разве что человек, начисто позабывший геометрию. Шестьдесят градусов. Правильный треугольник?

Не мешкая ни секунды, Матвей принялся вычерчивать его на карте, и скоро две красные линии, вышедшие из Хирбета и Марианы, сомкнулись за Северным полюсом в Ледовитом океане.

Неужели они оставили вымпел на дне океана? Да ещё Северного Ледовитого?

Несколько минут Матвей простоял на коленях, глядя на древний материк, вот уже миллиарды лет не поддающийся ни клокочущей под ним грозной стихии огня, ни штурмующей его берега и не менее грозной водной стихии.

Что говорить, будь он, Матвей Белов, жителем какого-нибудь Канопуса или Ориона и явись он на Землю хоть двадцать миллионов, хоть двадцать тысяч лет назад, вряд ли удалось бы ему отыскать более надёжное хранилище для вымпела, чем Азиатский материк...

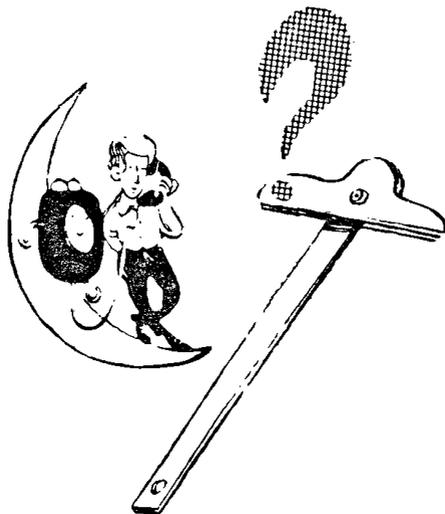
Но где? В какой именно точке Азии?

Ещё и ещё раз взгляд его останавливался то на одной, то на другой вершине красного треугольника, вычерченного на карте. Неужели всё-таки в океане? Попробуй доберись туда!

А если не в океане?..

Уже под утро Матвей после долгих раздумий начал пометать что-то в центре треугольника, бормоча при этом: «Высота, она же медиана, она же биссектриса...»

Потом медленно поднялся с карты, посмотрел на часы, которые показывали без четверти пять, подошёл к телефону и, отчаянно махнув рукой, набрал номер.

С минуту никто не подходил. Потом в трубке раздался сонный сердитый голос.

— Майечка, привет! — весело сказал Матвей. — У тебя есть карта Азии?..

— Ты что, с ума сошёл? — разозлилась Майя.

— Возможно! Но я хочу, чтобы ты раньше всех узнала: вымпел находится в трёхстах сорока километрах от Красноярска!

Глава вторая
В ШЕСТОЙ ДЕНЬ ПЯТОЙ ЛУНЫ...

Кто бы мог подумать, что самое трудное ещё только начинается?

Возиться в лаборатории, охотиться за пирамидами, ломать голову, глядя на карту, — всё это было детскими игрушками по сравнению с тем, что они затеяли теперь.

Матвей, рассеянно шагавший по обочине лётного поля, посмотрел на самолёт, которого, словно младенца из соски, поили два огромных автозаправщика, казавшихся просто малютками рядом с крылатым великаном.

Скоро «ТУ» поднимется, ляжет на курс и доставит его, Матвея Белова, в Красноярск. Заварил кашу — теперь, будь любезен, расхлёбывай!

Есть такая старая поговорка: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Бывают же счастливицы, у которых хоть на бумаге всё получается гладко! А что делать, если даже на бумаге получается чёрт знает что?..

Если ищешь центр треугольника, начерченного на листе ватмана, то размер найденной точки — какие-нибудь десятые доли миллиметра.

Если геодезисты, разбивающие площадку для парка, ищут точку, находящуюся в центре известного им треугольника, в вершинах которого они могут установить свои инструменты с трубами-дальномерами, то они уже находят не точку. Потому что найти точку в этом случае невозможно. Любой прибор — даже самый верный — даёт небольшие ошибки. Земля не совсем ровная. Воздух, через который геодезист смотрит на веху, не совсем прозрачный.

Вместо точки получается что-то вроде чайного блюдечка. Впрочем, для разбивки парка большая точность и не требуется.

Но когда надо «разбивать», как говорят строители, треугольник в полтора материка, тут уж чайным блюдцем не отделаешься. По самым

оптимистическим подсчётам геодезистов, центр треугольника, который был нужен Матвею, представлял собой «точку» диаметром километров сто.

Это на бумаге, где на площади чуть побольше половины почтовой открытки уместается весь Байкал. Что же будет там, на «оврагах»?

Погружённый в эти раздумья, Матвей бродил в отдалении от многочисленных пассажиров, ожидающих посадки. А следом за ним неумоимо шагал Серёгин, которого главный редактор наотрез отказался посылать снова в Сибирь, да ещё с Беловым (Тарасюк улетел в Красноярск двумя днями раньше).

— Матвей, а Матвей, — в десятый раз повторил Серёгин, — а как ты думаешь, откуда они прилетели? Я думаю, с Фазтона!

— С Фазтона, — машинально повторил Белов.

— Вот именно! — обрадовался Серёгин. — С той самой десятой планеты, что крутилась между Юпитером и Марсом, а потом рассыпалась на астероиды... Да подожди ты минуточку, не топай, как на параде! — Он крепко ухватил Матвея за локоть. — Это очень важно! Ведь ты сейчас улетишь, а потом тебя ищи-свищи!

— Так не на Фазтон же! — остановившись, сказал Белов.

Серёгин заулыбался: наконец-то ему удалось завладеть вниманием Матвея!

— У меня есть доказательства, что Фазтон был на самом деле!

И, торопясь, чтобы успеть, пока не объявят посадку, Леонид Серёгин стал рассказывать Матвею об одной старинной карте неба...

В самом начале нашей эры мусаваратский астроном Альдамак составил карту звёздного неба. На ней значилось девятьсот семьдесят семь звёзд. Но главным сокровищем для современных учёных оказалась не эта карта, а так называемые «Пояснения» к ней.

Альдамак писал, что звёзды — далёкие солнца. Что не Солнце вертится вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Что у звёзд непременно есть свои земли со своими людьми — крестьянами, астрономами и царями...

Последнее замечание древнего учёного и привело к печальным последствиям.

Царь Мусаварата часто прибегал к советам Альдамака, прежде чем начать войну или обложить народ новым налогом. Ведь Альдамак считался лучшим астрономом и предсказателем будущего. Поэтому царь готов был простить мудрецу его слова о других солнцах и других землях.

Но утверждения, что есть и другие владыки, — этого он простить не мог. Этак подданные ещё начнут думать, что можно заменить его, владыку Мусаварата, каким-нибудь другим царём!

Пришлось сослать мудреца в дальние каменоломни, а его богохульное сочинение предать проклятию и повелеть уничтожить.

И всё-таки одну копию «Пояснений» Альдамака почти через две тысячи лет удалось разыскать. Трактат древнего учёного отличался строгостью и точностью. Первая страница начиналась так...

Туг Серёгин достал записную книжку и прочёл:

— «В шестой день пятой луны первого года династии Аманире-нас снова появилось восточнее Рыбы третье ночное светило после Луны и Венеры — Таира...»

Эта фраза сама по себе не вызвала бы никаких толков. Можно было предполагать, что речь идёт о Юпитере... Но каково было удивление астрономов, когда буквально на следующей странице «Пояснений» они наткнулись на знак Юпитера.

В чём дело? Разве Юпитер — это не Таира? Какое же ещё светило может быть третьим после Луны и Венеры?

Попытались отыскать фразу, в которой одновременно встретились бы «Юпитер» и «Таира». Такой фразы не нашли.

Тогда учёные решили, что в рукопись вкралась ошибка при переписке.

И в самом деле — разве есть хоть одно древнее сочинение, в которое многочисленные переписчики не внесли бы какой-нибудь путаницы? На том дело и заглохло...

— Но теперь, — Серёгин понизил голос, — теперь, когда я смотрю на всё это глазами человека космической эры (у Белова дрогнули уголки губ), я спрашиваю, Матвей: а что, если переписчик не ошибся? Слушай, Матвей! Я сам проверил, как это пишется — «Юпитер» и «Таира». Иероглифы не похожи совершенно. Перепутать их просто невозможно! Так почему же не предположить, что в нашем небе и вправду была когда-то планета ярче Юпитера?.. Фазтон! Загляни в Новосибирск, будь человеком! Есть там великий дока по части астрономических древностей — профессор Файзуллин, поговори с ним!

...Как всякий, кто имеет отношение к астрономии, Матвей Белов слышал когда-то об этой истории. О «Пояснениях» Альдамака и об ошибке переписчика. И никаких сомнений в том, что история эта ломаного гроша не стоит, никогда у него не возникало. Не возникло их и теперь. Матвею не хотелось огорчать Серёгина, но времени было в обрез, и ему пришлось сделать это.

Однако журналист не обиделся. Он достал из кармана другую записную книжку, порылся в ней и с чувством прочёл:

— «Заученное с чужих слов, да ещё произнесённых с университетской кафедры, сидит в нас крепче, чем ржавый гвоздь в сухом бревне».

Убежденность Серёгина показалась Матвею забавной. Он спросил:

— Но почему ты всё-таки решил, что на Землю прилетали с Фазтона, если даже Фазтон — это «Таира»?

Серёгин задумался, но ненадолго.

— А откуда же ещё? На Марсе-то людей как будто нет...

«Пассажиров рейса номер четыре Москва — Красноярск, просят пройти на посадку!» — раздался издалека рокочущий голос громкого-ворителя.

Матвей оглянулся. Они с Серёгиным забрались довольно далеко.

Матвей обнял Серёгина, ласково похлопал его по спине и побегал к самолёту.

Глава третья

ПРИСТУПИТЬ К РАСКОПКАМ!

— А ну слезай, не бойся! — закричал Тарасюк, завидев Матвея Белова на верхней ступеньке высоченного трапа.

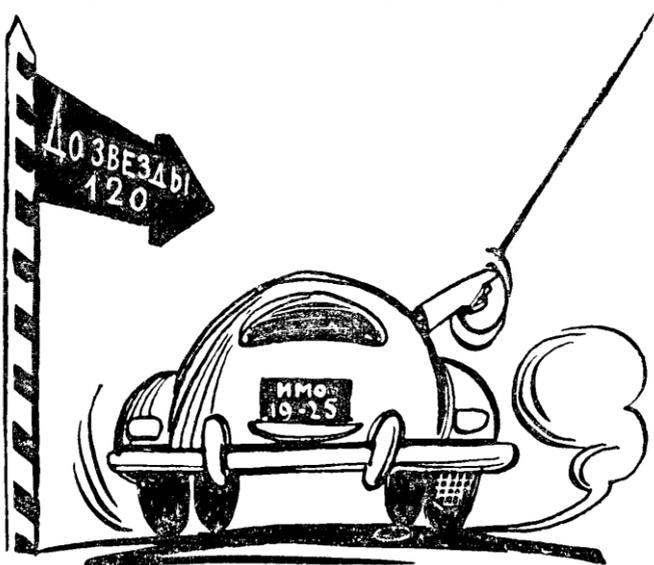
И когда Белов окончательно спустился с неба на землю, сообщил уже не так громко:

— Чёрта с два!

В переводе на научный язык это означало, что двухдневные розыски Григория в учёных красноярских сферах не добавили ни единой крупницы цемента в построенное из рыхлого песка догадок геометрическое основание нынешней экспедиции.

Поскольку Матвей никак не прореагировал на краткий по форме, хоть и достаточно насыщенный содержанием доклад, Тарасюк счёл полезным добавить:

— Если не считать четырёх палеолитических барельефов... Их нашли красноярские школьники на скалах на одном из енисейских островов, километрах в ста двадцати к западу от Темирбаша.

По дороге, в машине, Матвей сперва пересмотрел все до единой фотографии барельефов — смутных, едва заметных выбоин, в которых только с большой натяжкой можно было признать силуэты животных — не то лошадей, не то оленей.

Бурные воды многих тысяч паводков, лютые сибирские морозы и хлесткие ветры сгладили поверхность утёсов, слизали с неё пуды камня, до неузнаваемости изменив очертания барельефов.

— Не Саммили! — высказался наконец Матвей.

— Не Саммили, — согласился Тарасюк.

— Здесь всё или ещё есть?

— Пока всё...

— И сколько им лет?

Тарасюк пожал плечами.

— Ну, примерно?

— Говорят, седьмой — десятый век...

— До?

— Да нет, понимаешь ли... Нашей эры.

— Доказательства?

— Слабые...

Друзья вели свой неторопливый разговор, а между тем новенькие, с иголки, улицы резко оборвались и по обе стороны шоссе замелькали деревья. Смолистый дух леса наполнил машину.

Потом хвойные стены раздвинулись, и впереди открылось небольшое лётное поле: укатанная взлётная полоса, бревенчатый домик аэровокзала, медлительная вертушка локатора.

А за лётным полем — совсем близко, рукой подать — начинали громоздиться горы. Сперва — пониже, с отлогими боками, отчётливо зазубренными зелёной тайгой. Дальше — всё выше и круче.

— Страна! — с гордостью первооткрывателя торжественно сказал Тарасюк, выйдя из машины.

Матвей промолчал.

Почему-то люди больше всего боятся того, что ждёт их впереди, хотя чаще следовало бы опасаться того, что находится сзади.

Когда, к примеру, говорят, что в недалёком будущем ракеты станут обычным пассажирским транспортом, делается как-то не по себе. Вспоминается барон Мюнхгаузен верхом на ядре. Или ведьма на помеле. И забывается, что вчера ещё на реактивных самолётах поднимались к небу лишь самые отчаянные храбрецы, а сегодня реактивная авиация возит бабушек в гости к внукам...

Именно в силу этих причин и предрассудков мушкетёры с удовольствием разглядывали маленький, по-стрекозьему четырёхкрылый самолётик, уютно прикорнувший на зелёном газончике лётного поля. Его даже не хотелось называть самолётом — это был аэроплан. Тарасю-

ку он казался почти одушевлённым существом, и во всяком случае — гораздо более симпатичным, чем любая многоместная машина.

Всю беспочвенность своего влечения к архаике они ощутили в полной мере уже на взлёте. «Чёртов кукурузник», как немедленно окрестил Тарасюк ни в чём не повинную машину, одновременно обругав ни в чём не повинный злак, с самого начала повёл себя подобно необъезженному коню на манеже. То вставал на дыбы, то вдруг подбрасывал круп, то начинал метаться из стороны в сторону. Причём в отличие от манежа здесь нельзя было ни остановить коня, ни соскочить с него.

— Неравномерный нагрев атмосферы! — пояснил Матвей, мужественно сцепив челюсти и опершись пятками в противоположное сиденье, в то время как «кукурузник» с ускорением девять целых восемьдесят одна сотая метра на секунду в квадрате проваливался в очередные тартарары.

— Вертикальные токи! — бормотал Григорий, стараясь не раскрывать рта.

Только над самым Темирбашем болтанка стихла, и оцепенелым взглядам мушкетёров предстал старинный горнозаводский городок — собственно, даже не один городок, а целое семейство больших и малых скоплений домов и домиков, окрашенных в весёлые, светлые цвета — песочный, абрикосовый, светло-зелёный. Между посёлками торчало несколько обшитых досками башенок — шахтных копров, дымили трубы из ярко-красного и белого кирпича. В самой серёдке небольшого плато темнела круглая ямина с крутыми бортами. По её дну ползли грузовики.

Своенравные прыжки «кукурузника» оказались как бы увертюрой ко всему дальнейшему.

— Закон максимального свинства! — в сердцах сказал Тарасюк главному инженеру Темирбашского горно-металлургического комбината, когда тот развернул перед ними полотнище, из которого с успехом можно было выкроить экран кинотеатра средней руки. Всю карту густейшим образом покрывали условные обозначения «погашенных» и действующих шахт, самых разнообразных сооружений, жилых зданий, транспортных, электрических и всяких иных коммуникаций. Только очень дошлый чёрт не сломил бы себе ногу в этом хаосе давно обжитого людьми куска земли.

Темирбашский прииск существовал чуть ли не с петровских времён... А сколько веков до того брали здесь люди лежавшую на самой поверхности медную руду, а ещё раньше твёрдый блестящий кремень, сказать не мог никто.

Матвей удручённо смотрел на полотнище. На круглом плато, зажатом между сопками, двести с лишним лет возникали то там, то тут каменоломни, шахтёнки, заводики, отвалы, груды всяческого мусора, а

потом образовался кратер этого карьера под стать хорошему лунному цирку.

И сколько раз всё это было перерыто и перелопачено! Что тут могло сохраниться?

Восьмикилометровая площадка между сопками... Лучшего места для знака не нашлось бы и «двадцать тысяч лет назад. Но если знак и поставили, то, наверное, не одна сотня лет прошла с тех пор, как пропали его последние следы. Обломки знака давным-давно смешались с камнем, нагромождённым здесь повсюду, или расплавились в печи, попав туда вместе с рудой.

Но... назвался груздем, полезай в кузов.

— Приступить к раскопкам! — скомандовал Тарасюк, когда главный инженер оставил их вдвоём.

...Ох и непростые это были раскопки, хоть и велись они не в привычном для археолога «поле», а в большом светлом кабинете, куда им принесли все карты и планы местности, начиная со времён царя Гороха!

Два дня Григорий и Матвей вытирали локтями и коленями пыль со старых бумаг и холстов. Знака не было. Справедливости ради следует добавить, что не было и планов за целые десятилетия.

От семнадцатого века вообще не сохранилось ни единого документа, о чём, впрочем, Тарасюка предупредили ещё в областном архиве. А ведь именно тогда поставлен был в Темирбаше первый завод и отлит первый колокол...

Когда Григорий с помощью Матвея докатил последний рулон до стенки, не без труда поднял его и прислонил в углу, рабочий день в управлении комбината уже закончился. Было тихо.

Держа в одной руке пиджак, Тарасюк с размаху хлопнул по нему другой рукой и скрылся от Матвея за тучей серой пыли. Матвей оглушительно чихнул и попятился к двери.

Григорий набросил пиджак на широкие плечи, щелчком сбил с лацкана приставшую нитку и невозмутимо последовал за Матвеем.

Глава четвёртая

ОТЕЦ АРСЕНТИЙ НЕСЁТ СВОЙ КРЕСТ

Разумеется, это было чистой авантюрой — на четвёртый день после прибытия в Темирбаш мчаться сломя голову в Шайтанову падь!

Но, с другой стороны, что прикажете делать, если три главные надежды рухнули в первые же три дня?

О крушении первой, главной надежды — на геологические и топографические документы — мы уже рассказали.

Вторая возлагалась на лесничего. Вместо классического, кряжистого, заросшего бородой старца он оказался длинноруким и длинноногим молодым человеком, студентом-заочником Ленинградского лесного института и мастером конного спорта. Тем не менее, тайгу здешнюю парень знал насквозь, вырос тут и должность получил, можно сказать,

по наследству от отца. По словам лесничего, во всём районе никаких загадочных предметов размером более метра заведомо не существовало. За предметы меньших размеров он, будучи человеком честным и точным, ручаться не пожелал.

Третья главная надежда — председатель Темирбашского клуба туристов (тут уж самый настоящий старик — и кряжистый, и с бородой, — шестидесятирёхлетний пенсионер, бывший паровозный машинист) сперва решил, что его разыгрывают. А когда уверился, что разговор идёт всерьёз, извиняющимся тоном проговорил:

— Разве что в гражданскую, когда я в партизаны уходил, побывали здесь ваши марсиане, да тогда же и отчалили, ничего нам на память не оставив.

После крушения всех этих надежд не мудрено было пуститься в авантюры. Тем более что в самом названии местности Матвею и Григорию чудилось нечто космическое.

Может быть, всё-таки Тарасюк уговорил бы Матвея остаться в городе, если б не масло, подлитое в огонь ответственным секретарём городской газеты «Красный горняк».

Этот самый ответственный секретарь, невероятно рыжий юноша, прежде всего, выложил Тарасюку и Матвею всё, что он думал о проблемах посещения нашей планеты гостями из космоса в прошлом, настоящем и будущем. А затем ознакомил их с помещённой полгода назад в «Красном горняке» статьёй-боевиком одного известного в республике литератора. Известный литератор утверждал со свойственной ему категоричностью, что не только имя, но и происхождение пади («огромной, воронкообразной, с пологими краями экзогенной впадины») связано с падением метеорита, который, в свою очередь, мог быть, так сказать, и не совсем обычным метеоритом...

Матвей впился в статью, как клещ, а Тарасюк тем временем постарался объяснить ответственному секретарю ситуацию.

Все обычные источники информации исчерпаны. Требуются принципиально свежие идеи...

— Понял! — отрапортовал ответственный секретарь.

Он молниеносно натянул пёстрый пиджак с ромбиком университетского значка и скрылся за дверью.

Тарасюк подошёл к окну и раскрыл его. Оттуда раздался громозвучный треск отъезжающего мотоцикла.

— Современный интеллигент, — с одобрением сказал Тарасюк. — Вот собака, глушители снял!

Дороги к Шайтановой пади не было, и весь путь — двадцать во семь километров — мушкетёры проделали пешком. После чего, удостоверившись в полном отсутствии таинственных явлений природы или цивилизации в уютной ложбинке между тремя сопками, Тарасюк присел на розоватый валун и зло пнул его изрядно стоптанным каблуком:

— Шах и мат! Если только твой знак — не то, что находится подо мной...

Белов критически сощурился.

— Если бы вот так, вместе с твоей фигурой, можно было бы призадуматься. А без неё... Доставай колбасу! — и поплёлся к бегущему шагам в десяти ручейку за водой.

Тарасюк захватил ртом край принесённого Матвеем котелка и начал запрокидывать его над головой. Слышалось только глуховатое бульканье. Григорий поставил котелок, отёр губы и сказал:

— Ещё.

Матвей снова отправился к ручейку.

От второго котелка ему тоже ничего не досталось, от третьего — самая чуточка.

Матвей аккуратно сполоснул край помятого алюминиевого сосуда, проделавшего с Григорием не одну тысячу километров, и напился. На доннышке ещё осталось немножко воды.

Тарасюк скептически хмыкнул и не глядя допил остаток.

После хлеба с колбасой и воды из ручейка надо было укладываться на захваченные с собой гостиничные одеяла и спать. Ибо, как справедливо уверял Григорий накануне, требуя, чтобы выход в Шайтанову падь был назначен не позже чем на половину четвёртого ночи, сделать пятьдесят шесть километров за одни сутки — задача, непосильная даже для Портоса. Особенно если прибавить к первым двадцати восьми километрам ещё добрый десяток, найденный по пади и не очень приспособленным для пеших прогулок склонам окрестных сопок.

К счастью для мушкетёров, ночью дождя не было. Тарасюк проснулся в половине восьмого, достал карманный томик стихов Гейне и, не вставая, читал до половины девятого. Только после этого он растолкал спавшего без задних ног Матвея.

В гостиницу вернулись, когда на улицах давно горели фонари.

Дежурная, выдавая ключ от комнаты, сообщила, что товарищей учёных искал один молодой — рыжий, и один пожилой товарищ. Сказали, завтра зайдут ещё.

Тарасюк согласно кивнул. Раз зайдут ещё, чего же расспрашивать? Матвей, который от усталости не мог раскрыть рта, поплёлся на второй этаж в номер.

Тарасюк, как всегда, проснулся в половине восьмого. В дверь деликатно стучали. Матвей сидел на кровати, шептал: «Сейчас, сейчас...» — и, не попадая ногами в туфли, пытался надеть задом наперёд штаны.

Со скоростью фокусника Тарасюк натянул на себя ковбойку, прыгнул в брюки, рванулся к двери и распахнул её.

Слегка подталкиваемый в спину рыжеволосым ответственным секретарём, в номер протиснулся необъятной ширины, могучий мужчина на неопределённого возраста (может, пятьдесят, а может, и все семьдесят), с благодушнейшей иссиня-багровой физиономией, такого же цвета носом, толстыми губами и ясными голубыми глазами. Под мышкой мужчина держал небольшой свёрток.

Он снял круглую бархатную тюбетейку, обнажив объёмистый, без единого волоска, коричневый от загара череп, положил свёрток на стул и, протянув Тарасюку широкопалую лапищу, представился:

— Бывший священник храма Святого Дамиана отец Арсентий, а ныне пенсионер Митрофанов Арсентий Фомич...

Колесничий священник храма святого Дамиана...

Потом, тяжело сопя, подошёл к Матвею, пожал ему руку, возвратился на прежнее место, бочком сел на стул возле своего свёртка и вопросительно посмотрел снизу вверх на сопровождающего.

Ответственный секретарь, внимательно и серьёзно наблюдавший с порога за передвижениями подопечного, подсел к столу, вынул из кармана большой клеёнчатый блокнот, развернул его на исписанной до половины странице, положил на неё авторучку и коротко распорядился:

— Поехали!

Бывший отец Арсентий скрипнул стулом, кашлянул в квадратный кулак и, полностью понимая торжественность момента, рокоचущим басом возгласил:

— А было то в зиму одна тысяча девятьсот двадцать...

Отличнейшие сани, прикрытые медвежьей шкурой, занесло на повороте, отчего сам повелитель всяя Темирбашской тайги его благородие штаб-ротмистр Выгузов, продолжая двигаться, согласно законам механики, по инерции, вылетел из саней и, чуть не врезавшись в здоровенный кедр, зарылся по пояс (считая от шапки) в сугроб.

Это происшествие несколько задержало штаб-ротмистра, и в рудник он прибыл позднее, чем рассчитывал.

Здоровенную глыбу совсем белого металла уже почти освободили от скорлупы медного колчедана, и теперь темирбашские мужики, согнанные выгузовскими бандитами на рудник «для отбытия повинности отечеству», не без интереса рассматривали находку.

Едва издали раздался зычный крик «р-р-р-рразойдись», как возле блестящей глыбы сразу стало пусто. Повелитель Темирбашской тайги подъехал к чуду, стащил с руки меховую варежку и, достав из-под шубы лорнет, вперил взор в диковинный самородок. Серебро? Платина?

О самородках подобного вида штаб-ротмистр никогда не слышал. Остроконечная блестящая штукovina, повыше человека ростом, с прямыми, сходящимися наверху гранями...

Выгузов выпростал из-под медвежьей шкуры ногу и турнул возницу в спину. Сани послушно сдвинулись вперёд и подъехали вплотную. Штаб-ротмистр наклонился с лорнетом к странному самородку, чтобы получше разглядеть его... И вдруг ручка лорнета рванулась у него из пальцев, и всё оптическое сооружение, единственное на четырёхста вёрст в округе, пристало к блестящей штукovине.

Несколько секунд повелитель остолбенело соображал, что же случилось. Затем он попробовал получить свою драгоценность обратно. С некоторым усилием это ему удалось.

Оторвав лорнет от гладкой матовой поверхности глыбы, Выгузов понял, в чём дело. В этом проклятом Темирбаше не нашлось ювелиров, и оправу ротмистрового лорнета пришлось отковать из железа, — старая сломалась ещё месяц назад, когда за ним гнались красные партизаны.

Значит, не драгоценность? А просто железо, только почему-то магнитное и не заржавевшее ни капли.

Выгузов поразмышлял и велел стогнать лошадей, сбивать помост, везти находку на завод. Диво-то оно, конечно, диво... Да железо в здешней тайге тоже под ногами не валяется, и наконечники для казацких пик из него получатся получше, чем из меди!

Порох и свинец, захваченные бандой летом, кончались, и надо было вооружаться чем придётся — хоть ножами из обручей от пивных бочек. Потому и решил штаб-ротмистр пустить рудник и завод...

А на следующий день повелитель приказал позвать к себе местного священника, слава об учёности которого дошла и до банды.

... — Извольте ещё, отец Арсентий? — Штаб-ротмистр напил из тёмной бутылки в стопку.

— Благодарствуйте! — Черноволосый молодой батюшка помялся, но стопку пододвинул. — Пожалуй, последнюю. Что же до необыкновенного предмета, обнаруженного в заводе, господин ротмистр, то в божьей воле посылать нам различнейшие дива. Метеоры, например...

— Ладно, отец Арсентий! Откуда ни взялся подарочек, возблагодарим господа... И не словом токмо, но и делом! Завтра же, честное благородное, прикажу кузнецу отковать из этой штуковины крест для вас. Господь да простит нам наши прегрешения!..

Банда Выгузова убралась из Темирбаша, как только просохли дороги, а к осени уже перестала существовать. Но обет свой штаб-ротмистр успел выполнить...

На этом месте рассказ бывшего отца Арсентия был прерван истинным чудом: кандидат исторических наук Григорий Тарасюк и кандидат физико-математических наук Матвей Белов одновременно почувствовали, как непонятная, но тем не менее непреборимая сила приподняла их тела и бросила к стулу, на котором сидел рассказчик. Руки учёных сами собой, совершенно произвольно протянулись к свёртку, схватили его, содрали обёрточную бумагу и извлекли на свет божий тяжёлый блестящий крест из белого металла.

Отже, не коштовність?

...А на следующий день крест был доставлен специальным самолётом в Новосибирск — в Институт металловедения.

Металловеды приступили к исследованию — самому детальному, какое только возможно.

К удивлению Тарасюка. Белов не стал торчать в лаборатории. Сказал, что у него неотложное дело в обсерватории, и умчался.

Профессор Файзуллин, конечно же, знал «Пояснения» Альдамака. И никогда не сомневался в том, что «звезда Таира» — плод досадной ошибки.

— Нет такой звезды — Таира, нет, нет и нет! Это я вам говорю абсолютно точно. Такая звезда не упоминается ни в одной книге.

— Из одной, положим, мы с вами знаем о ней, — возразил Матвей.

— Одна ласточка ещё не делает весны! — любезно улыбнулся профессор.

— Но свидетельствует о том, что весна существует, — очень серьёзно сказал Матвей. — Не было бы вёсен — не было бы и ласточек. Ни единой ласточки!

— Сдаюсь! — снова улыбнулся профессор. — Но какое это имеет отношение к звезде Таира?

— Самое непосредственное. Легче всего считать непонятное недоразумением. Как справедливо заметил один молодой товарищ, заученные с чужих слов истины сидят в нас крепче, чем ржавый гвоздь в сухом бревне... Труднее найти непонятному объяснение.

Файзуллин пожал плечами, снова прочитал текст.

— И всё-таки я продолжаю думать, что это какое-то странное недоразумение. Обыкновенные звёзды не исчезают с небосвода миллиарды лет. Природа не торопится... Право же, не стоит ломать голову.

— Нет, стоит! — упрямо сказал Белов. — Послушайте, профессор, у меня к вам маленькая просьба. Верите вы в звезду Таиру или нет, но попытка — не пытка. Понаблюдайте, пожалуйста, за окрестностями созвездия Рыбы. Вдруг наткнётесь на что-нибудь подозрительное! Очень прошу вас! Обещаете?

Прошёл день, и химики сообщили, что крест изготовлен из стали — чрезвычайно жаропрочной и кислотоупорной стали.

Затем металловеды определили, что металл, из которого сделан крест, был когда-то выплавлен под вакуумом.

Затем радиохимики установили, что изотопный состав металла вполне схож с составами обычных «земных» высококачественных сталей.

Всё это не давало ровно никакого ответа на вопрос о цели, которой могли руководствоваться неизвестные существа, оставив стальной знак на нашей планете в центре треугольника, построенного на карте Матвеем Беловым.

Матвей понимал, что находится на верном пути. Что ход его рассуждений верен. Что он нащупал первую ниточку мыслей тех, кто думал о будущих жителях Земли десятки тысяч лет назад.

Но что дальше? О чём говорит этот кусок стали? На что указывала стальная пирамида, из которой он выкован?

Почему она находилась именно здесь, а не в другом месте? Что означала? Какой смысл хотели вложить в эту странную посылку те, кто

оставил её людям Земли? Есть в этой «посылке» содержание или это снова только вежа в цепочке следов, как Хирбетская пирамида, как пирамида у Перламутового озера?

На что указывает эта вежа? Куда ведут эти следы?

Ещё месяц продолжались поиски у Темирбаша. Но других остатков стальной пирамиды больше не было.

И вообще больше не было ничего, что могло бы вызвать сомнение в своей земной природе.

Когда Матвей написал об этом в Москву Майе, она ответила двумя строчками:

«И сказали люди: «Оставьте нам вашу силу». И сказали гиганты: «Вы употребите её во зло».

Глава пятая

ИНФРАКРАСНАЯ ЗВЕЗДА

Белов вернулся в Москву последним.

Самолёт пришёл ночью, и Матвей поехал из аэропорта прямо домой.

Всё в комнате было по-старому. Только на письменном столе лежало что-то «лишнее».

Матвей подошёл к столу и взял листок бумаги, исписанный резко наклонённым вперёд почерком.

Наверху стояло: «С приездом!» А чуть пониже столбиком:

«Самая высокая высота.

Самая глубокая глубина.

Число «три».

День, равный ночи.

Полночная звезда».

Всё, кроме дня, равного ночи, и полночной звезды, было перечёркнуто красной чертой, а рядом с двумя последними строчками красовались два больших вопросительных знака.

Матвей, улыбаясь, прочёл Майину записку и спрятал её в карман.

На столе лежали ещё три конверта: один — со штампом Академии наук, другой — с вензелями Дома журналистов, третий — с яркими иностранными марками.

Усевшись в кресло, Матвей разрезал первый конверт.

«Кандидату физико-математических наук Белову М. М.

Президиум назначил обсуждение отчёта о Темирбашской экспедиции на пятницу, 18 октября в 14 часов. Обсуждение состоится в конференц-зале.

Председатель Сектора физических методов исследования исторических памятников Г. Тарасюк».

Кандидат наук задумчиво помахал повесткой.

До заседания оставалось три дня. Три дня — и два вопроса из Майиной записки...

Первый-то вопрос, положим, не слишком хитёр. День, равный ночи, бывает на Земле два раза в год: двадцать второго марта и двадцать второго сентября. Весеннее равноденствие и осеннее равноденствие.

Зато полночная звезда — орешек куда крепче. Даже невооружённым глазом можно разглядеть в полночь тысячи звёзд. На какую из них намекает легенда?..

Во втором конверте тоже оказалась повестка. Редакция журнала «Наука XX века» приглашала Белова на встречу с журналистами.

Из третьего конверта выпала цветная фотография — четыре круглоголовых существа в скафандрах. На маленьком клочке бумаги было набросано несколько строк:

«Последняя фреска, найденная Халидом в шестой пещере. Из него, дружище, будет толк! Обрати внимание на шлемы. Твой Ф.»

Матвей взглянул на фотографию ещё раз. Над круглыми шлемами пришельцев древний художник совершенно отчётливо изобразил усики антенн с маленькими шариками на концах.

Если б можно было заглянуть под эти скафандры! Увидеть глаза тех, кто двадцать тысяч лет назад перешагнул через межзвёздные просторы и сошёл на Землю, чтобы оставить её жителям вогнанную в кору загадочную стальную пирамиду...

Какая воля вела к нам Обладателей Разума из неведомого мира? Что окрыляло их? И откуда черпали они баснословные количества энергии, которые позволили их кораблю преодолеть межзвёздную бездну?

Энергия! Вся история человечества — это история открытия всё более мощных источников энергии. Мускульная энергия быков, тянувших плуг. Энергия ветра, ворочающая крылья мельниц. Энергия воды, пара, потока электронов. И, наконец, заключённая в стальные камеры реакторов ядерная энергия, только ещё начинающая подчиняться созидательной воле человека.

За какие-нибудь двести лет люди прошли невероятный путь — от водяной мукомольни до турбин Ангары, от парусного корвета до атомохода.

Какой путь пройдёт человек за следующие двести лет? За пятьсот лет? За тысячу лет?

Мы думаем, что очень много знаем. Ещё бы! По сравнению, скажем, с жителем древней Эллады мы не люди, а боги, — ходим по дну морскому, летаем по небу, слышим и видим за тысячи километров.

Но по сравнению с теми, кто придёт нам на смену, мы знаем ничтожно мало. И можем ничтожно мало. Впрочем, уже сегодня мы знаем, как использовать ту солнечную энергию, которая приходится на долю нашей планеты. И знаем о термоядерной энергии. И уже существует

предложение о строительстве вокруг Земли гигантского зеркала-кольца, которое перехватило бы ещё часть солнечной энергии и передало её людям. Остроумнейшее предложение!

Но кто сказал, что такое кольцо можно построить только вокруг Земли? А почему не окружить всю Солнечную систему? Да к тому же не кольцом, которое сможет задержать только часть солнечной энергии, а сплошной скорлупой? Чтобы ни один луч не пропал даром!..

Сейчас Солнце для нас что-то вроде костра. Огромного, но только костра. А нужно сделать из него печку!

Матвей вынул из стола лист бумаги и быстрым движением нарисовал в центре кружок с лучами — Солнце. На разных расстояниях от него изобразил кружки поменьше, девять кружков: Меркурий, Венеру, Землю, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон. И замкнул это семейство в один большой круг, проходящий по самому краю листа, — непроницаемую для солнечных лучей сферическую оболочку вокруг всего планетного семейства.

Космический дом!

Вот только из чего строить? Из астероидов? Из метеоритов?

Он принялся набрасывать под рисунком колонки цифр, перечёркивал их, покусывая губы, и снова писал. Наконец его карандаш обвёл жирной рамкой какую-то короткую формулу с многоэтажной степенью и, поставив восклицательный знак, остановился.

Придётся пожертвовать Юпитером. Другого выхода нет. По видимому, нет. И то его массы хватит лишь на самую тоненькую оболочку — всего в несколько миллиметров.

Жалко Юпитер! Очень жалко!

Но зато как удивятся разумные существа во Вселенной, обнаружив в один прекрасный день (вернее, в одну прекрасную ночь), что Солнце исчезло! Сириус — на месте. Альфа Центавра — на месте. Тау Кита — на месте. А Солнца нет!

И станет галактическое человечество шупать космос своими хитрыми приборами. И найдёт на месте бывшей маленькой звёздочки странное небесное тело — огромное, чёрное. Ведь ни один луч солнечного света не вырвется наружу сквозь стены космического вигвама... Впрочем, если уж быть точным, — ни один видимый луч. А невидимые инфракрасные лучи от нагретой Солнцем оболочки уйдут в космос. Вероятно, только по этим тепловым лучам и можно будет обнаружить с далёких миров наш космический дом, нашу инфракрасную звезду...

А для нас — для нас солнечный костёр превратится в солнечную печку. Вся энергия светила без остатка будет в наших руках. И тогда самые смелые сегодняшние фантазии окажутся простыми рационализаторскими предложениями. Заселить планеты — пожалуйста! Создать новые — сколько угодно!

Посетить Андромеду...

Матвей потянулся так, что хрустнули суставы.

Через десять минут ему уже снились космические сны. Сверкающая поверхность сверхгигантской оболочки. Майя в скафандре. Заседание Сектора палеоастронавтики на пустынной чужой планете. Горячий спор о вымпеле, который нужно оставить там.

...Его разбудил настойчивый звон.

Матвей открыл глаза, прищурился от яркого дневного света и пробормотал:

— Что же они всё-таки оставили?

В передней снова загремел звонок.

— Сейчас! — крикнул Белов.

Распахнув дверь, он расписался на поданном ему почтальоном бланке, молча взял конверт с фототелеграммой и, когда почтальон ушёл, снова пробормотал:

— Что же они всё-таки оставили?..

Его взгляд упал на торчащий из конверта уголок телеграммы с крупной надписью — *Адрес...*

— Адрес, — машинально повторил Матвей. — Адрес...

И застыл в оцепенении.

Чёрт возьми, как он раньше не подумал об этом! Конечно, они должны были оставить на Земле не что иное, как свой адрес. Не книги, не формулы, не чертежи. Откуда могли они знать, в чьи руки попадёт всё это и как будет использовано — на благо или во вред людям? Гиганты из легенды не хотели оставлять людям свою силу, чтобы они не употребили её во зло...

Адрес, только точный «адрес» звезды, с которой они прилетели!

Матвей бросился к полке, схватил в охапку несколько толстых томов, бросил их на стол и принялся бешено листать страницы.

Стеклоподобные камни пустыни и древнее предание Медного свитка, непонятные сооружения в Хирбете и в сибирской тайге, фантастические рисунки в пещерах и стальной знак в недрах Земли — всё, о чём они говорили, теперь сошлось для Матвея Белова в одной точке небесной сферы.

В точке, расположенной над Темирбашем ровно в полночь двадцать второго марта.

«День, равный ночи» приобрёл такой же реальный смысл, как «самая высокая вышина» — Джомолунгма. Или как «число три» — символ треугольника с центром в трёхстах сорока километрах от Красноярска. Именно над этой точкой в эту ночь должна сиять их «полночная звезда»!

Матвей перевернул ещё несколько страниц звёздного атласа и прикусил губу.

Ни в весеннее, ни в осеннее равноденствие в зените над Темирбашем не было никакой полночной звезды... Самый точный из каталогов подтверждал этот факт со всей убедительностью.

Но это значило, что все догадки были неверны. Неверны...

Матвей невесело усмехнулся: «Если только они не построили себе космический дом...»

Он собрал альбом и книги, поставил их на место. И только тут, заметив на опустевшем столе конверт, вспомнил о телеграмме.

Он взял белый глянецовый листок фотобумаги и прочёл после слова *Адрес*:

**МОСКВА ЛОМОНОСОВСКИЙ ВОСЕМНАДЦАТЬ КВАРТИРА
СОРОК БЕЛОВУ НА МЕСТЕ ТАИРА ОБНАРУЖЕНО НЕВИДИМОЕ
ИНФРАКРАСНОЕ ТЕЛО ГИГАНТСКОЙ ВЕЛИЧИНЫ УТОЧНЯЕМ
РАССТОЯНИЕ ПРОФЕССОР ФАЙЗУЛЛИН**

Глава шестая, и последняя

МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда всё, о чём рассказано в этой повести, было приведено, наконец, в тот порядок, в котором находится сейчас, мы отнесли рукопись одному очень опытному человеку.

Впрочем, вы о нём уже знаете. Это он посоветовал начать с того, с чего всё началось на самом деле.

Очень опытный человек прочёл рукопись, сложил её, аккуратно завязал тесёмочки папки и, не глядя на нас, принялся медленно протирать очки кусочком замши.

— Плохо дело! — произнёс он наконец. — Зачем вы морочите голову читателям?

Авторы переглянулись.

— И в мыслях не было, — сказал один из нас.

— Честное слово! — подтвердил другой.

— Так-так... — прокурорским тоном проговорил очень опытный человек. — Значит, статья, которую ваш Матвей Белов принёс вашему Леониду Серёгину, не излагает гипотезу советского учёного Агреста о посещении Земли обитателями далёких миров?

— Излагает, — сознались мы.

— Или, может быть, вы скажете, — продолжал наш собеседник, — что статьи, которые читает в самолёте ваш Григорий Тарасюк, не похожи как две капли воды на отклики самой настоящей иностранной прессы об этой гипотезе?

— Похожи, — согласились мы. — Похожи как две капли воды...

— А странное сходство между вашими саммилитами и действительно существующими тектитами, о происхождении которых учёные спорят до сих пор? Это что — случайность?

— Не случайность...

— А древние рукописи? А Медный свиток? Может быть, вам неизвестно, что они были найдены на самом деле в Кумране, неподалёку от Мёртвого моря?.. А ваш портрет космонавта? Вы что же, воображаете, будто никто не узнает в нём «бога марсиан», обнаруженного Анри Лотом в пустыне Сахаре?

Мы молчали. Всё это было чистой правдой. Недаром наш собеседник считался очень опытным человеком.

— Мухаммеда Дибя, первооткрывателя кумранских рукописей, вы перекрестили в Халида. Епископа Афанасия — в отца Филиппа. Приписали несуществующему Белову гипотезу Дайсона об искусственных инфракрасных звёздах. И всё это без ссылок на первоисточники, без кавычек, без примечаний!..

Очень опытный человек перевёл дух, кончил протирать очки, надел их и строго спросил:

— Откуда взяли легенду о гигантах?

— Сами выдумали, — устало ответил один из нас.

— А пирамиды?

— Тоже сами, — сообщил другой.

— А стальной знак и звезду Таиру?

Мы молча кивнули.

— Послушайте, — после долгой паузы проговорил наш собеседник, — а что было дальше? Удалось установить связь с жителями этой самой звезды?

Тут мы в первый раз облегчённо вздохнули и даже позволили себе улыбнуться.

— Ладно, бог с вами, — сказал, подумав, очень опытный человек. — Фантазируйте! Только вот в чём беда, — лицо нашего собеседника стало озабоченным, — откуда узнают читатели, где у вас факты, а где вымысел? Что действительно произошло, а что только может произойти? Непременно объясните всё это!

И мы решили последовать совету очень опытного человека, сообщив читателям о нашем разговоре.

Валентин РИЧ.

КАССИОПЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ

(ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЮМОРЕСКИ)

Предисловие переводчика

Как известно, добровольческая экспедиция студентов Читинского университета, побывавшая летом 1961 года в районе падения Тунгусского метеорита, обнаружила под корнями некогда обгоревшей листовницы шесть листов синтетической плёнки, покрытых загадочными знаками.

Расшифровка текста заняла почти два года. Перевод его на русский язык был связан с известными трудностями. Например, в языке оригинала оказались всего две буквы, поэтому все имена пришлось заменить земными (точнее, иноземными), иначе читателю было бы трудно отличить мужское имя, скажем, Щщчщщщчч от женского имени Ччщщчщщщ (или, возможно, Ооааооаа от Ааооааоо). В остальном, как нам кажется, при переводе удалось сохранить неподдельный аромат первоисточника.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

— Не согласен! — тихо, но твёрдо сказал бледный от волнения Брок. — На периферию? Ни за что!

— Помилуйте! — возмутился председатель комиссии. — Какая же это периферия — всего двенадцать на десять в шестнадцатой степени парсеков от границ Метагалактики! Стыдно-с, молодой человек. Так-то решили вы отблагодарить общество за двести лет учёбы в институте!

Брок, тупо уставившись на гравимагнитный башмак председателя, уныло пробубнил:

— Сперва создайте условия...

— Условия? — не без ехидства спросил один из членов комиссии, постучав по столу миниатюрным электронным быстродействующим счётно-решающим, самопрограммирующим устройством на полупроводниках. — Может, вам атмосфера не нравится?

— Не нравится... Там на пятнадцать сотых меньше аргона, — неуверенно пробормотал Брок. — И потом спектр...

— Не подходит? — с язвительной ласковостью спросил тот самый член комиссии с миниатюрным электронным на полупроводниках...

— Не подходит, — вздохнул Брок. — Понимаете, сам бы рад, но линия C_{14} расплывчатая...

Наступило гнетущее молчание, нарушаемое лишь тоненьким позвякиванием протонов о быстрые нейтроны в этом, как его, электронном...

Наконец председатель задумчиво произнёс:

— Ну, что ж, тогда пошлём вас на планету Кси в созвездие Пси. Оттуда пришла заявка из артели, промысляющей ловлей комет.

— Кси? Пси? — встрепенулся Брок. — Артель, в которую распределена...

— У вас старые сведения! — жёстко отрезал председатель. — Ровно двадцать микросекунд назад Мэсси взошла на борт корабля, который стартовал в направлении той самой заметагалактической туманности, куда мы хотели направить и вас, но куда теперь вы никогда не попадёте.

— Попаду! — воскликнул Брок. — Даёшь периферию!

Подвиг профессора Царта

Среди великих подвижников науки особую благодарность потомков заслужил профессор Царт в НИИРАЖе (Научно-исследовательском институте разумной жизни), доказавший экспериментально гипотезы о решающем значении труда в процессе превращения обезьяны в касиопейца.

Профессор Царт и его небольшой, но сплочённый коллектив (старшие научные сотрудники Брок-первый, Брок-второй, Брок-третий, младшие научные сотрудники Кек-первый, Кек-второй, Кек-третий, лаборанты Мэсси-первая, Мэсси-вторая, Мэсси-третья и Хэсси-первая, Хэсси-вторая, Хэсси-третья) изолировали себя на участке лесопарка площадью сто квадратных метров, предварительно обеспечив непрерывную подачу на этот участок света, тепла, воздуха, продовольствия (в готовом для употребления виде) и одежды.

Через год профессор Царт перестал ежедневно менять сорочку, старший научный сотрудник Брок-второй — чистить зубы, остальные старшие и младшие научные сотрудники, а также лаборанты — делать утреннюю гимнастику.

Через два года мужская половина коллектива отпустила бороды, усы и бакенбарды, а женская — сделала себе ожерелья из оторвавшихся пуговиц. Общее число употребляемых в коллективе слов сократилось до двухсот двадцати двух.

Через три года число употребляемых слов сократилось до трёх: все Броки, Кеки, а также профессор именовались «чувак», все Мэсси и Хэсси — «чувиха», все действия живых существ и стихий природы обозначались одним и тем же глаголом «хилять».

Через четыре года профессор Царт с помощью старших научных сотрудников Брока-первого и Брока-третьего съел старшего научного сотрудника Брока-второго, а младшие научные сотрудники Кек-первый и Кек-второй произвели аналогичную операцию над младшим научным сотрудником Кеком-третьим. При этом все Мэсси и все Хэсси со своими детьми забрались на деревья.

Вскоре после того профессор Царт управился с Броком-первым, Броком-третьим, обоими Кеками и оказался единственным вожаком стада, так и оставшегося жить на деревьях.

Когда через пять лет члены учёного совета НИИРАЖа прибыли на территорию лесопарка, чтобы убедиться в результатах эксперимента, проведённого небольшим, но сплочённым коллективом профессора Царта, профессор встретил их угрожающими воплями и, надув волосатую грудь, забарабанил по ней кулаками.

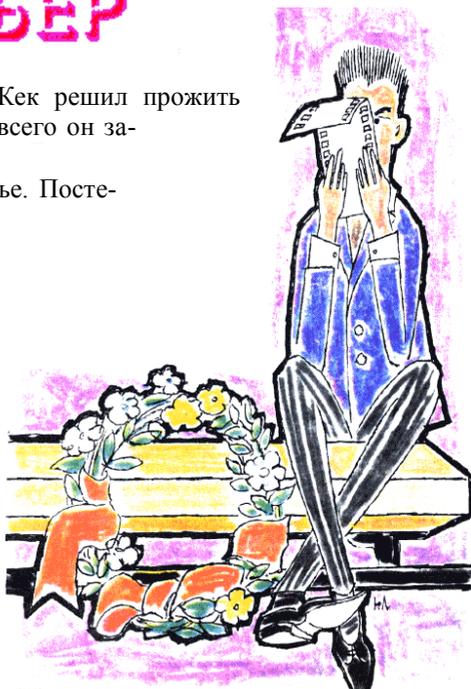
Результаты эксперимента были единогласно признаны положительными.

КЕК И КИБЕР

Будучи смышлёным парнем, Кек решил прожить как можно дольше. Поэтому прежде всего он занялся выяснением вопроса о том, что именно вредно отражается на здоровье. Постепенно Кек выяснил:

Еда портит желудок.
Питьё портит сердце.
Любовь портит нервы.
Ходить вредно для ног.
Лежать вредно для боков.
Сидеть...
И так далее.

Все эти, а также многие другие сведения Кек нанёс на магнитную ленту, засунул ленту в кибер и нажал кноп-ку. Кибер заурчал и принялся бодро прокручивать про-

грамму. Он должен был описать кассиопейца, который сможет избежать всего, что вредно для жизни.

Ровно через восемь минут, в последний раз подмигнув Кеку красной лампочкой, кибер прекратил урчание и выложил на стол маленькую картонную карточку.

— Теперь я буду жить вечно! — воскликнул Кек и бросился к карточке.

Но на ней стояло одно только слово: «Покойник».

ГОРЕ ОТ УМА

ВАЛЕНТИН РИЧ

Рисунки В. ЗУЙКОВА

● СКАЗКА

Не знаем, как в других мирах, но у нас на Кассиопее главной бедой цивилизации всегда были преждевременные открытия. Джек Соколиный глаз, впервые добывший огонь трением, спалил вигвам своего дяди с материнской стороны. Джон Купферникель, впервые обнаруживший цепную реакцию в уране, разрушил весь свой город. Но всё это были невинные цветочки по сравнению с тем, что натворил профессор Смит.

Как это чаще всего бывает, сам по себе профессор Смит отличался редким благородством, добродушием и даже сентиментальностью. Знай он, к чему приведут его педагогические исследования, такие безвредные на первый взгляд, он сжёг бы свои рукописи по крайней мере на двадцать лет раньше. Но увы, вначале он этого не знал, а когда узнал — было поздно...

Всё началось с методики преподавания. В двух словах, проблема сводилась к тому, что рост объёма знаний стал резко обгонять скорость совершенствования методов их усвоения. Оно и понятно: накоплением

знаний кассиопейцы занимались всем скопом, а усваивать приходилось индивидуально.

Если на заре цивилизации кассиопеец становился полноценным охотником за скальпами уже в шестнадцать лет, то, скажем, в миллион тысяча девятьсот двадцатом году кассиопейцу, прежде чем он мог по всем правилам снять скальп, надо было десять лет учиться в колледже, да потом ещё столько же в специализированном скальпоснимательном учебном заведении. Так что практически полжизни он вбирал знания, а уж только потом испускал их с тем или иным технико-экономическим эффектом.

К моменту, когда Смит получил профессорскую кафедру, это соотношение стало ещё менее благоприятным. Сам Смит, например, получил семиступенчатое образование: детский сад с математическим уклоном, колледж общего типа, подготовительный факультет университета, университет, магистратура, докторантура, краткосрочные (шесть лет) курсы профессоров. И хотя средняя продолжительность жизни кассиопейца достигла к тому времени ста девяноста трёх лет, профессору Смигу, начавшему испускать знания в возрасте семидесяти трёх, было над чем задуматься.

С детства питая склонность к математике, профессор Смит купил портативную электронную машину и с её помощью быстро сосчитал, что примерно через полтора века кассиопейцу придётся расходовать всю свою жизнь на впитывание знаний, необходимых для поддержания цивилизации на достигнутом уровне. А на испускание у него не останется ни минуты. Произойдёт своего рода короткое замыкание, результаты которого трудно предусмотреть.

Надо было что-то делать. И притом срочно.

Тогда-то профессор Смит и сделал своё изобретение, напоминающее о себе кассиопейцам и по сей день...

Выглядело это просто и даже, по мнению некоторых, глупо: диета. До сих пор не могут разобраться, из чего эта диета состояла, но, по утверждению большинства участников эксперимента, главным продуктом, который они потребляли, был пчелиный мёд с добавкой небольшого количества муравьиных яиц.

...В положенный срок в семьях участников эксперимента начали рождаться мальчики и девочки. Примерно до года они ничем особенно не проявляли себя, если не считать того любопытного факта, что первыми словами этих младенцев были не «мама» и «папа», а «дважды два четыре» и «сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы». Но затем...

Вот зауряднейший протокол, составленный дежурным полицейским сектора невинного детства в четверг 32 числа десятого месяца 1 202 964 года:

«Задержанный по обвинению в похищении большого синхротрона Академии наук Аллан Роллан Макфарлан четырёх лет шести месяцев,

проживающий по улице Изостинов, 242, заявил, что вышеуказанный синхротрон обменян им на говорящего скворца по имени Ив, каковой скворец третьего дня вылетел в форточку и скрылся в неизвестном направлении. Имя и фамилия, а также место пребывания бывшего владельца вышепоименованного говорящего скворца, а ныне владельца похищенного синхротрона Аллану Роллану Макфарлану неизвестны...»

В другой раз из центрального космопорта исчезли два трансгалактических корабля. Их случайно обнаружили сорок тысяч лет спустя в галактике М-124. В третий раз...

Но всё это — чепуха! Самое худшее произошло в тот день, когда профессор Смит собирался отпраздновать пятую годовщину эксперимента.

На рассвете кассиопейцы услышали оглушающий грохот. Выскочив из своих домиков, они обнаружили, что солнце, едва показавшись из-за горизонта, медленно уходит обратно за горизонт. А те, кто не успел выскочить, уже никогда ничего не смогли обнаружить, — потому что через мгновение все домики на поверхности Кассиопеи срезало, словно бритвой.

Эти сорванцы стали раскручивать планету в обратном направлении! Громадных трудов стоило кассиопейцам навести порядок. До сих пор кассиопейские сутки никак не придут в норму — то длятся на полминуты дольше, то становятся короче положенного на семьдесят девять секунд...

Больше всех огорчён случившимся сам профессор Смит. Он подал в отставку, съёл свои рукописи и сейчас работает сторожем в кооперативном пансионате для потомков участников эксперимента. Встречая кого-нибудь из знакомых кассиопейцев, он каждый раз повторяет одну и ту же фразу:

— И кто бы мог подумать?..

Валентин
Риц
ИЗ КАССИОПЕЙСКИХ
РАССКАЗОВ

У попа была собака

...Истинное дитя своего века, Питер любил быстроту. Первым из кассиопейцев он пробежал стометровку со сверхзвуковой скоростью, показав при этом завидное мужество: на середине дистанции его охватил флаттер, но, собрав всю свою волю, он успешно добрался до финиша. К сожалению, помимо радости этот день доставил Питеру и существенные огорчения. Увидев на гаревой дорожке вибрирующее тело сына, мама Питера потеряла сознание, которое затем так и не смогла найти.

Опечаленный потерей Питер поступил в испытатели космических кораблей. Первые два испытания прошли удачно. Но на третий раз ему попалась явно недоработанная конструкция. Едва Питер вывел корабль за пределы гравитационного поля Кассиопеи, как заметил, что стрелка спидометра перешла дозволенную черту 150 000 километров в секунду. Питер попытался убавить газ, но с ужасом увидел, что проклятая стрелка ползёт всё дальше и дальше и, наконец, обежала циферблат кругом. Озадаченный Питер бросил баранку, подскочил к нацеленному на Кассиопею телескопу, и тут глазам его предстало удивительное зрелище. Можно было подумать, что ему показывают кинофильм, пущенный задом наперёд. Питер увидел, как его корабль попятился к космодрому, прикассиопеился, постепенно развалился на составные части, как сам он принялся час от часу молодеть, пока не превратился в младенца с соской, а затем и вовсе исчез, и в окуляре появилось дорогое лицо его безвременной усопшей мамы, каким он видел его на маминой школьной фотографии...

Только тут Питер сообразил, что его корабль развил сверхсветовую скорость и нагоняет фотоны, покинувшие Кассиопею задолго до него самого.

Как известно, пространство криволинейно. Поэтому, в конце концов, корабль, обогнув изрядный кусок космоса, снова приблизился к Кассиопее и, снизив скорость до нормальной, благополучно опустился на космодром примерно за двадцать девять лет до своего вылета.

И вот однажды Питер встретил девушку. Он не знал, что эта девушка и есть его будущая мама, и сделал ей предложение. Предложение было принято. Самое трагическое заключалось в том, что на всей Кассиопее не нашлось человека, который мог бы их предупредить. Вскоре у них родился сын, которого они назвали Питером.

Истинное дитя своего века, Питер любил быстроту. Первым из кассиопейцев он пробежал стометровку...

А что потом?

— Из чего делают все-все вещи? — спросил маленький худенький мальчик Бобби своего большого толстого папу Джеффриса.

— Из синтетики, — сказал папа.

— А из чего делают синтетику?

— Из природных веществ.

— А природные вещества?

— Их не делают, а берут.

— Откуда?

— Из Кассиопеи.

— Так-так, — сказал маленький худенький мальчик Бобби. — Значит, все вещи делают из нашей Кассиопеи. А что будет потом, когда от Кассиопеи ничего не останется?

— Будем делать вещи из Ны.

— А потом?

— Из Курия.

— А потом?

— Из Неры.

— А потом?

— Из Арса, Тера, Турна, Рана, Туна, Тона...

— А если всё равно не хватит материала?

— Гм... Есть ещё астероиды, метеориты, кометы, серебристые облака и прочая космическая мелочь.

Заметив в голосе своего большого толстого папы Джеффриса некоторую неуверенность, маленький худенький мальчик Бобби удвоил свой напор.

— Но ты же сам говоришь, что это мелочь! — воскликнул он.

— Пожалуй, астероидов, метеоритов, комет и серебристых облаков надолго не хватит, — вытирая со лба крупные капли пота, согласился папа. — Ну, что ж, иного выхода нет — придётся взяться за наше светило!

— А потом?

— За... За... Ну, скажем, за Альдебаран.

— А потом?

— За другие звёзды...

— А потом?

— За Галактику!

— Потом?

— За Метагалактику!

— Потом?

Большой толстый папа Джеффрис бросил затравленный взгляд на своего преследователя, перевёл дух и тихо проговорил:

— А потом придётся собрать все-все вещи в одну кучу и попытаться слепить из неё что-то вроде нашей теперешней Кассиопеи...

— Но почему не сделать этого раньше? — спросил маленький ху-
денский мальчик Бобби.

Образумились

Всю дорогу от Кассиопеи до Дельты-с-пятнами Джон и Джек спорили — образумилось или не образумилось оставленное два миллиона лет назад на одной из тамошних планет стадо обезьян.

Вскоре после того, как корабль приземлился на лесной опушке, Джека схватила здоровенная гориллоподобная тварь.

— Я прав! — радостно воскликнул Джек, утаскиваемый в чашу. — Они не образумились!

Джон поспешил на выручку, но не успел сделать и десяти шагов, как его тоже схватили и притащили на поляну. Там уже находился Джек, прикрученный к ёлке. Чудовища разжигали костёр.

— Ну, старик, — не без гордости произнёс Джон, — кто был прав?

— Ты! — покраснев от стыда, сознался Джек.

Первый визит

Едва первый корабль из неведомого мира коснулся кассиопейской земли, как в нижней части металлической сигары открылся круглый люк и оттуда появилось небольшое кибернетическое устройство на шагающем ходу.

Затаив дыхание, смотрела на автомат толпа кассиопейцев. Крутились катушки киноаппаратов и магнитофонов. Операторы застыли у вычислительных машин.

Автомат наклонился, видимо, для того, чтобы взять анализ почвы. Потом с шумом втянул в себя пробу воздуха. Потом издал три коротких звуковых сигнала.

Магнитную запись сигналов немедленно заложили в аналитическую дешифровальную машину.

Но тут произошло нечто такое, чего не мог предположить ни один из кассиопейцев, которые вот уже три года как построили первую ракету и теперь ежеминутно ожидали визита из Космоса. Пока машина занималась анализом сигналов, автомат направился к стоявшей неподалёку высокой пальме, затем вернулся к сигаре и прыгнул в люк. Люк закрылся, корабль взревел — и ушёл в небо.

— И не стыдно? — проворчал командир корабля, когда они вышли на прежний курс. — Теперь альдебараны получают «Вечёрку» с опозданием на десять минут. Надо сказать ребятам, чтобы предусмотрели в следующей конструкции какой-нибудь столб.

Тимка умильно поглядел на хозяина, облизнулся и вильнул хвостом.

Сказка

Как оно было

ВАЛЕНТИН РИЧ

Происхождение духа из природы не должно быть понимаемо так, будто природа есть нечто абсолютно непосредственное, первое, изначально полагающее, тогда как дух, напротив, есть нечто положенное; скорее, наоборот, природа полагается духом, а дух есть абсолютно первое.

Г.Гегель. «Философия духа»

Швейк только было собрался отправиться на поиск какого-нибудь пинчера, как у двери позвонила молодая дама.

Я.Гашиек. «Похождения бравого солдата Швейка»

1. Первая попытка

Не знаем, как в других мирах, но на Кассиопее разумную жизнь удалось создать лишь с третьей попытки, так что все разговоры о всемогуществе Создателя — пустая болтовня. Тем более что и третья попытка не дала ожидаемых результатов или, точнее, дала результаты совершенно неожиданные.

А первую попытку Создатель предпринял, как известно, ещё на первом курсе. Сессия надвигалась, листы и знаки ещё не были спихнуты, на лабораторку оставались считанные дни. Естественно, что в этих сложных условиях Создателю волей-неволей пришлось ухватиться за первую пришедшую ему на ум идею.

Впрочем, идея была не так уж и плоха — абсолютная приспособляемость. Больше всего в этой идее прельщало Создателя то обстоятельство, что для её материализации требовалось минимальное количество времени и вещества. Он рассуждал так. Каждое существо в первом приближении можно считать неизменным, иначе оно не могло бы существовать в качестве данного существа, — и графически его можно изобразить отрезком прямой. Но условия существования постоянно изменяются, и их можно изобразить в виде окружности. Чем больше радиус этой окружности, тем лучше впишутся эти отрезки в эти дуги. Но так как величина окружности задана — что есть, то есть, — остаётся сделать как можно мельче отрезки прямой. Анализ показал, что и время существования каждого существа должно быть также минимальным.

Когда принцип известен, работа уже не составляет большого труда. Всё же на неё ушло почти два с половиной часа. Создатель получил трояк, а Кассиопея — микробов.

Они действительно отличаются почти абсолютной приспособляемостью могут жить в жидком гелии, атомных реакторах, на дне океана и в стратосфере. Никакие изменения климата за три миллиарда лет не смогли загнать их в тупик.

Но отсутствие тупика само по себе оказалось тупиком — для дальнейшего совершенствования. Приспособляемость оказалась основанием необходимым, но, к сожалению, недостаточным.

Впоследствии это было неоднократно подтверждено нежизнеспособностью цивилизаций, в основу которых закладывался подхалимаж.

2. Вторая попытка

К тому времени, когда Создатель предпринял вторую попытку, за ним прочно утвердилась репутация студента усердного, но туповатого. Начатое дело он, как правило, доводил до конца, но принципы, которыми он руководствовался, обычно подводили его. Создатель мыслил логически, но односторонне, не охватывая всего комплекса факторов.

Приступая к новой курсовой работе, он тщательно проанализировал ошибки первой попытки и прежде всего постарался определить оптимальный размер и время существования конструкции, которую впоследствии, можно было бы довести до ума. Найденные величины лежали в пределах $(1,2-2,5) \cdot 10^2$ см/лет.

Но теперь отрезки вписывались в окружность гораздо хуже, и надо было каким-либо иным способом облегчить ещё не созданным претендентам на разум дорогу к интеллекту. Создатель предположил, что чем меньше энергии придётся тратить им на преодоление электромагнитных и гравитационных полей, тем больше её останется на развитие мозга. Получалось, что они должны быть электронеутральными и жить в воде.

С этими мыслями Создатель пришёл на консультацию. Консультант, на беду, готовился в это время к очередному конкурсу на замещение занимаемой им должности и отнёсся к рассуждениям Создателя без должного внимания, ничего непотребного в них не обнаружил и дал своё «добро».

И Создатель с присущим ему усердием приступил к очередному акту творения. И вскоре все реки, ручейки, океаны наполнились самыми разнообразными созданиями. На этот раз, в упоении творчества, Создатель не был столь точен, как обычно, и не всегда соблюдал установленные в Технических Условиях размеры и сроки. Впрочем, на дальнейший ход событий существенного влияния это не оказало.

Жизнь вновь созданных существ, действительно, не требовала чрезмерных энергетических затрат и оставляла многим из них порядочно времени и сил для размышлений. Некоторые существа нарастили себе здоровенные мозги и немало чего напридумывали. Киту — здесь Создатель особенно погрешил в размерах — надоело всё время жевать, и он придумал себе китовый ус, которым, как сеть, процеживал океанскую воду. осьминогу надоело передвигаться одним только реактивным способом, и он придумал себе восемь штук конечностей. Скот умудрился придумать даже электричество, Рыба-пила пилу, Рыба-меч — меч, Летящая рыбка — крылья, а Дельфин — двойное сальто.

Однако на этой стадии всё и застряло. Ни колеса, ни телевизора, ни атомной бомбы водяные жители придумать так и не смогли. Им и без них было хорошо.

За эту курсовую Создатель отхватил четвёрку, воспользовавшись маленькой хитростью: вместо «Создание разумной жизни» он надписал на папке «Заселение океана». Подлога никто не заметил.

3. Третья попытка

До сих пор на Кассиопее, да и в других мирах, имеют место различные суеверия относительно гениальных идей. Одно из самых распространённых заключается в том, что предполагают, будто некто может однажды в жизни выдать идею — и она окажется гениальной. На самом же деле вероятность возникновения гениальной идеи прямо пропорциональна интеллектуальной дееспособности, то есть величине, представляющей собой число идей в единицу времени. Строгое математическое доказательство статистического характера феномена гениальности было, как известно, разработано только в двести двадцатых годах триста тридцать третьего тысячелетия. Но интуитивно этот самый характер ощущался уже на заре кассиопейской цивилизации, что доказывалось существованием древнекассиопейской поговорки: «Ум хорошо, а два — лучше».

Относительно интеллектуальной дееспособности Создателя имеются разные версии, но в том, что она была исключительно велика, сомнений нет. Об этом свидетельствуют как редкостное многообразие придуманных им конструкций, так и сохранившиеся черновики пояснительной записки к дипломному проекту; последние содержат 5–10¹⁴ идей, выданных трудолюбивым пятикурсником во время преддипломной практики. Неудивительно, что среди этой кучи идей одна оказалась истинной жемчужиной. Как всегда, гениальность идеи заключалась в её простоте. Не надо было чего-то там искать, к чему-то там стремиться, что-то там изобретать. Зеркало, копирка, неделя времени — и все дела.

Создатель сознавал, конечно, что предложенная им конструкция будет далека от совершенства, но шансов на аспирантуру у него не было, он даже не стремился получить диплом с отличием. В конце концов, думал Создатель, не всем же делать Новое, должен же кто-то успокаиваться на достигнутом. И он, быстренько заселив сушу всяческой живностью, принялся не спеша создавать разумное существо — по своему образу и подобию.

Через шесть дней оно было готово. Склонный всё же к некоторой переоценке своей личности, Создатель снабдил его таким могучим торсом, таким объёмистым черепом, такими большими ушами и таким длинным носом, каких не имел ни один обитатель суши. Он наделил его также превосходной памятью, неутомимым трудолюбием, редкостной добротой и многими иными добродетелями.

На следующий день после защиты дипломного проекта Создатель распрощался с лучшим своим творением. В последний раз оно взглянуло на Создателя маленькими умными глазками, согнало ухом комара и, радостно протрубив хоботом, бодро потрусило в джунгли.

Слеза умиления выкатилась из глаз Создателя.
Но он не так бы ещё плакал, если бы знал, что произойдёт дальше.

4. Не ведаем, что творим

Среди всяческой живности, изготовленной Создателем накануне того дня, когда он приступил к созданию разумного существа, был один весьма неказистый зверёк. Создатель слепил его к вечеру, уставший. Фантазия Создателя к этому времени совершенно иссякла, и он начал повторяться. Зверёк вышел не то кошкой, не то собакой, вместо четырёх ног Создатель, по рассеянности, прилепил ему четыре руки, а язык приклеил кое-как, так что тот болтался у зверька во рту, как хотел.

Создатель повертел нелепое существо и так и эдак, хмыкнул от удивления и в сердцах швырнул его куда попало.

Попало на пальму. Там не то кошка, не то собака и поселилась.

Пальма оказалась что надо — громадная, развесистая, вся усыпанная финиками, которые зверёк рвал быстрее всех других животных: ведь у него было четыре хватательных приспособления, а с хвостом и ртом — целых шесть. И он хватал направо и налево, опережая даже фаворита с его, прямо скажем, скорее внушительным, нежели целесообразным хоботом. Так рассеянность Создателя сослужила зверьку службу.

Но ещё большую службу сослужил ему плохо прикрепленный язык. Недаром впоследствии, пытаясь воссоздать историю своего племени, один из потомков четырёхрукого написал: «В начале было слово...»

Остальное — общеизвестно.

Проблема «Бррр» (Из кассиопейских текстов)

...Профессор Скотт сменил уже восемь зубных протезов, когда его лаборатории поручили раскусить один из самых крепких орешков — проблему бррр.

Прежде всего профессор Скотт попытался использовать для решения этой исключительно сложной проблемы аппарат математической логики. Но логика дала осечку. Тогда профессор командировал своих сотрудников на Канопус и двинулся старым, как метагалактика, путём — а именно: путём применения теории вероятности к анализу статистических материалов.

Старый путь — верный путь. Через год Скотту удалось вывести уравнение, которое описывало первый закон бррр:

$$X + бррр = Y - бррр.$$

Формулировка, данная профессором Скоттом этому закону, известно теперь как закон сохранения бррр, гласила:

Сколько бррр прибавится в одном месте, столько бррр убавится в другом.

Лиха беда начало. Спустя два месяца после опубликования первого закона Скотт представил в академию изящный мемуар, из которого следовало, что бррр имеет квантовую структуру — или, выражаясь словами профессора:

«Полтора бррр так же бессмысленны, как полторы Кассиопеи».

Следующие четыре года работа шла вхолостую, и трудно сказать, привела бы она к каким-нибудь результатам, если бы не всемогущий случай.

Младший научный сотрудник Том Баскет находился на Канопусе уже шесть лет, и командировке не видно было конца, когда он, к малому своему огорчению, обнаружил, что непременным условием проявления бррр является прямая видимость.

Так называемый парадокс Баскета долго и дотошно проверяли. Младшего научного сотрудника пытались даже обвинить в субъективном идеализме. «Как это бррр, — говорили некоторые философы, — как это бррр, будучи объективной реальностью, может зависеть от места расположения субъекта?»

Но профессора Скотта нельзя было сбить навешиванием ярлыков. Он старался понять, что скрывается за парадоксом Баскета. А поняв, обнародовал третий закон:

С увеличением расстояния в арифметической прогрессии интенсивность бррр убывает в геометрической прогрессии.

Теперь до открытия четвёртого закона оставался всего один шаг. Скотт сделал его. Шаг этот следует считать величайшим шагом в познании сущности механизмов образования и уничтожения бррр. Оказалось, что ларчик открывается просто:

Процесс возникновения бррр сопровождается увеличением энергии системы и потому является обратимым.

Дальнейшему изучению этой интереснейшей проблемы профессором Скоттом помешало личное его ознакомление с парадоксом Баскета. Подорванное напряжённым трудом здоровье профессора и его почтенный возраст не позволили ему перенести вышеуказанного ознакомления.

До сих пор в проблеме бррр многое остаётся неразгаданным...

Примечание переводчика

К сожалению, слово «бррр» пока не расшифровано. Половина кассиопеологов убеждена, что Скотт изучал атом, половина — что молекулу. Однако прекрасная половина той и другой половины недавно выдвинула новую гипотезу, согласно которой словом «бррр» кассиопейцы обозначают любовь. Вроде бы — подходит.

Последний мутант

Не приведи судьба пережить детей своих!

Старик пережил не только своих детей. Он пережил всё своё племя. Он забыл уже, как выглядел каждый из них, и только изредка, пролетая над водой и рассматривая своё отражение, вспоминал, как выглядели некогда все они. Вспоминал их могучие тела, их крепкие руки, их прекрасные головы.

Когда это было? Сколько лун с той поры умерло и народилось вновь? Этого Старик давно уже не помнил. Как не помнил и того, сколько времени он живёт.

Ему казалось, что он жил всегда.

Во всяком случае, всё изменялось вокруг — приходила и уходила Большая Вода, вспучивались до неба и в песок рассыпались горы, благодатное тепло сменялось мёртвой стужей, — а он, только он один, оставался неизменным.

Ну, конечно, он тоже понемногу изменялся — слабели мускулы, мутнели глаза, сдавал слух.

Если смолоду он спал месяцами, то теперь уходил во мрак на многие годы и, проснувшись, часто не узнавал мира.

Зачем он жил — одинокий, дряхлеющий с каждой луной?

Не лучше ли было бы подползти к обрыву и броситься вниз, подобно лавине? Или погрузиться в пучину вод? Или просто не проснуться. Однажды заснуть и не пытаться разомкнуть каменные веки?

О как это было бы просто!

Но Старик не мог поступить так.

Не имел права.

Настоящего дня не наступило ещё — только налилось синью небо, и синь эта затопила звёзды, оставив лишь самые яркие.

Старик знал небо лучше, чем землю, много лучше. Он знал, почему одни звёзды рождаются всегда на одном и том же месте, а другие беспокойно мечутся среди них. И что за искры вспыхивают по ночам, вспыхивают и гаснут, свершив свой быстрый путь между звёздами. И что за камни валяются оттуда на землю. И отчего вспыхивают — правда, к счастью, очень редко — далёкие, но коварные светила, сжигающие одних, рождающие других...

Утренняя планета ярко пылала на востоке, почти розовом уже от близкого солнца. Пора!

Старик дожеввал лепёшку и пополз к выходу из пещеры.

Далеко внизу проступали из тумана тёмные вершины деревьев, а у самого горизонта светилась Большая Вода.

Он оттолкнулся от края скалы, расправил крылья и медленными кругами стал приближаться к выступавшим из тумана вершинам деревьев.

С каждым кругом они проступали всё отчётливей. Каждый лист блеснул по-своему, каждая ветка радовала безупречной логичностью формы.

Но сегодня ему было не до ветвей, не до листьев, не до раздумий о красоте. Сегодня ему предстояло возобновить попытки контакта.

Он разыскал реку и, держась над ней, чтобы не терять ориентира, полетел к Большой Воде — туда, где появились эти странные существа, вовсе не похожие на него, но с такими же, как у него, руками.

Если не получится с ними — значит, напрасно жили все те, кого он пережил, значит, и сам он жил напрасно...

Как всегда, внезапно выпрыгнуло из-за пылающего горизонта солнце. И сразу же тысячи солнц загорелись на морщинах волн, на острых перьях осоки, на мокрых стеблях тростника, на мясистых цветах лотоса, на прозрачных крыльях стрекоз.

Мир был прекрасен, как всегда. Он был разумен, хоть и не имел разума. Никто в прекрасном и разумном мире не имел разума.

И это казалось Старику чудовищным. И потому все долгие годы, с того часа, как он остался один, надежда не покидала его. Время шло — на суше появлялись всё новые и новые существа. И на воде. И в воздухе. И такой же величины, как он сам. И больше. И меньше. Некоторые из них умели заботиться не только о собственном потомстве, но и о своих сородичах, умели строить жилища, умели разговаривать между собой, вместе охотиться, вместе ловить рыбу, да мало ли что они умели... Но ни у кого из них нельзя было обнаружить и проблеска разума. И только теперь, когда судьба отмеряла Старику последние порции жизни, счастье вроде бы улыбнулось ему.

Солнечный столб плясал под ним в струях подёрнутой рябью воды, и он летел прямо к солнцу, полузакрыв тяжёлые веки, изредка взмахивая крыльями.

Завидев вздыбленный частокол из ошкуренных брёвен и островерхие кровли жилищ, Старик залетел за облако, чтобы появиться за частоколом внезапно. Правда, раны в крыле почти зажили, но он не забыл ещё жгучую боль от железных колючек, которые с трудом удавалось извлечь из сухожилий, поэтому следовало достигнуть жилищ незаметно.

Облако плыло быстро, и вскоре в промоине показалась красная кровля обширного жилища, находившегося в центре поселения.

Старик рванул в промоину.

Картина, представшая его глазам, когда он внезапно появился над площадью, ничем не походила на прошлую. Тогда кругом стоял грохот — теперь полное безмолвие. Тогда внизу бегали и суетились — теперь все лежали ничком, словно мёртвые.

Старик сложил крылья, опустился на площадь и принялся рассматривать лежащих. Они были без сознания — очевидно, от страха. Он

уже собрался было ухватить покрепче плотного мужчину с рыжей бородой, как дверь в жилище с красной кровлей распахнулась и на площадь с воплем выбежала молоденькая девушка.

Она бесстрашно подскочила к Старику, упала перед ним на колени и, протянув руки к мужчине с бородой, прижала их к своей груди, продолжая всё время кричать. Из глаз её бежали слёзы.

Похоже было на то, что она умоляет не брать этого мужчину, а взять её.

Такого самопожертвования Старик никогда ещё не встречал: ведь мужчина с рыжей бородой был явно намного старше девушки, он не мог быть её ребёнком.

— Хорошо! — сказал Старик. — Я согласен на замену.

Бережно, чтобы не причинить девушке боли, он взял её на руки, тяжело взмахнул крыльями и пустился в обратный путь.

...На море, на окияне, на острове Буяне стоит бык печёный, возле него лук толчёный. Шли три молодца, зашли да позавтракали, а дальше идут похваляются, сами собой забавляются: «Бывали мы, братцы, у Кощева места, наедались пуще, чем деревенская баба тета!» Это присказка, а сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве появился змей.

Брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке. Пришёл черёд идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил к себе в берлогу...

— Здесь я живу, — говорил Старик. — Да ты не бойся меня. Разумные существа не должны бояться друг друга.

Пленница, скорчившись у каменной стены так, будто хотела уйти в эту стену, с ужасом глядела на него. Губы у неё беспрестанно шевелились, но произносила она при этом что-нибудь или не произносила, он не знал — слух почти совсем уже отказывал ему.

— Разумные существа не должны бояться друг друга, — повторил Старик как можно ласковее. — Природа вылепила нас в разных формах, но этому следовало бы только радоваться...

Девушка перестала шевелить губами, но глаза её по-прежнему наполнял ужас.

— Разнообразие — залог прогресса, — продолжал Старик. — Кто знает, как изменятся условия жизни? Чем более разнообразны её формы, тем более разнообразные условия пригодны для неё. Ведь недаром у тебя множество соплеменников, а я остался один.

Он достал лепёшку, головку чеснока и протянул девушке. Девушка оставалась неподвижной.

— Бери! — крикнул Старик.

Девушка опасливо протянула тонкую белую руку, ухватила лепёшку, ухватила чеснок, но есть не стала, а положила на подол.

— Надо питаться! — строго сказал Старик. — Лепёшка — это белки, жиры, углеводы. А чеснок — это витамины. И фитонциды. Понятно?

Губы у девушки дрогнули, и она что-то быстро-быстро проговорила. Старик не расслышал, придвинулся к девушке поближе, поднял с её подола лепёшку.

— Лепёшка, — сказал он. — Еда. — Отломил кусочек, засунул в рот и стал жевать.

Потом протянул остаток лепёшки своей пленнице. Губы у неё снова дрогнули.

— Ешь-ешь! — ласково сказал Старик.

Девушка отломил кусочек лепёшки, положила его в рот и судорожно глотнула.

— Умница, — сказал Старик. — Вот ты уже и меньше боишься меня. Нет ничего хуже страха. Разумные существа не должны страшиться друг друга. Страхиться надо землетрясения, наступления льдов. А ещё больше — излучения. И ещё — однообразия. Если все будут одинаковые, то гибель неизбежна. Мои предки все были одинаковыми. Излучение погубило их всех. Быстро. За две луны. И возникли мы. Бессмертные. Но бессмертные — это значит неизменные. А ничто неизменное не может выжить в этом непрерывно изменяющемся мире. Бессмертие — это и есть смерть. Смешно, не правда ли?

Старик рассмеялся. Он старался смеяться совсем тихо, но глаза у пленницы снова округлились от ужаса.

— Дура! — в сердцах сказал Старик. — Я же смеюсь, чего ж ты опять испугалась? Ладно, привыкнешь.

Он отполз в глубь пещеры, вытянулся там и закрыл глаза.

Его разбудило ощущение беды.

Он огляделся — пленницы не было.

Со всей доступной для него теперь быстротой Старик преодолел расстояние до выхода из пещеры и высунулся наружу.

Рядом с отверстием на отвесной стене горы он вырубил когда-то узкий длинный выступ. Там он грелся на солнце, когда чувствовал себя особенно плохо.

Вечерний полумрак сгустился между небом и землёй, и слабое зрение мешало Старику различить, пуст ли выступ, нет ли. Ему показалось всё же, что он заметил там девушку, прижавшуюся к стене.

— Расшибёшься! — испуганно крикнул он. — Смотри, какая тут пропасть.

Ответа не последовало.

Но глаза Старика, уже привыкшие к полумраку, отчётливо различали маленькую фигурку в самом конце выступа.

— Не дури! — крикнул Старик. — Мне-то хорошо, у меня крылья, а тебе ничего не стоит оступиться!

Он выбрался на выступ и, придерживаясь руками за каменную стену, пополз к девушке. Но едва он начал приближаться к ней, как девушка вскочила на ноги, закрыла глаза руками и бросилась вниз — в пропасть.

Старик ринулся за ней.

Давно уже не приходилось ему так работать крыльями. Он даже и сам от себя не ожидал такой прыти. И всё же несчастье едва не произошло, лишь в последнем рывке у самой земли удалось ему подхватить лёгкое тело девушки.

Ещё бы мгновение — и она разбилась бы о скалы.

...К девушке давно уже возвратилось сознание, а Старик всё ещё никак не мог отдышаться.

Воздух с хрипом вырывался из лёгких. Судорожно вздымались мокрые от пота бока.

Он лежал поперёк пещеры, загораживая выход из неё. Пленница рыдала, бросившись ничком на пол в дальнем углу.

Контакта не получалось!

Всю ночь Старик бодрствовал у выхода, а едва начало светать, подхватил отяжелевшую от сна пленницу, выбрался из пещеры и, с трудом расправив одеревеневшие за ночь крылья, пустился в путь.

Он летел к этим странным существам — и разумным, и лишённым разума в одно и то же время. Он нёс им их бесстрашную и безумную в одно и то же время дочь. Может быть, она расскажет им о том, как он накормил её? Как бережно с ней обращался? Как спас её от верной гибели? И они увидят в нём не чудовище, а подобное им существо?..

Как всегда, внезапно выпрыгнуло из-за горизонта солнце, и сразу же тысячи солнц вспыхнули на земле, на воде, в воздухе.

Мир был прекрасен...

Старик летел сегодня особенно тяжело — вчера, во время броска за девушкой, он растянул жилу на правом крыле, и оно слушалось хуже, чем обычно.

Когда светящаяся гладь Большой Воды приблизилась, Старик стал искать глазами подходящее облако, чтобы, укрывшись за ним, незаметно подлететь к поселению.

Раны от железных колючек всё ещё саднили...

Облаков было много. Раздув паруса, плыли они над отражавшей их рекой. Они плыли как раз туда, где белели очищенные от коры столбы частокола, где вздымались кровли жилищ, где гнулись от утреннего ветра сизые дымы очагов.

Облаков было много. Но Старик не выбрал себе ни одного.

Сегодня он полетит не таясь. Неужели она не поможет ему?

С трудом взмахивая кожистыми крыльями, устремив вперёд лысые, лобастые головы на дряблых, морщинистых шеях, он вглядывался слезящимися глазами в медленно наплывающее на него скопище острых кровель...

...Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — уж змей летит.

Поднял Добрыня свой меч-кладенец, взмахнул им и сииб змею поганому все его головы.

Собрал их.

Сжѣг.

А пепел по ветру развеял...

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Валентин РИЧ **ВАСЯ**

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Необычное я почувствовал тотчас же, как только перестало гудеть реле в закрывшемся за мной лифте. Я как раз успел подойти к дверям и, обхлопав себя со всех сторон, обнаружить ключ в заднем кармане брюк, когда настала тишина. Тут-то я и почувствовал: что-то случилось.

Дело в том, что обычно, едва замолкало реле, за дверью начинал лаять Тэр. А тут полная тишь. Может, не услышал моих шагов?

Я с нарочитым шумом вытер ботинки о резиновый коврик. Никакого результата.

Со скрипом засунул в замочную щель с трудом проходящий туда ключ. Молчание.

Войдя в прихожую, я удивился ещё больше: Тэр стоял на пороге комнаты, подрагивая хвостом, приподняв правую лапу и слегка вытянув шею вперёд и вверх. В комнате кто-то был!

Уж не вернулась ли досрочно из солнечных Гагр дорогая моя родительница?

Впрочем, перед ней я был чист. Уезжая в санаторий, она сказала: «Надеюсь, на этот раз квартира будет цела!». И теперь могла убедиться, что её надежды мне удалось в основном оправдать: ни одно окно не было разбито, ни один стул не был сломан, а в коридоре среди мусора оставался проход, хотя и не очень широкий, но позволявший благополучно добираться до кухни...

— Мамочка! — крикнул я. Никто не ответил.

Бросив на табуретку портфель, я подошёл к Тэру, потрепал его по спине и заглянул в комнату.

И увидел... примерно моего размера голого парня, ну совершенно голого, как купальщик на безлюдном пляже. Он сидел на подоконнике, свесив загорелые ноги и выпучив глаза, как будто только что вынырнул из воды. Я так его сразу и спросил:

— Откуда ты, старик, вынырнул?

Голый парень выпучил глаза ещё больше и ответил довольно странно. Он произнёс одно только слово:

— Усёк?

— Что усёк? — не понял я.

Парень спустил ноги на пол, приложил к коричневой мускулистой груди правую руку и, заглядывая мне в глаза, как Тэр — когда у меня в портфеле сосиски, медленно и раздельно произнёс:

— Угадал? Догадал? Учужал? Унюхал? Вообразил? Сообразил?

— Не понимаю, — сказал я.

Парень ухмыльнулся и погрозил мне указательным пальцем.

— Вынырнул! Сэй ми беттер — промахнул! Ведь у моего на лбу чёрное пятно и хвост подлинней!

— Всё равно не понимаю, — сказал я. Парень посмотрел на меня с некоторым огорчением.

— Ахтунг! У тебя есть хунд. Понятно?

Тэр действительно был рядом, но от этого дело не становилось яснее. Всё же на всякий случай я кивнул.

— И у меня есть хунд. Понятно?

Я ещё раз кивнул.

— И в прошлое явление я его без спросу взял с собой. Понятно?

Хотя насчёт прошлого явления я что-то недопонял, общий смысл и этой фразы был в первом приближении ясен. И я опять кивнул.

— Уэлл! — обрадовался моей понятливости парень. — Вайтер! Я его взял, а он потерялся.

— Так, так, так...

— И это нарушило баланс.

— ???!!!

— И меня послали на поиски. И я принял твоего хунда за своего хунда. И... промахнул. Понятно?

Насчёт собаки теперь мне было более или менее понятно, а вот насчёт самого парня — по-прежнему не очень. И я спросил:

— Но как ты попал в квартиру? И почему в таком виде?

Он поглядел на свои руки, потом на свои ноги, потом оглядел себя с разных сторон и даже попытался через плечо заглянуть себе на лопатки. Пока он этим занимался, я рассмотрел, что штаны на нём всё-таки есть — не брюки, конечно, а что-то вроде трусиков, такого же загорелого цвета, как и его тело.

— В таком виде? — переспросил он. — В каком таком?

— Да нет, ничего, — ответил я. — Просто в чужой дом обычно приходят в туфлях... Или хотя бы в носках...

— Чужой дом? Чужой... Подожди, дай размыслию сам! Чужой... Туфли... Носки... Будь я трижды дезинтегрирован!..

Он то вставал на цыпочки, то приседал, то прижимал руку к сердцу, то потирал макушку, то заглядывал в окно, то рассматривал стоящие на письменном столе и на шкафу предметы.

Мы с Тэром молча ждали, чем всё это кончится. На жулика парень похож не был. На психа — тоже. Лицо у него было добродушное и без малейшей хитрости.

Наконец, он снова уселся на подоконник.

— Ну что ж, Тэр, — сказал я, — пока суть да дело, не привести ли нам человека в христианский вид?

Я полез в шкаф, достал свой тренировочный костюм и протянул парню.

Он неохотно оторвался от своих мыслей и с рассеянной улыбкой проговорил:

— Зачем?

— Надень! — настойчиво сказал я.

Парень пожал плечами, но с подоконника слез и принялся стягивать с себя трусы.

Тут уже я спросил:

— Зачем?..

— Жарко! — сказал он и, бросив трусы на подоконник, стал натягивать мои спортивные брюки.

— Тэр, тапки! — скомандовал я. И, взяв тапочки из тэровой пасти, подал их парню.

— А теперь давай всё же знакомиться. Студент третьего курса энергетического института Астапов Анатолий, Голик...

Я протянул ему руку.

Он церемонно поклонился, прижав сложенные кисти к груди — как это делают индийцы. А на протянутую руку никакого внимания.

И тут мне кое-что пришло в голову. Я по-следовательно посмотрел ему прямо в глаза и твёрдо сказал:

— Думаешь, мне и впрямь неизвестно, кто ты такой? Ты — пришелец!

— Какой там пришелец, — не отводя честного взгляда, возразил парень, — не пришелец я вовсе, а Вася! Пока Вася, — уточнил он чуть погодя.

— Что значит пока? — он опять сбил меня с толку. — Ты что, собираешься менять своё имя?

— А как же иначе, — удивился он. — Ведь оно не моё!

— А чьё же?

— Молочное.

— Хватит представляться! — рассердился я. — И вообще, Вася, так не делают. С тобой по-людски, а ты...

На круглом добром лице парня отразилось явное замешательство.

— Уот из меттер? Я тебя обидел? Икскьюз ми, плиз! Без надобности! Меня ин фэкт пока зовут Вася. И это ин фэкт моё молочное имя...

— Молочный бывает коктейль! — веско отпарировал я. — Ну ещё зубы бывают молочные!

— Вот-вот, зубы, индид! — обрадовался Вася. — Имена тоже. Сперва молочные. Общие. А личные потом. Их заработать надо! Размыслил? А теперь вот. Это важно. Я очень спешу. Цейтнот. Исполнишь маленькую просьбу? Кляйнерхен!

— Выкладывай! — сказал я. — Чем можем, поможем!

— Ин эрстен цайт временник! — объявил Вася. — Погодник, ну, как это ещё календер?

— Календарь?

— Да, да, календарь!

Я сбегал на кухню, где у нас висел отрывной календарь, и вручил его гостю.

Парень повертел календарь в руках и задал совсем уж идиотский вопрос:

— Тысяча девятьсот шестьдесят шесть? Уот из ит?

Но поскольку и этот свой вопрос он задал вполне серьёзным тоном, я тоже ответил ему вполне серьёзно:

— Это значит, что сейчас тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Шестое октября, между прочим.

— А точка отсчёта где? — спросил парень.

— Точка отсчёта? Ах, точка отсчёта! Нуль координат?

Парень радостно расплылся.

— Ну, год рождения этого самого... Впрочем, на самом-то деле никто как будто тогда не родился, хотя, конечно, никогда так не было, чтобы никто не рождался, кто-нибудь несомненно должен был родиться и в тот год...

— Так у нас ничего не получится, — прервал меня гость. — Лет ас беттер ускоритель. Маяк! Бен Муса? Чандрагупта? Петушков?

— Ближе всего Эйнштейн, — сказал я. — А вообще-то Королёв!

Васино лицо стало ещё круглей.

— Спутник? Гагарин? Лунник?..

Я только успевал кивать головой. Вася замолчал, втянул в рот верхнюю губу и наморщил лоб. И через некоторое время сказал:

— Ты энергетик, ты должен знать инверсор...

— Инверсор? Первый раз слышу, — честно признался я. — И вообще у меня по приборам незачёт.

Вася снова замолчал, снова пожевал верхнюю губу и снова наморщил лоб. Но на этот раз молчание было совсем недолгим. Вася отчаянно взмахнул руками и сказал:

— Показывай всё, что имеешь! Омнеа!

Мы пошли по квартире — я, за мной Вася, за Васей Тэр — и время от времени гость тыкал в какую-нибудь вещь пальцем и спрашивал: «Можно?» Я говорил великодушно: «О чём речь?» И он брал эту вещь и относил к своему подоконнику.

Минут через десять там, на полу, рядышком стояли: электрический утюг, телевизор, пачка соли, четыре ведра (два оцинкованных и два пластмассовых), пылесос и фотоувеличитель.

Вася, потирая руки, внимательно рассматривал эту кучу.

— Всё? — спросил я.

— Паяльник бы ещё! — сказал Вася. Я пошёл в кладовку.

У парня даже руки задрожали, когда он увидел паяльник.

— Теперь всё?

— Не совсем, — замылся Вася. — Предписан четырёхкратный запас прочности, вот в чём беда! Нужны ещё вот такие механизмы.

Он ткнул тапочкой в пылесос.

— Сколько?

Вася устремил глаза в потолок.

— Пять. Или лучше десять...

По-видимому, ему ещё долго предстояло гулять с молочным именем.

Когда я выгружался из лифта с последней партией пылесосов, добытых в соседнем подъезде, до меня донёсся странный гул и надсадный лай Тэра. Едва я отпёр дверь, как он бросился ко мне — с таким волнением бросился, что чуть меня не свалил.

Я заглянул в комнату, Васи нет. В кухню. Нет. В ванную, в туалет, в кладовку. Нет нигде.

Тогда я снова заглянул в комнату. Вася потрудился на славу! Все принесённые ранее пылесосы были соединены шлангами в одну гудящую змею, к голове которой через нагревательный элемент от электроутюга были подсоединены ведра, а к хвосту припаяны фотоувеличитель и посыпанный солью кинескоп.

На подоконнике, рядом с моим тренировочным костюмом, лежали его трусы.

Первое, что пришло мне на ум, — это телекинез. Кто-то усилием мысли перенёс Васю ко мне в комнату. А потом — обратно, с помощью кой-какой электронно-пылесосной аппаратуры.

Крепким орешком оказались для меня оставленные Васей трусы. Почему они остались? Не хватило телекинетической силы? Пылесосов? Или какой-нибудь детали?

Несмотря на незавершённость концепции, она представлялась мне наиболее правдоподобной. И всё же полностью исключить возможность такого, пусть отвергнутого самим Васей, варианта, как его прибытие из иных миров, я не имел права.

В конце концов я пришёл к двум выводам.

Первый. Что бы там ни было, а к следующей подобной встрече нужно подготовиться.

Второй. Надо предупредить соседей по дому — а то вдруг в следующий раз Вася попадёт не ко мне, а куда-либо по соседству. (Будущее показало, что тут я как в воду глядел...)

Придя к таким выводам, я начал составлять вопросник, или, если угодно, анкету — на случай новой встречи. А составив, размножил её под копирку. И возвращая пылесосы владельцам, вкратце уведомлял их о случившемся и вручал им вопросник. И просил о всех необычных событиях немедленно ставить меня в известность.

Следующие четыре дня прошли без каких-либо происшествий. Васины трусы лежали себе на прежнем месте, а соседи при встречах глядели на меня с участием.

Продолжение последовало на пятый день.

Я как раз возвращался из института и в лифте столкнулся с кинооператором Игорем Голицыным из сто тридцать шестой квартиры, одним из тех, у кого я одалживал пылесосы.

— На ловца и зверь бежит! — обрадовался Игорь. — Не буду подниматься. Извини, что не сообщил сразу...

— Он?! — испугался я.

— Ни боже мой! — заверил меня Игорь. — Но вот уже три дня подряд у нас дома происходит странная история. Ровно в семь часов, секунда в секунду... В общем, жду!

С этими словами Голицын покинул кабинку лифта.

До семи оставалось минут двадцать. Я едва успел вывести Тэра на прогулку. О том, чтобы отвести его домой, не могло быть и разговора.

Без одной минуты семь мы прибыли к Голицыну.

— Сейчас начнётся, — предупредил Игорь, подводя меня к креслу возле телефона.

И в то же мгновение телефон зазвонил — нет, не зазвонил, а тихо-тихо звякнул.

Я взял трубку. Там явно что-то происходило, какое-то странное ритмичное движение. Оно шло волнами.

— Слышишь? — прошептал Игорь.

Я кивнул.

Волны набегали всё быстрее и быстрее. И вдруг Тэр, до той поры смирно лежавший возле моего кресла, бросился через всю комнату к «Рубину» и сделал стойку.

Я передал трубку Игорю и включил телевизор.

И тотчас комнату наполнили те же самые волны. Они отражались от стен и от потолка, заставляя звучать все находившиеся в комнате предметы; я слышал скрип, и шелест, и дребезжанье, и легчайшее потрескивание — как будто кто-то гладил кошку.

А потом появилось изображение: экран замерцал лучащимися мелкими звёздами. Они вспыхивали то в одном, то в другом месте, образуя причудливые узоры, которые тут же распадались.

Пляска звёзд на экране и биенье волн в комнате шли синхронно и притом несомненно по нарастающей. Казалось, ещё немного — и вырастет какой-нибудь девятый вал.

Но никакого девятого вала не выросло — наоборот, внезапно звёзды остановились.

— Человек! — крикнул Игорь и вскинул киноаппарат.

И верно — остановившиеся звёзды довольно отчётливо обрисовали контур человеческого лица. Только как бы обратный контур: два белых продолговатых пятна — глаза, над ними — белые щётки бровей, а внизу — рот, даже зубы были видны — чёрные зубы, обрамлённые голубоватыми искрами.

Чёрные губы на экране задвигались, и раздался знакомый мне голос:

— Толик, это я — Вася! Что ты сделал с моими трусами?

— Ничего, — сказал я. — Они лежат на подоконнике.

Из экрана раздался громкий вздох облегчения.

— Принеси их сюда! Рэпид! Бегом!

Ну что ты будешь делать с этим растяпой? Через минуту или две я уже стоял около своей двери, обхлопывая себя со всех сторон и с ужасом думая, что же я буду делать, если не найду ключа.

Но ключ довольно быстро нашёлся в футляре от очков, и на редкость легко я всадил его в замочную щель, и ворвался в квартиру, и схватил трусы, и вылетел обратно на лестницу.

— Наконец-то! — раздался из голицынского «Рубина» рыдающий Васин всхлип.

И тут же я почувствовал, что кто-то тянет у меня из рук Васиного добро. Но Тэр стоял от меня шагах в трёх, а Игорь ещё дальше.

Трусы дёрнулись сильнее. Тогда я разжал руку — и они поплыли к телевизору. Спокойно так поплыли. И коснувшись экрана, исчезли.

И тотчас исчезли звёзды. И волны, только что наполнявшие комнату, исчезли тоже.

И я спросил у Игоря, деловито вытаскивавшего из аппарата кассету:

— Что тут без меня происходило?

— А ничего особенного, — пожал плечами Игорь. — Так, поговорили немного.

— О чём?

— Личный листок заполняли.

Он протянул мне анкету. Ту самую, что я вручил ему четыре дня назад. Только тогда там были одни вопросы. А теперь появились и ответы... Вот они.

1. *Имя (номер, личный знак) ВАСЯ*
2. *Национальность (биологический вид, кинематико-энергетическая схема) ГОМО САПИЕНС*
3. *Пол (функция в воспроизводстве себе подобных) МУЖСКОЙ*
4. *Масса (сила взаимодействия с каким-либо полем) 820 НЬЮТОНОВ*

5. Откуда явились (страна, звёздная система, галактика, другое пространство — ненужное зачеркнуть) ИЗ БУДУЩЕГО

6. Цель явления (причина прибытия) ЗАБРАТЬ ТРУСЫ

7. Как с вами связываться в дальнейшем НИКАК

Я прочёл анкету десять раз подряд. И впал в полное отчаяние.

Да и кто бы не отчаялся? Дважды встретить ЧЕЛОВЕКА ИЗ БУДУЩЕГО и так ни про что у него толком не разузнать!

Ни про красное смещение — отчего оно есть, сменится ли фиолетовым и если сменится, то когда?

Ни про кварки — отыскиали их в конце концов или не отыскиали?

Ни отчего вымерли мамонты?

Ни — на каких других планетах есть люди?

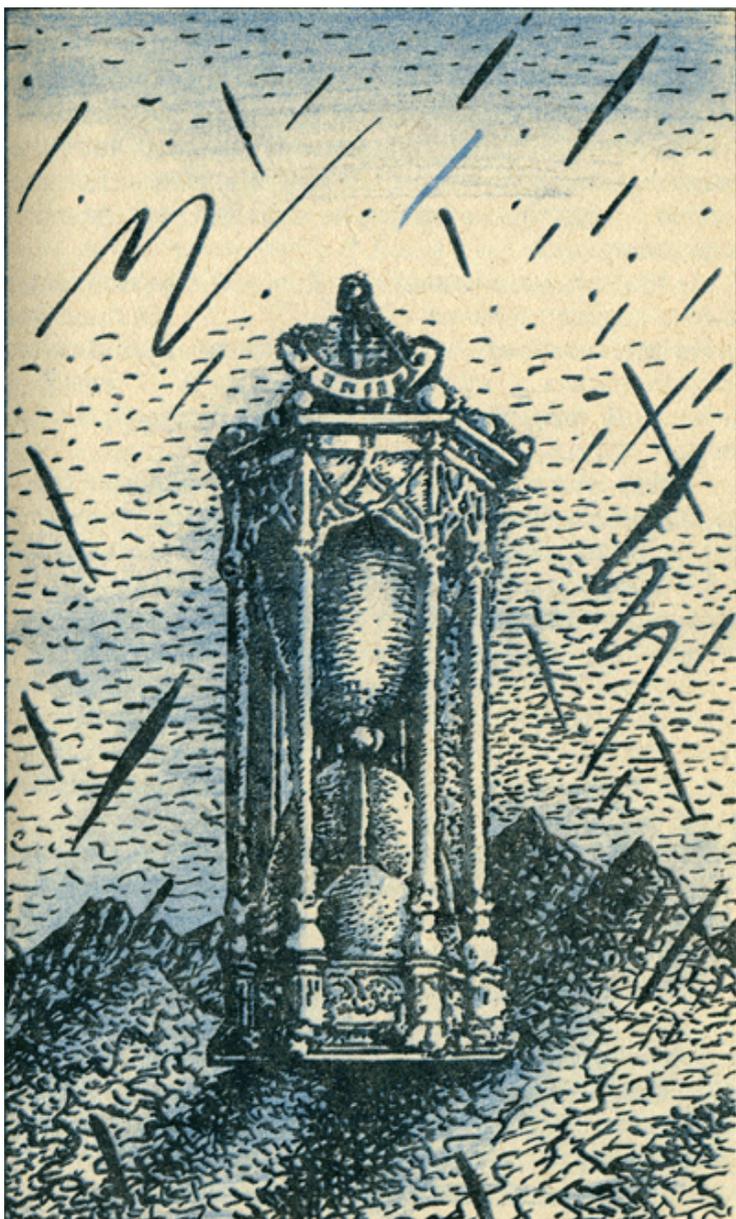
Да мало ли чего ещё!..

Одно лишь было мне утешение — что знал я теперь совершенно точно: не сменят человека никакие роботы, а во веки веков пребудут на Земле самые обыкновенные люди. Совсем такие же, как мы...

С тех пор прошло шесть лет. Я окончил институт. Защитил кандидатскую. Стал отцом семейства.

Но анкету совершенствовать не перестаю. Сейчас в ней уже две тысячи пятьсот сорок семь пунктов.

Эх, Вася!..

ВАЛЕНТИН
РИЧ

ПОЛМИЛЛИОНА
ЧАСОВ

1

...Они переглянулись — на этот раз за дверью послышалось какое-то неясное движение: то ли скрипнула половица, то ли кто-то спустил предохранитель.

И снова всё затихло.

Но было ясно — там, за дверью, стоит человек.

Девушка кивнула юноше. Тот шагнул вперёд, приблизился к двери вплотную и тихо, но отчётливо проговорил:

— Хромой здесь живёт?

За дверью молчали.

Юноша вопросительно взглянул на девушку. Та снова молча кивнула.

— Здесь Хромой живёт? — в голосе юноши зазвучала тревога.

И опять никто не ответил.

Так и полагалось. Приблизив мерцающий циферблат часов к самым глазам, девушка подождала, пока секундная стрелка obeжит весь круг, и легонько толкнула юношу в бок.

— Живёт здесь Хромой? — в третий раз спросил юноша.

За дверью послышался тот же невнятный шум. Потом щёлкнул замок, с резким скрипом распахнулась дверь, и в томном проёме возникла коренастая фигура.

— Что за дурацкая привычка — врваться в чужой дом до рассвета! — скрипучим, как дверь его дома, голосом проворчал человек.

Девушка облегчённо вздохнула, а юноша тотчас же выпалил:

— Привычка — вторая натура!

Человек смерил их взглядом с ног до головы — сперва тщедушную девичью фигурку, потом её долговязого спутника, хмыкнул не слишком одобрительно и всё так же ворчливо спросил:

— Кто вы такие?

— Я... я — старшая дочь своего отца, — ответила девушка.

— А я — младший брат своего старшего брата, — ответил юноша.

Не задавая больше вопросов, человек вышел на крыльцо и с минуту разглядывал сумеречное небо, зазубренное по горизонту острыми чёрными зубцами гор, похожими на хребет допотопного ящера.

Потом он положил лапищу на объёмистый рюкзак, лежавший у ног девушки, и без видимого усилия закинул его себе за спину.

— Я сама! — запротестовала девушка, схватившись обеими руками за своё имущество.

— Успеешь сама, — строго сказал человек. — Это от тебя никуда не уйдёт.

И, заметно припадая на правую ногу, стал спускаться с крыльца.

...Полмиллиона часов. Полмиллиона часов. Полмиллиона, полмиллиона, полмиллиона часов...

2

Наверху, в светлеющей с каждой минутой пропасти неба, одна за другой тонули последние звёзды. Слева в редком тумане слабо отсвечивала река. Справа — на расстоянии вытянутой руки — нависала базальтовая стена ущелья.

Редким соснам удавалось удержаться на незаметных глазу выступах этой почти отвесной голой каменной стены.

Девушка провожала взглядом каждую сосну.

— Упорный народ! — сказал юноша, перехватив её взгляд. И добавил: — Если могут деревья, сможем и мы!

И положил руку на плечо девушки.

Она мягко сняла его руку со своего плеча.

— Я же по-хорошему, — сказал юноша. — Поспи, ведь целые сутки не спала.

Девушка закрыла глаза, откинулась на спинку сиденья.

— Давно знакомы? — спросил Хромой.

— С пятницы, — ответил юноша. — А что у нас теперь — вторник?

— Четверг.

— Вы, наверное, удивляетесь... — начал было юноша, но Хромой перебил его:

— Я ничему не удивляюсь... Держитесь!

Он так резко развернул машину и так резко затормозил, что девушку отбросило к юноше, а того прижало к дверце, точно при самолётном вираже.

Машина остановилась.

Девушка выскочила первой.

Впереди в двух шагах от радиатора узкое каменное полотно дороги было пересыпано валом из щебня, среди которого возвышались округлые серые глыбы, и корнями наружу торчала изломанная сосна.

Девушка посмотрела вверх — стена в этом месте наклонялась над ущельем, огромные глыбы чудом удерживались на ней, готовые свалиться не то что от малейшего толчка, но, казалось, от малейшего звука.

— Назад! — яростно прошипел Хромой. — В машину!

Девушка заняла своё место, и машина медленно попятилась к повороту. Она ползла беззвучно — метр за метром.

За поворотом остановилась.

— Лом и лопата в багажнике, — не оборачиваясь, сказал Хромой. — Дамы и водители остаются в машине.

Девушка снова первой выскочила из кабины, достала из багажника короткий стальной ломик и узкую лопату с отполированным от долгого употребления буковым черенком. Ломик протянула юноше, а сама с лопатой на плече, не оглядываясь, зашагала к повороту.

— Может, останешься? — без особой надежды в голосе спросил юноша.

Не удостоив его ответом, девушка продолжала быстро шагать.

Хромой неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал.

— Хорош гусь! — с возмущением произнёс юноша, поравнявшись с девушкой. — «Дамы и водители...» Ладно, сами управимся.

Щебёнку одолели довольно быстро. Сосну — тоже. Ствол у неё был расщеплён пополам, ветки переломаны. Но с валунами пришлось попрытеть.

Сбросив с дороги последний валун, глухо хлопнувший о дно реки, они опасливо посмотрели вверх. Там слышалось подозрительное шуршанье. Шуршанье стало громче — несколько мелких камешков упало на дорогу.

То и дело оглядываясь, они двинулись к машине.

— Порядок? — обрадованно крикнул Хромой.

Юноша, ничего не ответив, положил на место инструменты и молча полез в машину. Девушка, усевшись рядом с ним, сухо произнесла:

— Путь свободен!

Хромой обернулся и насмешливо сверкнул маленькими глазками.

Машина миновала опасное место и медленно покатилась вдоль глубокого русла реки, катившей навстречу гремучие камни, вдоль чёрной стены, покрытой острыми трещинами.

— У каждого своё дело, — не спеша, как бы размышляя, говорил Хромой. — Если не будет меня, кто будет возить? Какой ещё псих? Дорогу не ремонтировали двадцать шесть лет. Кто захочет по ней ехать?

— Но мы же захотели! — не выдержал юноша.

— Может, вы тоже ненормальные.

— А что такое норма? Днём производить продукцию, вечером торчать у стойки, ночью валяться с кем попало?

— Или смотреть заказанные сны? — добавила девушка. — И потом, эти каблуки...

— Предпочитаю быть ненормальным! — подытожил юноша. — И не один я.

— Верно, — подтвердил Хромой. — Не один ты. В позапрошлом году было восемь. В прошлом — семнадцать. Сейчас — июль, а до вас я отвёз уже одиннадцать. Этим самым путём...

— А обратным? — будничным тоном, словно речь шла о пикнике, спросила девушка.

— Обратным — пять.

— А кто были те, невернувшиеся?

Хромой пожал плечами.

— Люди как люди. Сперва шли одиночки. Теперь — по двое, по трое. Пять дней назад переправил целую экспедицию. В два рейса. Полтонны груза.

— Вот это да! — воскликнул юноша. — А кто они такие?

— Семья, — уважительно произнёс Хромой. — Вы знаете, что такое семья? Не забыли ещё? Старик — как две капли тот рыцарь из древней книжки. Два сына. Четыре внука. Завтра — последний срок. Больше ждать не буду.

— Но зачем старик? — удивился юноша. — Что тут делать старикам? Тут нужны железные мускулы.

— Ты знаешь, что здесь нужно? — удивился в свою очередь Хромой. — А вот я не знаю. Кто только не пытался! Солдаты пытались. Альпинисты. Учёная братия. А толку? Вон, глядите...

Он остановил машину возле вделанной в стену ущелья плиты из белого металла. На плите чернела надпись: «Здесь ждёт Фернандо Карильо, девятнадцати лет. Мы ещё вернёмся — А.М., В.К., Д.Ш.»

— Вернулись? — спросила девушка.

Ничего не ответив, Хромой включил сцепление. Машина проехала метров десять и остановилась у точно такой же плиты, и девушка прочла шёпотом:

— «Здесь ждут участники двух попыток Арсенио Мачада, двадцати лет, Вильгельм Корби, двадцати лет, Давид Шерман...»

У неё перехватило дыхание.

— Длинный! Здесь твой Дэви!..

Хромой рванул с места, чёрная стена слилась в однотонное полотно, разрезаемое надвое сплошной лентой белого металла.

...Полмиллиона часов. Полмиллиона часов. Полмиллиона, полмиллиона, полмиллиона часов...

3

Они благополучно преодолели ещё три осыпи, четыре раза прогремели по дрожащим, исковерканным паводками мостам и к восходу солнца добрались до места назначения.

Ущелье превращалось здесь в широкую долину, и отсюда во всей своей громадности открывалась панорама хребта. Утренний туман заве-

сил вершины, длинными молочными языками опускался кое-где до самой подошвы гор.

Хромой подвёл машину к торчащей из земли жёлтой керамической плите, из которой изливалась пузырящаяся газом прозрачная жидкость. Неподальёку возвышались искривлённые останки какой-то металлической конструкции — ажурная коробка с косо поставленными лопастями. Одна лопасть отлетела и врезалась в землю рядом с коробкой.

— Это и есть источник? — спросил юноша.

Хромой кивнул.

— Можете наполнить фляги.

— Успеется, — сказал юноша. — Да вы не бойтесь за нас. У неё врождённый иммунитет, а у меня — полгода тренировки. А это что? Орнитоптер Ланды? — Он повернулся к груде искорёженного металла.

Хромой покачал головой:

— Орнитоптер давно превратился в труху. Это вертоплан Масео. Того самого Масео... Последняя попытка пробиться с воздуха. Я тогда был ещё мальчишкой. И запретной зоны тогда ещё не было...

— Ладно! — перебил его юноша. — История историей, а еда едой. Топливо беру на себя.

— Вдвоём ступайте! — сказал Хромой.

— Один управлюсь.

— А я говорю — ступайте вдвоём!

— Знаете что, — ласково сказал юноша, — излишнее волнение укорачивает жизнь. Я же вам объяснял — полгода тренировки...

И он побежал к зарослям кустарника, начинавшимся в сотне шагов от источника.

Хромой, ворча себе под нос, скрылся в машине и несколько минут спустя снова появился с металлическими прутьями в одной руке и бумажным свёртком в другой.

Свёрток он бросил девушке, а сам принялся размечать площадку для костра, вбивать в утопанную землю штыри с развилками на концах.

Девушка развернула свёрток — среди ровных кружков лука, долек чеснока и стручков перца там уютно расположились три нежно-розовых куска козлятины.

Отыскав плоский камень и тщательно вымыв его в холодной как лёд воде источника, девушка вытащила из висевших у неё на поясе ножен кинжал, положила кусок козлятины на камень и принялась нарезать ровными тонкими ломтями.

Хромой подсел к ней и стал нанизывать полупрозрачные ломтики на заострённые с обоих концов прутья.

С момента ухода юноши прошло уже минут десять, и девушка начала беспокойно поглядывать в ту сторону, куда он удалился.

Хромой продолжал неторопливо нанизывать козлятину, изредка поднимая на девушку маленькие насмешливые глаза.

Прошло ещё минут десять. Девушка вскочила на ноги и, приложив ладони рупором ко рту, крикнула:

— Эге-ге!

Многоголосо отозвалось с разных сторон.

— Полгода тренировки! — назидательно заметил Хромой.

— Длинный! — крикнула девушка, повернувшись в другую сторону.

«Ииии... Ыыыы...» — ответили каменные кручи.

Хромой нанизал на прут последний ломтик козлятины, тяжело поднялся, подковылял к трубе и принялся неторопливо мыть руки.

Вытерев их о штаны, он бросил взгляд на редяющий, ползущий вниз к подножью гор туман.

— Обычная история. Прямая видимость. Уснул. Пошли искать!

Хромой ошибся: юноша не спал. Он сидел на земле возле маленькой сосёнки, прижимая к себе охапку сухих веток.

— Оглох? — сердито крикнула девушка, подбегая к нему.

Он повернул к ней голову, посмотрел куда-то сквозь неё и глухо проговорил:

— Никто не смог, и мы не сможем...

Глаза у него были как у статуи.

Девушка обхватила руками его голову, прижала к своей груди.

— Ну что ты, Длинный, ну что ты, Длинный? — шептала она. — Ну что ты?

Наконец он очнулся.

— Ради бога прости...

Он осторожно высвободился из её объятий.

— Ради бога прости... Откуда ты такая? Почему? Почему без каблуков? Такие бывают только в старых книгах... Ну разве это не уродство — каблуки в дециметр? Зачем?

Стоявший поодаль Хромой не выдержал:

— Нашёл о чём спрашивать! Зачем каблуки! Да просто чтобы вот тут выпирало вперёд, а вот тут выпирало назад! Теперь понял?

Юноша с трудом поднялся на ноги, исподлобья взглянул на Хромого и, хмурясь, сказал:

— Теперь понял: одному здесь нельзя. Спасибо за науку...

— А тебе — за дрова, — усмехнулся Хромой.

Костёр догорал. От багровых, прозрачных до самой сердцевины углей шёл устойчивый жар. Чуть дымились, потрескивая, кусочки румяного мяса. Горячий воздух над костром колебался, и казалось, что окутанные туманом горы качаются из стороны в сторону.

— А всё-таки, — говорил юноша, — что думают местные? Неужели до сих пор верят в злого горного чёрта, который убивает каждого, кто осмелится приблизиться к его логову?

— А чем плохое объяснение? — Хромой пожал плечами. — Как говорится, хочешь — верь, а хочешь — проверь...

— Проверим, — сказала девушка.

Хромой бросил на неё быстрый взгляд:

— Не обижайтесь на меня, ребята. Да и не моё это дело — давать советы. Но лучше бы вам вернуться. Подумали бы...

— У нас теперь в моде космическая гипотеза, — с улыбкой проговорил юноша. — Почтище ваших чертей...

— А тебе надо думать в первую очередь, — продолжал Хромой, обращаясь к девушке. — Конечно, я обязан доставить каждого, кто осмелится... Вот я вас и доставил. Но скрывать своё мнение я не обязан. Как я вас первый раз увидел, ещё на крылечке, так сразу и понял: у вас ничего не получится. А когда увидел, как ты его обнимаешь, последние сомнения отпали. Он будет оборачиваться. Обязательно будет. А потом захочет перерешить решённое. Обязательно захочет. Ты же его любишь!

Девушка рывком вскочила на ноги, схватила фляги и пошла к источнику.

— Она меня не любит, — сказал юноша. — Это вам показались... Нет, что ни говори, а космическая гипотеза многое объясняет вполне удовлетворительно.

Хромой молча протянул юноше прут с козлятиной.

— Прекрасная гипотеза! — сказал юноша, перебрасывая из ладони в ладонь раскалённые куски мяса.

Хромой с презрением смотрел на его манипуляции, потом схватил один из дымящихся прутьев и свёз с его конца в рот несколько кусков прямо зубами.

Юноша, заторопившись, проглотил, не жуя, здоровенный кусок, обжёгся, и некоторое время сидел молча с разинутым ртом и выпученными глазами. Но всё же нашёл в себе силы вернуться к занимавшей его теме.

— Собственно, всё довольно элементарно. Ну, в общем, в нашей Галактике победили дьяволы. Они научились извлекать из захваченных планет не только ядерную там, кварковую, ещё какую-нибудь обычную энергию... Понимаете, энергия мозга всех разумных существ делится на две составляющие. Одна интеллектуальная, другая — волевая. Что касается интеллектуальной составляющей, то она в каждом разумном обществе так или иначе сохраняется и накапливается... Ну, книги, фильмы и так далее. А волевая обычно распыляется, исчезает... Так вот, эти самые космические дьяволы исхитрились выкачивать с обитаемых миров волевою энергию. В один весьма непрекрасный день они добрались до нашего острова и установили вон там, он показал прутом в сторону хребта, — свои дьявольские насосы. И началась у нас эта дьявольская заваруха. Тиглер со своими молодчиками. Ликвидация космического флота. Сокращение рождаемости. Высокие каблуки. Сны по заказу. И так далее. Все всё понимают, а сделать ничего не могут: воли нет.

— Чепуха! — усмехнулся Хромой. — Чепуховина! При чём тут космические дьяволы? Никаких чудес тут до Тиглера не было. Одно чудо — источник. Двадцать девять полезных компонентов! Трубы шли до самого побережья. Нет, всё началось уже после смерти Тиглера. До него всё было чисто. Тиглер наше собственное отродье. Так что космос тут ни при чём.

— А что при чём? — спросила девушка, давно уже наполнившая фляги и теперь внимательно слушающая спор.

— Змеи, — коротко, как о чём-то само собой разумеющемся, отозвался Хромой.

— Змеи? Какие змеи? — удивилась девушка.

— Вот уж чушь так чушь! — не очень вежливо отреагировал юноша. — Из всех чушей чушь!

Хромой, не обращая ровно никакого внимания на его слова и даже, вероятно, не расслышав их, пристально смотрел на восток — туда, где в смутном мареве неясно проглядывала громада гор.

— Змеи! — убеждённо повторил он. — О змеях поговаривали давно. Последним их видел один парень, месяца три-четыре назад. Ушёл чёрный — пришёл белый...

— Вы нас не пугайте, — сказала девушка.

— А я не пугаю. Ты спросила — я ответил... Ушёл чёрный — пришёл белый. Сказал, километра не дополз. Сказал, не смог, с души воротит. Вся вершина кишмя кишит змеями. Все повернулись к нему — он и оцепенел. Сколько провалялся потом у подножья — не помнил. И как до источника добрёл — тоже не помнил...

— Гипноз? Как удав — кролика? — проговорила девушка. — Не слишком ли просто?

— Чушь собачья! — огрызнулся юноша. — Что за странные змеи — сидят себе на вершине, а вниз спуститься бояться!

— А в самом деле, внизу этих змей никто не видел? — спросила девушка.

Хромой мотнул головой:

— Никто.

— И никто не поймал хотя бы одну? — улыбнулся юноша.

— За хвост! — радостно добавила девушка.

— Весёлые вы ребята, — не то с одобрением, не то с осуждением заметил Хромой. — Оружие проверили?

Он ещё раз повторил свой вопрос, но так и не получил ответа. Юноша и девушка, словно зачарованные, молча смотрели на восток.

Там, тяжело колыхаясь и клубясь, сползала вниз сплошная белая туча, обнажая всё явственней выступающую из неё гигантскую вершину Гранде Диабло. Прорвавшиеся сквозь густую пелену лучи солнца высветили самый высокий зубец, за ним — второй...

— А где же третий? — воскликнула девушка.

— Где третий? — как эхо повторил юноша.

Хромой приставил к глазам бинокль, вскинул его к вершине, потом долго водил объективом вниз и вверх, направо и налево.

— Так где же третий зубец? — подступая к Хромому, спросил юноша. Но Хромой не отвечал.

— Нам пора, — сказала девушка.

— Если передумаете, то чем раньше, тем лучше, — не отрывая бинокля от глаз, проговорил Хромой. — Жду вас сутки, а потом через пять дней — ещё сутки.

— Спасибо, — сказала девушка.

— Всё будет в порядке, — сказал юноша. — Малыш, а малыш, встань-ка на цыпочки, помогу рюкзак надеть.

...Полмиллиона часов. Полмиллиона часов. Полмиллиона, полмиллиона, полмиллиона часов...

4

Чем ближе подходили она к подножию последней перед Гранде Дьябло горы, тем чаще стали попадаться обломки боевых машин и летательных аппаратов. Двадцать лет прошло, а серые туши приземистых гусеничных гигантов всё ещё ржавели у подходов к последнему логову Тиглера.

Девушка высвободила руки из-под лямок — так, чтобы заплечный мешок соскользнул на тропу, расправила спину и напрямик через кусты устремилась к машине, стоявшей ближе других, в какой-нибудь полусотне метров от тропы.

— Куда ты? — крикнул юноша.

— К отцу, — ответила девушка, продолжая продираться вперёд.

Он догнал её у самой машины.

Если не считать ржавчины, то машина была как новая. Ни рваных ран, ни вмятин, ни даже царапин на сером металле. Сквозь тяжёлые звенья гусениц проросли тонкие перья травы.

Они попытались откинуть крышку люка, но не смогли.

— Наверно, открывается только изнутри, — сказал юноша и принялся дотошно исследовать каждую заклёпку: не кнопка ли?

Девушке не без труда удалось оторвать его от этого занятия.

— На обратном пути! — сказала она.

— На обратном так на обратном, — согласился он наконец. — Не машина — склеп...

Тропа вела в гору, но не круто, а полого, зигзагами, влево вдоль всего склона, потом вправо вдоль склона, потом опять влево и так до бесконечности.

Нелегко было преодолеть естественное стремление двинуться наперерез этим бесконечным зигзагам. Но они не впервые оказались в горах. И знали, что это именно тот случай, когда пословицу «Тише едешь — дальше будешь» следует понимать буквально. Иначе будешь то и дело застревать в непроходимых зарослях терновника и ежевики, сползать вниз на потоках щебня, кружить вокруг каменных баррикад,

нагромождённых обвалами. Так бывает в любых горах. А здесь ко всему прибавлялись ещё противотанковые ловушки, траншеи, остатки колючей проволоки и прочие радости, с которыми в прежние времена приходилось встречаться каждому поколению мужчин. Теперь они остались лишь в памяти стариков, в книгах, в кинофильмах да ещё здесь, в окрестностях Гранде Диабло, с тех самых пор...

Хорошо шагать по твёрдой тропе!

Он шёл, ни о чём не думая и почти ничего вокруг не замечая, весь отдаваясь движению. Лишь иногда глаз его останавливала какая-нибудь малость — острые иглы сосновой лапы в каплях смолы, перламутровый блеск кристалла слюды на сером валуне, чёрная масляная бусина ежевики...

На одном из поворотов тропы он обернулся. И сразу встретился взглядом с девушкой. Глаза у неё были как осколки зелёного стекла, если смотреть сквозь них на солнце.

Глаза приближались.

Ещё ближе, ещё ближе, ещё...

У него захватило дух. Зажмурившись, он нырнул в эту зелёную глубь.

— Больше не оборачивайся, — прошептала она, прижав ладонь к его губам.

Они забрались уже довольно высоко. Долина внизу потемнела. Только прихотливая ленточка реки отсвечивала фольгой среди чёрного камня и синей зелени.

Скользнув взглядом вдоль реки, можно было найти желтоватую нить дороги, и там, где она обрывалась, — пятачок источника, и на этом пятачке малюсенького жучка. Он будет там ещё сутки.

Девушка отняла свою ладонь, взяла юношу за плечи, легонько повернула его и хлопнула по рюкзаку.

Солнце заметно склонилось к горизонту. Густо-синей, как омут, стала долина. А дальше на юг подёрнулась блёклой дымкой. В прерывистую ртутную жилку превратилась река. Шум её давно уже не достигал тропы, и тишину нарушал только шорох шагов. Изредка срывался где-нибудь с обрыва одинокий камень, увлекал за собой щебень. И снова наступала тишина.

Тропа становилась всё круче. Дышать приходилось теперь чаще и глубже. Сухой, пронзительно студёный и необыкновенно вкусный воздух наполнял лёгкие до отказа, но не насыщал их.

Гудели ноги. Ноющая боль зародилась где-то в позвоночнике и скоро заполнила собой всё тело.

Он не скользил уже рассеянным взглядом по камням и колючкам, а смотрел только вверх — на покатую вершину горы, к которой неумолимо приближалась тропа. Пока всё шло легко и просто, но это не успокаивало его.

Сначала они были далеко.

Потом их прикрыла каменная толща горы. Она утончалась к вершине, эта защитная твердь, утончалась с каждым его шагом.

И с каждым шагом становилось всё неудобней.

«Как там она?» — подумал он. И украдкой обернулся.

И не встретил её взгляда. Не говоря ни слова, она продолжала шагать вперёд, обогнула его, точно он был дерево или камень, и прошла уже с десятков шагов, когда он, наконец, опомнился, рывком догнал её и преградил ей дорогу:

— Ради всего святого... Зачем тратить силы на той стороне? Переночуем здесь... Под защитой...

Он заглянул ей в глаза — и увидел зелёный лёд.

Сейчас в них нельзя было нырнуть. Сейчас об них можно было только удариться.

И он ударился. И удар этот привёл его в чувство.

Он нарушил один запрет — обернулся. И нарушил другой запрет — попытался перерешить решённое. Он покатился по наклонной плоскости, как много лет катились почти все. Она его задержала. Спасла.

— Спасибо! — крикнул он, сжав кулаки.

И, резко повернувшись, снова первым зашагал по тропе.

...Полмиллиона часов. Полмиллиона часов. Полмиллиона, полмиллиона, полмиллиона часов...

5

Он шагал и шагал, вслушиваясь в тяжёлый шорох её шагов за своей спиной, несчастный от своей слабости, счастливый от своей любви и гордый своей долей.

И когда из-за бурого покатога верха горы показались огромные зубцы Гранде Диабло, он не испытал ничего, кроме ярости. И прибавил шагу.

Когда они достигли вершины, солнце готовилось уже покинуть небо. Грозная махина Гранде Диабло, вся в багровых отсветах, закрывала полмира. Внизу — в междугорье — было темно, как в угольной яме.

Спускаться было ещё тяжелей, чем взбираться. Приходилось всё время откидывать корпус назад и опираться на пятки. От ремней рюкзака ломило плечи.

По рассказам и фотографиям он знал, что восточный склон этой горы усеян обломками и костями. Именно здесь, у подножия Гранде Диабло, было последнее логово диктатора. Именно здесь произошло последнее сражение. Именно здесь Тиглер нашёл свой конец.

Но, сколько ни вглядывался юноша в поросшие густым кустарником склоны, он не различал ничего — ни ракетных платформ, ни боевых машин, ни торчащих из земли крыльев и винтов. То ли разросшаяся растительность поглотила следы битвы, то ли густые вечерние тени скрывали детали пейзажа.

В сотне метров, внизу, на одном из поворотов тропы он заметил какой-то тёмный предмет. Сначала он принял его за камень. Но по мере приближения предмет всё более походил на сидящую человеческую фигуру.

Юноша остановился и, подождав, пока девушка поравняется с ним, показал ей на странный предмет.

— Господи! — вскрикнула она.

Схватившись за руки, поминутно спотыкаясь, они бросились вниз по тропе и вскоре остановились возле поворота.

В трёх шагах от них, опершись спиной о ствол скрюченного горного дубка, сидел человек. Глаза его были закрыты. Ноги вытянуты.

Хорошо пригнанный рюкзак, шипы на ботинках, толстая куртка на меху — всё это обличало опытного путника. Только очень уж немолод он был. Глубокие рытвины темнели на его впалых щеках, покрытых многодневной щетиной. Узловатые вены вздувались на висках. Такие же вены опутывали набрякшие тёмные руки, сжимавшие посох с металлическим наконечником. Ключковатые брови над коричневыми веками и длинные усы были совсем белы.

Дышал он тяжело. Широкая грудь его резко вздымалась при каждом вдохе, и при выдохе раздавался хрип.

Опустившись на колени, девушка достала из кармана плоский флакон и прижала горлышком к тонким сухим ноздрям старика. Он порывисто вздохнул и замотал головой. Ещё раз вздохнул — и открыл глаза.

Чуть приподнявшись, упираясь руками в землю, он переводил взгляд с юноши на девушку, с девушки на юношу. И такая боль была в его взгляде, что юноша не выдержал и отвернулся.

— Плохо? — прошептала девушка.

— Осталось два, — собравшись с силами, сказал старик.

— Да-да, мы знаем! — воскликнула девушка. — Мы увидели сразу, как только разошёлся туман...

— Осталось два, — повторил старик и снова закрыл глаза.

— Отец, — нагнувшись, сказал юноша, — внизу ждёт машина. У источника...

Старик молчал, и было непонятно, слышит он или нет.

— Внизу ждёт машина. Мы поможем вам добраться до неё...

На этот раз смысл произнесённого дошёл до старика. Он открыл глаза и заговорил, делая большие перерывы после каждой фразы.

— У каждого своё дело... Только у мёртвых нет никаких дел... Я своё сделал... Осталось два... Делайте ваше...

— Но не можем же мы оставить вас! — сказала девушка.

— Можете! — отрезал старик. — Я смог. Я всех оставил. Там! — он протянул длинную сухую руку к двузубцу. — Идите! — добавил он. — За меня не бойтесь. Доберусь понемногу...

— Хорошо! — неожиданно для девушки согласился юноша. — Сейчас уйдём. Но скажите, вы — старый человек, вы должны знать, скажите, почему это всё произошло? Почему высокие каблуки? Почему запретная зона? Нас едва не пристрелили, пока мы сюда пробирались. Почему я ни разу в жизни не видел ни одной ракеты? Только в музее с надписью: «На это ушло сто тысяч человеко-недель»? Почему все только и делают, что днём производят продукцию, вечером торчат у стойки, ночью смотрят заказанные сны?

В глазах у старика мелькнуло что-то живое.

— Так уже было не раз, — сказал он. — Ты знаешь, когда корабли нашего острова впервые пересекли океан?

— При испанцах, — ответил юноша.

— За пять столетий до них... Вот так... А потом пять столетий апатии.

— Но почему?

— Император повелел сжечь все корабли. И казнить каждого, кто вознамерится строить их снова...

— Но почему?

— Всё, что нам нужно иметь, мы уже имеем. Всё, что нам нужно знать, мы уже знаем. Излишние знания — источник скорби. Так учили народ.

— Но это смерть! — воскликнул юноша. — Если так пойдёт и дальше, то женщины перестанут рожать детей...

В глазах старика мелькнуло подобие улыбки.

— Не перестанут.

Он подобрал с земли два коричневых камня и с неожиданной силой ударил их один о другой.

— Понюхайте!

— Пахнет палёным, — сказала девушка.

— Кремень, — сказал юноша.

— Даже в камне живёт огонь, — проговорил старик. — Когда-нибудь эти камни станут частью нового солнца...

— Скоро ночь, — сказала девушка. — Нам надо идти. И нам надо знать, что там. Что?

— Мина Тиглера, — небрежно, будто речь шла о чём-то само собой разумеющемся, произнёс старик. И, заметив недоумевающий взгляд девушки, добавил: — Её придумали, чтобы подавить волю к сопротивлению. Тиглера нет. А мина осталась. Теперь уже не вся. Но на вашу долю хватит. Есть у вас карта?

Юноша выхватил из нагрудного кармана штормовки сложенную в несколько раз трёхвёрстку и разложил её у ног старика.

— Карандаш!

Девушка достала карандаш и протянула старику.

Тот встал на колени, несколько секунд вглядывался в карту, а потом старательно вывел на ней крестик.

— Тут осталась часть нашего груза. Центнера полтора...

Опираясь на руку юноши, он медленно поднялся с колен, разогнулся, поднёс к шляпе коричневую руку, повернулся спиной к Гранде Диабло и, медленно переступая длинными худыми ногами, зашагал в гору.

— Погодите! — закричал юноша. Сорвался с места и в несколько прыжков догнал старика. — Погодите! Она пойдёт с вами!

Старик не остановился, только покачал головой на ходу.

Тогда юноша бросился к девушке и сильно рванул её за руку:

— Иди!

— Он доберётся сам, — сказала она, пытаясь высвободить руку. — До источника не так уж далеко.

— Не доберётся! Иди и жди меня у Хромого!

— Не дури. Я пойду с тобой.

— Ты нужна ему, а не мне!

— Я пойду с тобой.

— Он стар, а я молод!

— С тобой...

— Он слаб, а я полон сил!

— С тобой...

— Будешь только путаться у меня под ногами!

— С тобой...

— Убирайся к дьяволу!

— С тобой...

— Ах так! — Юноша отпустил её руку, которую всё ещё машинально держал в своей, и, размахнувшись, ударил девушку по щеке.

Она охнула, но не пошевелилась.

— Увижу — убью! — Он повернулся и бросился вниз по тропе.

Когда он исчез за поворотом, девушка поднесла холодную ладонь к горевшей от удара щеке и оглянулась.

Старика тоже не было видно.

Она подняла свой рюкзак, взвалила его на спину и медленно зашагала вниз по тропе в сгущавшуюся тьму.

...Полмиллиона часов. Полмиллиона часов. Полмиллиона, полмиллиона, полмиллиона часов...

6

На третьи сутки утром, когда солнце отжало к подножию белую тучу тумана, обнажив два вонзившихся в небо каменных клыка, юноша и девушка увидели змей.

Оба зубца — они были совсем близко, если напрямик, то метрах в трёхстах — казались живыми, шевелящимися, так густо покрывали их растущие прямо из камня серые извивающиеся ленты с безглазыми утолщениями голов, увенчанных тремя более тёмными жгутами. Жгуты тоже беспрестанно извивались, но, в отличие от самих лент, не беспоря-

дочно, а все вместе — как колосья под ветром. В бинокль всё было видно, как на ладони.

— Длинный, они заметили нас, — прошептала девушка, крепко сжав холодными пальцами руку юноши.

Действительно, порывы несуществующего ветра всё чаще склоняли тёмные жгуты в их сторону. А вслед за жгутами всё больше безглазых голов поворачивались им навстречу.

Рука юноши ответила лёгким, бережным пожатием.

Он осторожно опустил на землю свой тяжёлый мешок и громко, гораздо громче, чем обычно, сказал:

— Доставай запалы.

И, повернувшись к ней, увидел её глаза.

— Малыш, а малыш, — произнёс он, понизив голос, — встань-ка на цыпочки, помогу снять рюкзак.

А она прошептала:

— Может, лучше сам нагнёшься?

И сплела пальцы на его стриженном затылке.

..Как-то раз я взял карандаш и помножил двадцать четыре на триста шестьдесят пять. И ещё раз — на шестьдесят пять. И у меня получилось что-то немногим больше чем полмиллиона.

Не верите? Возьмите карандаш и проверьте. От начала жизни до смерти всего лишь полмиллиона часов.

Так спешите любить всё, что вы любите! И ненавидеть всё, что вы ненавидите! Словом и делом спешите сегодня — завтра будет поздно. Все слова, которые вы не успели сказать, превратятся в бессмысленный хрип, все движенья, которые вы не успели сделать, превратятся в беспомощный трепет, когда настанет последний из вашего полмиллиона...

7

Прошли сутки.

Прошло пять суток.

Прошло десять суток.

Прошло двадцать суток.

Прошёл месяц.

Солнце ещё не всплыло из-за хребта, но свет уже заливал полнеба, когда трое рослых мужчин подошли к единственному сохранившемуся в посёлке дому.

Двое остались внизу, а третий — очевидно, старший — уверенно поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

В доме послышалось какое-то неясное движенье. Потом снова всё затихло. Но было ясно — там, за дверью, кто-то есть.

Пришедший громко спросил:

— Хромой здесь живёт?

И ещё два раза повторил свой вопрос.

Дверь чуть-чуть приотворилась.

— Не бойтесь! — весело сказал мужчина. — На дорогах ни одного стражника! В городе — волнения, вождь удрал из дворца.

Дверь распахнулась настежь. На пороге возникла щуплая фигурка подростка.

— Где же всё-таки Хромой? — спросил мужчина.

— Я — младший брат своего старшего брата, — сурово проговорил подросток. — Пошли!

Удача, сопутствовала им — осыпей не было. Только раз брат Хромого остановил машину, велел путникам оставаться на месте, а сам вышел, держа под мышкой смутно поблёскивающую в полутьме ущелья металлическую доску. Они видели, как он прошёл мимо какой-то бесформенной груды, подошёл к каменной стене, и услышали скрип сверла. Минут через двадцать машина снова тронулась в путь.

К рассвету они добрались до источника.

— Где же знаменитый трезубец? — спросил один из мужчин, обращаясь к остальным. — Я вижу только одну вершину!

И все трое взглянули на подростка.

Но тот ничего не ответил.

Он вскинул бинокль на каменный клык, последний каменный клык, вонзившийся в небо. А потом долго водил объективом вверх и вниз, направо и налево.

Словно искал кого-то.

...Полмиллиона часов. Полмиллиона часов. Полмиллиона, полмиллиона, полмиллиона часов...

Только полмиллиона!

Как погибла цивилизация

Из литературы известно, что некто неопознанный порядком наследил на нашей планете в отдалённом прошлом: в пустыне Гоби нашли след подошвы в песчанике третичного периода, в Крыму — череп вымершего миллионы лет назад носорога с древней дыркой от пули, в Сахаре — палеолитическое изображение космонавта в скафандре и так далее. Все эти следы приписывали пришельцам из Космоса. Однако у меня есть неопровержимые доказательства полнейшей несостоятельности вышеуказанного объяснения. Все следы, приписываемые инопланетянам, на самом деле оставлены представителями первой земной цивилизации.

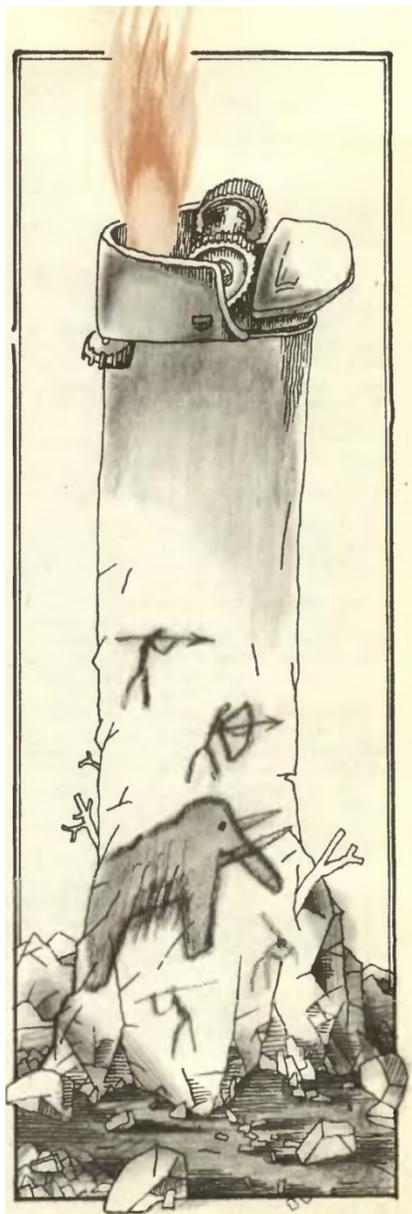
Как мне удалось установить, первая земная цивилизация возникла сто двенадцать миллионов лет тому назад. Она была очень живучей, и, хотя неразумные поступки первочеловеков не раз ставили её на грань катастрофы, всё же просуществовала в течение трёхсот семидесяти семи тысяч семисот сорока одного года. Последний представитель этой цивилизации, оставив свой портрет в Сахаре и след от своего сапога в Гоби, скончался ровно за сто одиннадцать миллионов шестьсот тридцать три тысячи двести пятьдесят девять лет до того, как снова некое существо встало на задние лапы, сделало себе кремниевую бритву и сказала «мама» породившей его обезьяне.

Как было уже отмечено, первая земная цивилизация отличалась изрядной живучестью и потребовался ряд последовательных ударов для того, чтобы привести её к гибели. Первый непоправимый удар по цивилизации нанесло открытие огня.

Между прочим, подозрение насчёт роковой роли подобных открытий для человеческого рода возникло ещё у древних греков, считавших, что авторы, подавшие первую заявку, достойны любого наказания — вплоть до систематического выклёвывания печени.

Однако ни в древней, ни в современной науке вопрос о том, какие именно последствия открытия огня оказались наиболее разрушительными, не разработан с достаточной полнотой. Одни исследователи полагают, что вся беда проистекла от неумелого обращения с нагревательными приборами. Другие наиболее тяжёлым последствием считают отвлечение людских и материальных ресурсов на создание пожарных команд. На самом же деле всё было гораздо сложнее. Это можно видеть на примере трёхминутного сюжета, полученного мною с помощью выскомодулированного хроновоза четвёртого поколения. В прокат фильм

поступит через несколько месяцев под названием «Двигатель прогресса». А пока читатели могут ознакомиться с его квазисценарием.

Двигатель прогресса

Квазисценарий

Действующие лица

Питекантроп.

Питекантроп Питекантропович — сын Питекантропа.

Питекантропова — жена Питекантропа Питекантроповича.

Питекантропята (дюжина) — дети Питекантропа Питекантроповича от Питекантроповой.

Место действия — Пещера. В центре горит костёр. У костра сидит Питекантроп с питекантропятами. Питекантропова вешает пелёнки на жилы, вытянутые из старейшины соседнего племени и протянутые над костром.

Питекантропята. Дедушка, дедушка, покажи!

Питекантроп. И куда это делась моя трубка?..

Питекантропята. Дедушка, дедушка, не увиливай — покажи, как добывать огонь с помощью трения!

Питекантроп. И куда это запропастилась моя любимая трубка? Только что была во рту — и как сквозь землю!.. Постойте! (*Поворачивается носом к входу в пещеру.*) Не запах ли это моего сына, любезного Питекантропа Питекантроповича?

Питекантропова (*тоже держа нос по ветру*). И я чую. Это мой муж.

В пещеру втискивается громадный мужчина с всклокоченной бородой и перекинутым через плечо тираннозавром.

Питекантроп Питекантропович. Жена! Жарь шашлык!

Питекантропова *(всплёскивает руками)*. Вот идол, навязался на мою голову! Шашлык ему жарь! То ли было без огня: лопай, что дают. Улитка — хорошо, сосед выше средней упитанности — тоже неплохо. Всё в натуральном виде. Ууу! *(Страшно щёлкает зубами.)* Попался бы мне этот рационализатор и изобретатель! Я б его! В натуральном виде! *(Повторно щёлкает зубами.)*

Питекантроп Питекантропович. Не ворчи, жёнушка. Умаялся я, бегамши. *(Передаёт тираннозавра Питекантроповой, которая удаляется, крича: «И никаких разносолов!» «И никаких пелёнок!»)* — а сам садится подле Питекантропа и кладёт руку ему на плечо.)

Питекантроп. Историю, сынок, вспять не поворотишь. Огонь, сынок,— двигатель прогресса. А женщины, сынок, существа низшего порядка. Раньше этого никто не замечал, а теперь, при свете огня, сразу стало видно. Люби жену, как душу, сынок, но не забывай трясти её, как грушевое дерево...

Питекантроп Питекантропович. Ладно, батя, не забуду. А вы собирайтесь, пожалуйста. Поужинаем и пойдём.

Питекантроп. Это куда, сынок, на ночь-то глядя?

Питекантроп Питекантропович. Да вы что, батя, запомним? Ведь вы старик?

Питекантроп *(осторожно)*. Ну, допустим...

Питекантроп Питекантропович. А старикам что положено?.. Вы уж извините, батя, неприятно говорить об этом перед ужином... В общем — в близлежащую пустыньку, там недельку побродите, пока хватит сил... А можно и сразу — как прикажете... Извините, конечно, не нами заведено...

Питекантроп. А подумал ли ты, сынок, о том, что никто, кроме меня, не знает, как добывать огонь с помощью трения? А без огня — откуда возьмётся шашлык?

Питекантроп Питекантропович. Извините, батя, не подумал. Когда думать-то? Или тираннозавров ловишь, или спишь, как мёртвый. И не заметил, как труд мой стал чисто физическим...

Питекантроп. Вот именно, что не заметил. Прогресс — он приходит незаметно. Но никуда от него не денешься. Своего рода стихия. Так что ни в какую пустыню я не пойду. Буду греться у костра и есть самый вкусный хрящик от пойманного тобой и зажаренного твоей женой тираннозавра. И за всех вас думать. *(Поворачивает нос к костру, у которого хлопочет Питекантропова.)* Приятно пахнет! Заврик фри!

Питекантроп Питекантропович валится навзничь и закрывает глаза. Спит. Питекантропова молча щёлкает зубами.

Конец

Не пытаюсь делать скороспелые выводы, считаю полезным всё же вкратце перечислить сведения, содержащиеся в доисторическом сюжете. Итак, в результате открытия огня произошло:

- отделение физического труда от умственного;
- приковывание женщины к домашнему очагу;
- уничтожение обычая отводить стариков в пустыню;
- неудовлетворение естественной тяги молодого поколения к знаниям;
- появление неестественных потребностей — как то: в шашлыке.

Всё это и многое, не отмеченное мною, можно свести воедино следующим образом: в пещере запахом жареным (рядка моя.— *В. Р.*), — отчего и проистекли для первой земной цивилизации все дальнейшие последствия.

СКИНЬ МАНТИЛЬЮ, АНГЕЛ МИЛЫЙ **стерлиговская речь барона Емельянова**

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...*

Анна Ахматова

*Премии за лучшее пророчество присуждаются раз в семь лет,
спустя семь месяцев по исполнению оною.*

Устав Стерлиговского фонда § 9

Ваше Величество! Ваши Высочества! Дамы и господа, товарищи! С благодарностью принимая почётную награду, я почитаю своим приятным долгом исполнить первую обязанность лауреата Стерлиговской премии — раскрыть истинные причины, приведшие меня к содеянному. Но прежде позвольте вкратце напомнить общеизвестные версии. Согласно первой, всё это я увидел во сне — подобно тому, как некогда действительный статский советник Димитрий Менделеев, находясь в объятиях Морфея, увидел свою знаменитую таблицу. Вторая версия гласит, будто ваш покорный слуга оказался жертвой шантажа со стороны покойного графа Васильева. И наконец, третья связывает сбывшийся прогноз с нашими многолетними трудами по дохристианским реликтам в посткоммунистическом обществе.

Разрешите несколько задержаться на этой последней версии, до сего времени считающейся наиболее достоверной. Действительно, график, построенный по узловым точкам трёх Владимиров, трёх Александров, четырёх Иванов, двух Николаев, двух Михайлов, двух Борисов, одного Иосифа, одного Никиты и одного Леонида, приводит к однозначному результату. Однако же истина заключается в том, что этот график, ныне вошедший во все учебники истории, появился на свет не до, а после того, как пророчество было сформулировано. Ведь вопреки

общепринятым представлениям, так называемые научные открытия имеют иррациональную основу и в каждом конкретном случае носят вполне случайный характер. И лишь после того как открытие совершено, его автор приступает к поискам научных аргументов.

Итак, случай.

Я шёл по Чистопрудному бульвару на свидание с будущей баронессой Емельяновой. Как и у многих других людей, процесс шагания спонтанно вызывает у меня сопутствующие процессы ритмичного бормотания либо насвистывания. В тот раз, миновав памятник автору «Горе от ума» господину Грибоедову, я услышал собственный шёпот «Скинь мантилью, ангел милый, и явись как майский день, сквозь чугунные перилы ножку дивную продень». И тут же, сам себе удивившись, сам себя спросил: «Какая, Господи, мантилья, какие перилы?» — и сбился с ноги. А когда снова поймал ритм, то, как оказалось, — совсем другой: «Не надо, не надо, не надо, друзья. Гренада, Гренада, Гренада моя». С этой «Гренадой» я и дошагал до условленного места.

Будущая баронесса Емельянова, завидев меня, поднялась со скамьи, держа в руке журнал «Работница», и чрезвычайно взволнованно сказала мне:

— Вы всё знаете... Какое слово начинается с «ге» и кончается на «ус»?

— «Глобус», — ответил я с ходу. — А ещё «гумус».

— Нет, нет! — вскричала она. — В этих словах слишком мало букв!

— А сколько нужно? — осведомился я.

— Четырнадцать, — прозвучал унылый ответ.

Честь моя была затронута, я бросился в мозговую атаку и в считанные секунды нашёл, как мне показалось, именно то, что требовалось.

— «Гомункулус»!

— Сами вы гомункулус, — огорчённо сказала будущая баронесса Емельянова, — нужно четырнадцать букв, а у вас, барон, только десять.

И пошла прочь.

Бежать вдогонку было бессмысленно — спасение зависело не от ног. Оно зависело только от ума. «А ну, сосредоточься!» — прикрикнул я сам на себя и зажмурился, чтоб никакая мирская суэта не мешала мыслительному процессу.

Будущая баронесса Емельянова успела отойти уже довольно далеко, когда мой природный компьютер выдал наконец потребный результат.

— «Генералиссимус»! — воскликнул я что было голосу, забыв даже открыть глаза, а открыв их, ещё раз выкрикнул это спасительное слово.

Весь тот день — до последней минуты — слово «генералиссимус» не покидало меня, а на следующее утро к нему присоединились ещё два вчерашних слова — «мантилья» и «Гренада», в результате чего

и возникла первая основополагающая мысль: «Интересно, почему в двадцатом веке в Европе было всего два генералиссимуса — в Испании генералиссимус Франко и у нас генералиссимус Сталин?»

Эта мысль не давала мне покоя много лет, постепенно обрастая всё новыми и новыми испано-российскими параллелями.

Уже само географическое положение наших двух стран говорило о многом. Обе они представляли собой крайние форпосты христианского мира — одна на западном его краю, другая на восточном. А сколько сходства в национальном характере! Великая страсть первопроходцев, позволившая одним освоить практически всю южную часть одного материка, а другим — всю северную часть другого. И ещё. Почему-то ни в одном из прочих государств Европы в ответ на нашествие Наполеона не возникла партизанская война — а в Испании и в России возникла. А российский Пегас? Сколь часто занимался он потравами на полях Иберийских! О мантилье и Гренаде уже упоминалось. А ведь есть ещё «В час рассвета холодно и странно, в час рассвета ночь темна, дева света, где ты, донна Анна, Анна, Анна, тишина». И «Он жив, он сейчас под Уэской, солдаты усталые спят, над ним арагонские лавры зелёной листвою шелестят». И «Десять лет дон Педро Гомец, по прозванию — Лев Кастильи, осаждает замок Памбу, молоком одним питаюсь». И стихи того же автора под названием «Желание быть испанцем». В общем, так:

У них генералиссимус — и у нас генералиссимус.

У них край Европы — и у нас край Европы.

У них мавры — и у нас татары.

У них империя — и у нас империя.

У них Колумб — и у нас Беринг.

У них Кортес — и у нас Ермак.

У них Эль Греко — и у нас Феофан Грек.

У них Кармен — и у нас Грушенька.

У них Риго — и у нас Пестель.

У них гражданская война — и у нас гражданская война.

У них каудильо — и у нас вождь.

У них испанка — и у нас грипп

* * *

После того, как провалился Горбачёв, а за ним — Ельцин, кто-то стал тянуть к польскому образцу, кто-то к шведскому, кто-то и вовсе к китайскому, но я-то знал, кто мы на самом деле. Испанцы!

А чем всё кончилось в Испании? Правильно. Королём Хуаном Карлосом. Так мог ли я, Ваше Величество, сомневаться в том, что и Ваше время пришло?

Ваше Величество! Ваши Высочества! Дамы, господа и товарищи! Остальное было делом техники.

Да здравствует Государь-император Константин Натанович!

С
ИЛЬНЫЕ
ДУХОМ

СОТЫЙ

Валентин РАБИНОВИЧ,
Михаил ЧЕРНЕНКО

ГОРИЗОНТ

Участники работ на Кальинском руднике (слева направо) 1-й ряд: старший матрос Михаил Стригоцкий (кок), матрос Андрей Вялков (радиост), старший матрос Владимир Егоров, старший матрос Николай Кривошита; 2-й ряд: старшина II статьи Сергей Хлестаков, майор мед. службы Анатолий Коржавин (врач), инженер-капитан III ранга Александр Суслов (командир группы), мичман Григорий Мовша, старший матрос Александр Лопанцев; 3-й ряд: старший матрос Пётр Царик, старший матрос Михаил Половинкин, старший матрос Павел Ткаченко, старшина II статьи Семён Зинченко (механик), старший матрос Андрей Писака.

Рудничный посёлок уже засыпал, под землёй работала немногочисленная ночная смена, когда тишину прорезал вой сирены.

Заревели гудки. Забились звонки в насосной, на электростанции, на всех подземных участках. Затрезвонили телефоны. И трубки, сдёрнутые с рычагов почти одновременно в квартирах инженеров, несколько раз повторили напряжённым голосом дежурной телефонистки: «Авария на шахте! Насосы затоплены! Вода подходит к стволам! Тревога!..»

Проходчик молча приблизил лампу к каменной стене забоя. Из круглой дыры — пробурённой скважины — хлестала, поблёскивая, рыжая струя воды.

Семь пар настороженных глаз смотрели на бледный круг, очерченный лампой. Бригадир озабоченно покачал головой.

— А ну, посвети рядом!

Круг переместился вверх, потом вправо, потом вниз, освещая всё новые чёрные отверстия. Из десятка скважин фонтанировала только одна.

— Бывает и хуже! — заметил бригадир. Потом коротко приказал: — Все наверх!

Никто не видел, как струи воды ударили из остальных отверстий, как заколебалась, рухнула стена и в пролом с рёвом хлынул поток.

Стоя по пояс в ледяной воде, проходчики попытались закрыть стальную перемычку, чтобы преградить потоку путь. Но тщетно. Вода прибывала слишком быстро. И когда люди добрались до подъёмника, она была им уже по грудь.

С трудом переводя дыхание, бригадир спросил:

— Все?

— Ты последний...

— Сигналь!

Клеть дёрнулась и, громыхая на стыках, помчалась вверх.

Вслед за ней медленно, но неуклонно поднимались воды проравшегося в шахту подземного озера. Они заполняли созданные тяжёлым трудом проходчиков штреки, выворачивали крепёжные стойки, поглощали машины и вагонетки.

К полуночи вода затопила нижний, средний этажи шахты и, немного не дойдя до верхнего, остановилась.

Заседание продолжалось уже несколько часов.

— ...Итак, повторяю, — продолжал председатель аварийной комиссии. — Каждый час в шахту поступает четыре тысячи кубометров воды. Поэтому для осушения шахты необходимо смонтировать во всех стволах по две тележки с насосами, которые будут опускаться вслед за отступающей водой. И надо немедленно приступить к их монтажу. Тогда, может быть, за три месяца мы осушим шахту.

Председатель обвёл взглядом собравшихся — опытных инженеров, построивших на своём веку не один десяток шахт.

— Правда, гарантии дать нельзя, но другого способа нет.

— Другой способ есть, — твёрдо сказал инженер-шахтостроитель Павлович. — Надо закрыть водонепроницаемые перемычки, и путь воде будет преграждён. Потребуется откачать только то, что находится по эту сторону перемычек.

— Вы хотите сказать, водолазы? Это, конечно, заманчиво, — улыбнулся председатель, — но, как известно, таких прецедентов в мировой практике нет. По-видимому, это невозможно.

— Невозможно... — эхом отозвалось несколько голосов.

Павлович резко повернулся к председателю.

— Это необходимо!

— Вот он, Кальинский рудник, — начал Павлович, подходя к чертежу, висящему на стене. — Стволы вроде эскалаторных тоннелей в метро. Уходят под землю наклонно, под углом градусов в двадцать... Правда, в них не так просторно и чисто, как в метро. Всего их три. Первый ствол — эксплуатационный. По нему будем продолжать выдавать руду. Второй — вентиляционный, его загромаждать нельзя. Так что в распоряжение водолазов можно предоставить только третий ствол, которым пользовались мы — строители шахты. В стороны от стволов отходят горизонтальные коридоры — штреки. Они расположены тремя этажами — горизонтами. На двух из них вам придётся работать.

— А где вода? — перебил его инженер-капитан 3-го ранга Александр Николаевич Сулов, старый, опытный мастер водолазного дела.

— Лучше я покажу, где её нет, — невесело улыбнулся Павлович.

Его карандаш прочертил линию всего на несколько сантиметров ниже первого — верхнего — горизонта и остановился.

— А где перемычки?

Карандаш пополз дальше, вниз, затем повернул вправо, уже по горизонтали, пока не уперся в красную линию.

— Это первая. Она осталась открытой, потому что в момент аварии там никого не было. Если закрыть её, то мы перекроем путь грунтовыми водам, которые просачивались сюда и до прорыва. А это позволит осушить часть ствола и штрек. Вторая перемычка на самом нижнем, сотом горизонте, там, где произошла авария.

Ко второй красной чёрточке на уровне надписи «100 метров» карандаш полз почти вдвое дольше, чем к первой.

— Каково же расстояние от ствола по штреку до перемычки?

— Двести двадцать четыре метра. Проходчики не успели её перекрыть.

— А какое расстояние по вертикали от уровня воды до нижнего штрека?

— Сорок три метра...

— Так! Значит, почти полста метров глубины, четверть километра по шторку... А нельзя ли подробно рассказать, что представляют собой шторки, ведущие к перемычке? Или, знаете что, давайте спустимся в шахту и посмотрим верхний шторек, — попросил Суслов. — Судя по схеме, их расположение на всех трёх горизонтах одинаково. Так?

...Выйдя через четыре часа из-под земли и наскоро пообедав, они отправились в шахтоуправление и снова до позднего вечера сидели над планами затопленных горизонтов.

— Ну так как? Риск очень большой? — с тревогой спросил Павлович, уже стоя в дверях.

— Риск... — протянул Суслов. — Скажите, вы на самолёте летали?

— Да, но при чём здесь это?

— А вот при чём... Когда вы летите на высоте в две тысячи метров, то ведь не ощущаете никакой опасности. А почему?

— Никогда не задумывался над этим, — рассмеялся Павлович. — Наверное, потому, что я убеждён в добросовестной работе конструкторов, инженеров, механиков, пилотов.

— Значит, вы верите им. Значит, риск — понятие условное. Всё зависит от того, с кем имеешь дело, с кем стоишь рядом... Ну, а предстоящая операция... что же, действительно она сложна и опасна...

Наверх вы, товарищи.

Все по местам...

Песня звучала в вагоне поезда, летевшего на восток сквозь прозрачные Ноябрьские леса, бескрайние просторы полей. И пели её мушкетёрские загорелые юноши в синих матросских форменках.

Так с песней подъехали они к Свердловску, с песней промчались на машине по междугорьям Урала, с песней въехали в небольшой горняцкий посёлок.

Стояла морозная ночь. Мелкие снежинки кололи лицо.

— А тут не жарко, товарищ инженер-капитан! — засмеялся один из водолазов, пожимая протянутую Суловым руку.

Александр Николаевич озабоченно оглядел свой маленький отряд и деловым тоном сказал:

— Будет жарко.

Водолазы старшие матросы Половинкин и Ткаченко первыми натянули спецовки — раньше они работали в шахте — и теперь донимали своего товарища старшего матроса Лопанцева, который никак не мог подобрать куртку по росту.

В раздевалку вошли Сулов и Павлович.

— Готовы?

— Готовы.

Водолазы спустились по стволу, свернули вправо, в узкую полутёмную галерею.

— Вот точно так, но этажом ниже, на повороте будет стоять первый номер — помогать подтаскивать шланг идущему дальше. Теперь держитесь левой стенкой.

Двинувшись вперёд, Суслов услышал глухой стук и вслед за тем негромкое чертыханье.

— Что случилось?

Шедший вслед за ним старший матрос Царик, сконфуженно улыбаясь, потирал ушибленное колено.

Луч фонаря осветил толстое бревно, лежавшее у стенки.

— Осторожнее! Здесь этого добра немало. Пошли дальше. Второй поворот, левый.

Пять минут ходьбы по штреку — и показалась перемычка. В бетонной стене был оставлен проход только на ширину рельсовой колеи. На массивных петлях висела металлическая дверь. Водолазы долго осматривали, щупали, открывали и закрывали её. Ходили взад и вперёд по штреку, возвращались к стволу и опять направлялись к перемычке.

— Что с вами? — удивился Суслов, столкнувшись у поворота с Лопанцевым. Тот медленно переступал по шпалам, слегка касаясь стены вытянутой рукой. Каска была надвинута на самые глаза.

Лопанцев поднял каску, открыл глаза и, жмурясь от света направленной на него лампы, спокойно ответил:

— Тренируюсь! Работать в темноте придётся!

На площадке громоздились четыре бухты красных воздушных шлангов, аварийные помпы, скафандры и прочее водолазное хозяйство.

— Всё в порядке! — доложил мичман Мовша. — Можно приступить.

Пока Лопанцев надевал водолазную рубаху и галоши со свинцовыми подошвами, все стояли молча. Каждый знал свою задачу.

Ткаченко помог товарищу надеть на спину и грудь две пудовые свинцовые чушки, и Лопанцев, тяжело переступая, двинулся к воде. Вот она сомкнулась над медным шаром шлема. Только убегающий вниз шланг да время от времени поднимающиеся на поверхность воды светлые пузыри свидетельствовали, что там, в чёрной водяной пропасти, есть живой человек.

Суслов подошёл к микрофону.

— Как дела?

— Всё в порядке, иду по шпалам, — ответил голос из динамика.

— Идите спокойно, не торопитесь, перед поворотом сообщим. Как фонарь?

— Едва волосок виден, не помогает. Кругом сплошная муть...

— Надо ему сказать! — заволновался Павлович. — Когда в шахте авария с освещением, надо вести одну ногу вдоль рельса... Ну, вы видели, как слепой ведёт палочкой по краю тротуара?

— Объясните ему. — Суслов кивнул на микрофон. — Хлестаков, готовьтесь, — добавил он.

Прошло минут десять, когда Половинкин, заметив привязанный к шлангу белый лоскут, крикнул:

— Бирка!

Бирками на шланге были отмечены расстояния до поворотов, чтобы находившиеся на площадке могли видеть, до какого места дошёл водолаз.

Суслов нагнулся к микрофону:

— Лопанцев, стойте!

— Стою! — прогудел динамик.

— Спускаем Хлестакова, — распорядился Суслов. — Ткаченко, помогите мне одеться.

Через десять минут Лопанцев и старшина II статьи Хлестаков доложили о встрече.

Когда Хлестаков достиг второго поворота, Суслов был уже в водолазном костюме, оставалось только надеть грузы и шлем.

— Остаётесь за старшего! — сказал он мичману Мовше и пошёл к воде.

Первые два-три десятка метров он не ощущал особой тяжести, но дальше идти стало труднее. Шланг, который спускали за ним с площадки, с каждым шагом становился всё тяжелее. Лицо, руки, спина стали мокрыми от пота. Александр Николаевич уже с трудом переводил дыхание, когда в телефоне раздался голос Мовши:

— Вы у поворота. Держитесь правого рельса.

Шаг, ещё шаг, и Суслов наткнулся на Лопанцева. Рука товарища бережно скользнула по плечу, подхватила шланг сзади шлема. И сразу стало легко и свободно. Всю тяжесть шланга Лопанцев принял на себя.

Суслов уходил всё дальше, волоча за собой шланг. Снова каждый шаг стал даваться с трудом. Неожиданно, хотя Александр Николаевич и знал, что это должно произойти, его рука встретилась с рукой Хлестакова. И снова товарищ снял с него груз. Можно было распрямить ноющую спину, перевести дух и быстрее шагать к цели.

Ещё полчаса — и Суслов у перемычки. Несколько минут он стоит неподвижно, отдыхая. Итак, доказано, что дойти можно. Однако закрыть тяжёлую стальную дверь было не так-то просто. Мешала железная труба, протянутая когда-то горняками через дверной проём. Необходимо было срубить болты, удерживавшие трубу в горизонтальном положении. Но в воде, да вдобавок в полной темноте, это было очень трудно.

Наконец пришедший на помощь Хлестаков сообщил наверх:

— Один болт срублен! Принимаюсь за следующий...

Его прервал голос Суслова:

— Выходим... Иду первым.

Хотя Хлестаков следовал метрах в пятнадцати и помогал подтаскивать воздушный шланг, Суслов еле двигался. Он ничего не сообщал на поверхность, но там по учащённому дыханию, да и по его молчанию понимали, что командир теряет силы.

...Через четыре часа после спуска Лопанцев на спине вынес командира из воды.

Для того, чтобы срубить оставшиеся пять болтов, понадобилось трое суток. Три дня слышались из динамика глухие удары и тяжёлое сопение. Работа подвигалась мучительно медленно, и находившиеся у перемычки почти всё время молчали, неохотно и односложно отвечая на вопросы теряющих терпение товарищей.

На четвёртые сутки к полудню голос Половинкина прозвучал радостно:

— Скажите там инженеру: перемычка задраена!

Ещё оставался над водолазом последний метр воды, когда загудели моторы насосов и вода стала стремительно уходить вниз. К вечеру столб воды в шахте опустился на тринадцать метров.

Лавируя между брёвнами, кусками балок и рельсов, обходя торчащие то тут, то там прутья стальной арматуры, водолазы с лампами в руках пробирались по осушенным выработкам, сами не веря тому, что они в темноте, в скафандрах сумели пройти сюда и выйти невредимыми.

От сотого горизонта их отделяла теперь тридцатиметровая толща воды.

— В город! В горком партии! — сказал шофёру Суслов, хлопывая дверцу.

Машина с места рванулась вперёд, сухо зашуршав по заледеневшей дороге.

Казалось, всё было тщательно взвешено и продумано, все детали. И всё-таки впервые в жизни Александр Николаевич не считал себя вправе один принимать решение. До сих пор он всегда исходил из простого принципа: если могу я, значит, могут другие. А здесь даже работа у первой перемычки оказалась ему не по силам.

Сотый горизонт... До него остаются тридцать метров глубины и двести двадцать четыре метра пути по штреку. Это полтонны шлангов на водолаза. Это полтора часа туда, полтора часа обратно. Путь к цели отнимает всё время, положенное по норме для пребывания водолаза под водой, на работу у перемычки времени не остаётся. Помимо всего прочего, возникает опасность кессонной болезни...

Если поднять водолаза с тридцатиметровой глубины без остановок, без «выдержек», ему грозит приступ кессонной болезни. Сильней-

шие боли в суставах. Потеря сознания, а иногда и смерть. Её вызовут пузырьки азота, которые закупорят кровеносные сосуды. Чем дольше человек, находясь под давлением, вдыхает сжатый воздух, тем больше азота скапливается в организме. Чем больше азота в организме, тем медленнее и постепеннее надо подниматься на поверхность, выходить из-под давления.

Подъём на поверхность после часа работы на сотом горизонте должен длиться около трёх часов. А если почему-либо придётся выводить людей с глубины немедленно? Правда, на этот случай есть рекомпрессионная камера. В неё можно поместить поднятого на поверхность водолаза, повысить в ней давление и потом, постепенно снижая его, медленно «выводить» человека с «глубины». Но всё равно это риск.

Секретарь горкома партии, худощавый, сутулый человек, встал из-за стола и принялся шагать по кабинету, ожесточённо дымя трубкой.

— Сколько вам лет? — неожиданно спросил он, остановившись прямо перед Суловым.

— Пятьдесят один.

— И сколько из них вы ходили под воду?

— Двадцать восемь.

Секретарь взял стул, придвинул его вплотную к креслу, в котором сидел Александр Николаевич.

— Слушай! Ты же сам рабочий человек, — сказал он, глядя Сулову в глаза. — Это возможно сделать?

— Сейчас я не смогу...

— А тридцать лет назад?

— Смог бы, но это очень трудно...

Секретарь снова встал, зажёл спичку и несколько секунд стоял неподвижно, так и не поднеся её к трубке. Когда спичка догорела, он подул на обожжённые пальцы и спросил:

— Ты с водолазами беседовал?

— Да. Всё знают, всё понимают. «Уйдём вместе с водой!» — вот их слова.

Секретарь положил руку Сулову на плечо.

— Подождём с решением. Пришли ко мне врача. А сам начинай готовить людей к спуску на нижний горизонт. Завтра я к вам приеду.

Механик старшина I статьи Зинченко с помощью трёх шахтёров подсоединял трубы от воздушных баллонов на новой рабочей площадке. Батманов с Хлестаковым, старшие матросы Кривошта и Царик переносили вниз шланги, связист матрос Вялков устанавливал тут же телефоны и динамики.

— Хлестаков! — послышался голос Сулова.

Водолаз повернул голову к лестнице и увидел командира вместе с худощавым невысоким человеком в порыжелой спецовке, пропитанной бокситовой пылью.

— Хлестаков, вот тут товарищ хочет побеседовать с вами, — сказал Суслов. — А мне нужно наверх.

— Здравствуйте, водяные люди!

Худощавый пожал руки всем находившимся на площадке.

— Просили меня товарищи передать вам за помощь большое горячее спасибо!

— Спасибо рано говорить, — ответил Хлестаков. — Самое трудное там!

Он показал взглядом на тускло поблёскивающую в нескольких шагах от площадки воду.

— Вам приходилось раньше работать в подобных условиях? — продолжал пришедший.

— Никак нет! — выпалил один из водолазов.

Все заулыбались. Улыбнулся и незнакомец.

— Рисковая у вас служба!.. Сам служил, знаю, что такое приказ командира! — Он сделал ударение на последних словах.

— А при чём тут приказ? Не знаете вы нашей службы, — проговорил Царик. — Есть у водолазов неписаное правило: боишься идти под воду — не идёшь.

— Значит, все добровольно?

— Конечно, добровольно! А вы как думали?

— А я, чтоб не думать, пришёл к вам да спросил! — снова улыбнулся гость.

Долго длился этот разговор. Гость попросил показать рекомпрессионную камеру, её оборудование, пощупал носилки врача, пересмотрел его медикаменты, а потом стал расспрашивать водолазов о предстоящей работе.

...Суслов вернулся после того, как гость покинул рабочую площадку.

— Кто это был? — обратились к нему водолазы.

— Секретарь горкома.

— Начальство, значит, — протянул Половинкин.

— Если хотите, партийное начальство.

— А почему он не в новом мундире?

— Что ж он так и будет каждый раз новую спецовку со склада требовать? У него здесь, на шахте, свой шкафчик.

— Молодец! — проговорил Половинкин. — А что он вам сказал, Александр Николаевич, если не секрет, конечно?

— Он говорил с Москвой. Москва запросила мнение врача и решила продолжать работы только при условии единодушного согласия всех водолазов.

— Слышал, Петро? — крикнул Половинкин Царику. — В Москве о нас знают! Теперь, брат, не осрамись!

Мичман Мовша осторожно двигается вперёд — в первую разведку. Ноги по колено уходят в топкий ил, вынесенный из земной толщи прорвавшейся водой, и Мовша то и дело теряет направление и топчется на месте, отыскивая рельс.

Он минует первый поворот, и время от времени, протягивая левую руку, касается стенки. Неожиданный удар в живот останавливает его. Мовша дёргается влево, ударяется вторично — на этот раз шлемом — и чувствует, что на щеку упала ледяная капля: второй удар пришёлся по иллюминатору.

С минуту Мовша стоит неподвижно, боясь пошевелиться. Затем, когда до его сознания доходит, что стекло, очевидно, только дало трещину и что одинаковое давление снаружи и внутри скафандра поддерживает его в оправе, говорит шёпотом:

— Разбил иллюминатор! Выхожу! — Он боится, что звук его голоса разрушит лопнувшее стекло.

Он мог бы идти довольно быстро: дежуривший у поворота Егоров, которому передали о несчастье, выбирает шланг так стремительно, что у Мовши почти не остаётся слабину. Но быстро идти опасно: малейший толчок или просто резкое движение — и стекло выпадет.

— Поднимаем без выдержек. Приготовить рекомпрессионную камеру! — командует Суслов.

Он стоит у воздухораспределительного щитка и регулирует давление воздуха: даже небольшая разница между давлением воды и воздуха в скафандре может продавить очки водолаза. Но вот медный купол шлема поднимается из воды, и в то же мгновение стекло рассыпается на мелкие кусочки...

Пока мичмана в рекомпрессионной камере постепенно «выводят на поверхность», Павлович и водолазы опрашивают проходчиков:

— Что может стоять в штреке на рельсах за поворотом? Кто помнит? Кто был там последним?

Наконец выяснили. На рельсах оставлена бетономешалка, её бросили там, когда начала прибывать вода. В ней бетон, который теперь затвердел; значит, сдвинуть её с места не удастся.

...Вытянув вперёд руки, медленно идёт по штреку Сергей Хлестаков.

— Внимание! — предупреждают сверху.

Вот она, железная машина! Хлестаков пробует обойти её. Но проход у стенки штрека закрыт наглухо. Зажатая между колёсами бетономешалки и крепью штрека лежит опрокинутая вагонетка. Её втиснула туда ворвавшаяся в шахту вода.

Через полчаса Сергею становится ясно, что миновать бетономешалку можно только одним способом — перелезть через неё. Когда он

пробует это сделать, шлем ударяется о кровлю штрека: между ней и машиной меньше полуметра. И всё-таки он втискивается туда.

На глубине сотни метров под землёй в ледяной воде стоит комсомолец Михаил Половинкин. Двести двадцать четыре метра отделяют его от помоста, на котором напряжённо вслушиваются в каждый шорох динамика товарищи.

Эти двести двадцать четыре метра он шёл полтора часа, напрягая все силы, обходя препятствия, протаскивая за собой шланг, без которого нельзя дышать. До первого поворота идти было не очень трудно. Потом шланг помогал тащить Владимир Егоров. Потом Андрей Писака. Последние сто метров шёл сам.

Ребята остались сзади. Они стоят на своих постах. Стоят, чтобы помочь ему выйти из затопленной шахты. Коченея от лютого холода, они будут стоять всё время, пока Михаил будет работать.

Наконец Половинкин возле перемычки. Но он не видит ни проёма, ни железной двери, ни совка в своих руках. Здесь абсолютно темно.

Половинкин набирает в совок вязкий ил, мешающий закрыть дверь, и относит его подальше от перемычки.

Проходит несколько часов. Командир приказывает возвращаться. Половинкин погружает руку в ил — туда, где должен быть порог. Нет, ила не убавилось.

...К перемычке приходит Сергей Хлестаков. Он постарше и сильнее Половинкина, повыше ростом, пошире в плечах. Четыре долгих часа проводит он здесь, разгребая ил лопатой. И, уходя, нащупывает перед дверью всё ту же вязкую гору.

— Так ничего не получится! — говорит он, поднявшись наверх. — Нужен гидромонитор.

...Три дня подряд тянул Царик пожарный рукав к перемычке. Суслов разрешил ему это, несмотря на возражения Лопанцева и Хлестакова, на страстные протесты Половинкина.

— Сам вызвался, пусть доводит до конца. Он ещё ни разу не ходил к перемычке. А вам надо отдохнуть!

Под напором подаваемой сверху воды брандспойт вырывается из рук, одревеневших от трёхчасового напряжения. Половинкин снова нащупывает ногой дверь и направляет туда струю.

— А ну, взяли!

— Взяли! — отзывается в его шлеме глуховатый бас Лопанцева.

В крошечной тьме товарища не видно, но он здесь. На коммутаторе их соединили, и Половинкин слышит не только голос, но даже дыхание Лопанцева.

Как только слой ила у двери редет, Лопанцев чуть-чуть, пусть даже на сантиметр, но подтягивает талями дверь к порогу.

Накануне Хлестакову с Цариком удалось, наконец, сдвинуть дверь с места. Сегодня она подалась ещё больше, — вероятно, на полметра. Три-четыре дня — и перемычка будет закрыта.

— А ну, взяли! — ещё и ещё раз выдыхает Половинкин, проводя брандспойтом вдоль двери.

— Взяли! — подхватывает Лопанцев. И Половинкин чувствует, как ногу его отодвигает закрывающаяся дверь.

— Идёт! — кричит он. — А ну, взяли!

— Приготовиться к выходу! — раздаётся в шлемах голос командира.

— Александр Николаевич, да мы...

— Первым выходит Половинкин. Брандспойт положите на порог слева, — невозмутимо продолжает Суслов. — Вы находитесь под водой пять часов восемнадцать минут...

— Слышишь, Сашка! Кончаем! — говорит Половинкин. Но товарищ уже не слышит его: их разъединили.

В горячке работы время идёт незаметно. Только распрямив натруженную спину и сделав первый десяток шагов, Половинкин ощутил значение четырёх последних слов командира: «пять часов восемнадцать минут».

Впрочем, двигался он довольно быстро.

— Осторожно! Бетономешалка! — предупредили сверху.

Но он и сам хорошо помнил историю с мичманом и уже несколько минут шёл с вытянутыми вперёд руками. Вот пальцы упёрлись в железо. Бетономешалка. Подтянув шланг, Половинкин осторожно, держа левую руку перед лицом и каждый раз тщательно нащупывая место для ног, переполз через препятствие, перетащил шланг и двинулся дальше.

Он прошёл уже половину пути до поворота, когда внезапно натянувшийся шланг чуть не опрокинул его.

— Зацепился! Возвращаюсь, — сообщил он наверх. И заторопился обратно. Он шёл всё дальше и дальше, не обнаруживая никаких помех. Шланг спокойно скользил по руке.

— Нет... Ничего не вижу. Шланг свободен. До стенки далеко! — отвечал он на вопросы Суслова. — Должно быть, сам отцепился. Иду к стволу!

Половинкин повернулся и зашагал к выходу.

— Как дела? — поминутно спрашивали его сверху.

— Жарко! — отвечал он. — Сто потов сошло. Приготовьте лимонаду!

Половинкин шутил, стараясь успокоить себя, хотя где-то в глубине души было тревожно. За что же он всё-таки зацепился?

— Всё в порядке? — снова прозвучал у него над ухом вопрос Суслова.

— Порядок! — бодро ответил Половинкин. В этот же момент шланг снова натянулся.

— Снова зацепился!

— Это, Миша, не снова, — звучит спокойный голос командира. — Это на том же самом месте. Не торопитесь. Идите спокойней.

Половинкин снова шагает в обратную сторону. От усталости и волнения становится трудно дышать. А что, если шланг не просто зацепился, а его защемило, придавило сорвавшейся стойкой или глыбой боксита?

— Прибавьте воздуха!

— Не торопитесь! — услышал он в ответ. — Не торопитесь... Воздуха достаточно. Будьте внимательны.

Половинкин, нагнув медный шлем, продолжает шагать по штреку. Наверно, скоро бетономешалка... Не за неё ли зацепился шланг?

Не дойдя до бетономешалки метров пятнадцать, он остановился. Натянувшийся шланг не пускал его дальше. Словно кто-то в шутку, куда бы он ни шёл, хватал его за воротник.

— Миша! Почему молчите? Нашли? Половинкин!

— Чертовщина какая-то! К стволу не пускает... От ствола тоже... Ни тпру, ни ну!

— Здорово устали? Двигаться можете?

— Могу.

— Идите к стволу. Только медленно.

— Александр Николаевич, сколько времени я вожусь тут?

— Думайте о деле! — Голос Сулова стал злым. — Не отвлекайтесь! Вы держите всех!

Половинкин дёргает шланг, но тот не поддаётся.

Придётся идти к стволу. Другого выхода нет.

Хотелось верить в чудо: вот он пойдёт, пойдёт и пойдёт вперёд, туда, к ребятам, к стволу, к воздуху.

...Когда шланг натянулся в четвёртый раз, водолаза охватило отчаяние — не помня себя Половинкин что было силы обеими руками рванул шланг.

— Воздуха! — крикнул он. — Прибавьте воздуха!

Наверху молчали.

— Слышите меня? Почему молчите? Товарищ командир...

Ответа не было.

— Всё ясно! — сказал Сулов. — Он оборвал кабель. Соедините с Лопанцевым!

Лопанцев топтался на месте, энергично размахивая руками, чтобы хоть немного согреться: пока работал, вся одежда пропиталась потом, а теперь пробирала дрожь. Получив команду выходить, он зашагал по тому же пути, по которому недавно ушёл Половинкин.

Когда Лопанцев перелез через бетономешалку и перетащил через неё шланг, Сулов приказал ему остановиться.

— Слушайте внимательно! Михаил зацепился и не смог выйти. Он находится между вами и поворотом. Связи с ним нет: очевидно, оборвался кабель. Шланг Половинкина зацепился не у стены. Вы должны ему помочь.

— Понял, — ответил Лопанцев. — Иду вперёд.

Он двинулся дальше. Время от времени останавливался, подтягивая шланг, и снова медленно шагал вперёд, широко раскинув руки. Он не прошёл и двенадцати метров, как запястьем ударился о какой-то колеблющийся предмет. Он протянул другую руку и нащупал толстую цепь, свисавшую с потолка. Скользнув по цепи вниз, рука наткнулась на клубок, висящий на ней.

— Шланги!

...Когда-то на этом месте была временная перемычка. Потом штрек ушёл дальше, перемычку разобрали, а цепь от забытых талей, которыми снимали дверь, так и осталась висеть. По счастливой случайности до сих пор все водолазы шли к перемычке и обратно с какой-нибудь одной стороны цепи. А сегодня Половинкину не повезло. Он зацепился за тали и запутал шланг.

Лопанцев схватился обеими руками за цепь и попытался выдернуть её. Не тут-то было!

Тогда, держась за шланг, идущий от цепи, он быстро, чуть не бегом, двинулся вперёд и через несколько минут наткнулся на Половинкина.

Они сдвинули шлемы вплотную, и наверху, на площадке, все услышали в паузах между радостным гудением лопанцевского баса невнятное бормотание Половинкина.

— Приступаем! — доложил Лопанцев.

...Попробуйте с завязанными глазами распутать узел — это не так-то просто, особенно в резиновых перчатках с одним пальцем. А здесь не верёвка, а тяжёлая резиновая труба, на конце которой обессилевший человек.

Семьдесят четыре минуты водил Лопанцев товарища взад и вперёд по штреку, распутывая шланг. Семьдесят четыре минуты молчали все, находившиеся на площадке, прислушиваясь к тяжёлому дыханию водолаза.

На семьдесят пятой минуте динамик прохрипел:

— Пусть Писака помогает. Выходит Половинкин.

— Один есть! — тихо сказал Суслов.

Минут через десять двинулся вслед и Лопанцев.

Он тоже еле переставлял ноги. И галоши, и шлем, и грузы — всё казалось необыкновенно тяжёлым.

Наконец он нащупал рукой поворот. Где-то тут должен быть Писака.

— Нахожусь у поворота! — доложил Лопанцев и вытянул правую руку вперёд.

— Хорошо! — услышал он голос врача Коржавина. — Как самочувствие?

— А что? — В бодром, почти весёлом голосе врача он уловил нечто, заставившее его насторожиться.

— Ладно, известно, какое у него самочувствие, — вмешался далёкий, но твёрдый голос Сулова. — Вот что, Саша, Андрей тоже запутался!

Андрей Писака запутался давно. Ещё Половинкин и Лопанцев работали у перемычки, когда Егорова, стоявшего у первого поворота, послали ему на помощь. Егоров нащупал шланг Писаки, каким-то образом проскочивший за толстую рудничную стойку и зажатый между ней и стальной трубой водоотлива. Два часа бился Егоров, пытаясь освободить шланг, но вернулся, так и не сумев этого сделать.

— Решайте сами, Лопанцев, — продолжал Александр Николаевич. — Мы послали за Хлестаковым и Кривоштой. Сейчас разденут Половинкина — один скафандр освободится.

Сулов напряжённо вслушивается. Он не имеет права торопить с ответом. Ответа нет. Только прерывистое дыхание доносится из динамика.

— Выходите! — решает Сулов.

— Встретился с Андреем, — отвечает динамик, — соедините нас.

Проходит десять минут... двадцать... тридцать... сорок.

Утопая в иле, ползает Лопанцев вокруг бревна, защемившего шланг, и пытается найти щель, по которой этот шланг проник туда. Писака, чтобы не запутать шланга товарища, стоит неподвижно, прижавшись к стенке.

Проходит пятьдесят минут.

Лопанцев поднимается, обхватывает стойку руками и пробует раскачать.

Семьдесят минут...

— Надо выходить! — медленно говорит Сулов. — Слышите? Сейчас спустим Хлестакова.

Лопанцев, собрав остаток сил, в ярости бьёт свинцовой подошвой по стойке.

Стойка наклоняется, и конец её всплывает вверх. Шланг свободен!..

Лопанцев вышел последним. Когда с него сняли шлем, его голова бессильно упала на грудь.

В. этот день Александр Лопанцев пробыл под водой тринадцать часов двадцать шесть минут.

У каждого человека бывает в жизни свой сотый горизонт. Только у одного это тёмный штрек в глубине земли, у другого — кабина самолёта, у третьего — бескрайняя степь... И тогда, чтобы исполнить свой

долг перед людьми, надо забыть о себе и думать только о них, и твёрдо верить, что они на твоём месте поступили бы так же, как ты.

Ещё не раз и не два спускались водолазы в чёрную пропасть затопленного ствола. В конце концов, перемычка была закрыта. Загудели насосы, и вода до последней капли была изгнана из шахты!

...Разъехались участники работ в разные концы нашей Родины. Некоторые уже демобилизовались и уехали в родные места. Другие продолжают службу во флоте. Поднимает затопленные корабли черноморец Батманов, опускается на дно Волги сталинградец Лопанцев, работает на подмосковном заводе Егоров, ткёт ковры в Буковине Половинкин. А от эстакад Кальинского рудника день и ночь отходят составы. На год раньше срока начал давать руду сотый горизонт, на котором работали водолазы из отряда Сулова.

...В крыльях туполевских самолётов, и в светлых оконных переплётах «Детского мира» в Москве, и в тысячах, десятках тысяч других больших и маленьких вещей, приносящих радость советским людям, живёт лёгкий и прочный металл, выплавленный из кальинского боксита.

Следы ведут... **В КОСМОС?**

Достигнутые за последние годы колоссальные успехи науки и техники неизмеримо увеличили власть человека над природой. Вместе с этим они открыли широкий простор мечтам научных фантастов, позволили ещё смелее ставить проблемы, связанные с будущим, и выдвигать предположения, касающиеся прошлого нашей планеты.

С увлекательными гипотезами выступают не только литераторы, работающие в научно-фантастическом жанре, но и сами учёные.

Читателям «Литературной газеты» будет, вероятно, небезынтересно познакомиться с одной из таких гипотез, которая стоит на грани между смелой догадкой учёного и научной фантастикой.

Теперь, после великих достижений советской науки, открывшей человечеству путь в космос, уже никто не сомневается в возможности полёта человека к далёким мирам. Поскольку наша населённая людьми Земля не может быть исключением в бесконечной и вечной Вселенной, — нет сомнений и в том что обитатели далёких миров тоже могут овладеть вершинами науки и совершать космические полёты. Опираясь на эти очевидные для современного человека истины, советский учёный, кандидат физико-математических наук М. М. Агрест выдвинул

гипотезу о возможном посещении Земли космонавтами в отдалённом прошлом.

Следы предполагаемых космонавтов можно искать среди известных на Земле предметов, происхождение которых до настоящего времени остаётся неразгаданным, и древнейших преданий разных народов. Несомненный интерес, по мнению автора гипотезы, могут представить, например, следующие факты.

ТЕКТИТЫ. Среди различных загадок природы одной из самых таинственных считаются тектиты — стекловидные образования, найденные в виде отдельных скоплений на земной поверхности, в частности, в Ливийской пустыне. В тектитах обнаружены радиоактивные изотопы алюминия и бериллия. Радиоактивные изотопы — своего рода метрика, свидетельство о рождении. В данном случае они свидетельствуют о том, что тектиты родились не раньше миллиона лет назад в условиях очень высокой температуры и мощных радиоактивных излучений.

Было предпринято много попыток объяснить природу этих загадочных образований. Ни одна из этих попыток не привела, однако, к объяснению многих особенностей тектитов, и в частности, их концентрации на отдельных участках поверхности Земли.

А не могло ли быть так? — спрашивает автор гипотезы. — Гигантский корабль из далёких областей космоса приблизился к Земле. В межзвёздном пространстве он двигался со скоростью, близкой к скорости света, но на расстоянии около 40 тысяч километров от Земли убавил скорость до 3 километров в секунду и, выключив двигатели, повис над нашей планетой как искусственный спутник с периодом обращения, равным одним суткам. Такое положение позволяло кораблю не тратить энергии двигателей и продолжительное время находиться над одним и тем же районом земного шара. С этой позиции космонавты исследовали атмосферу и поверхность Земли при помощи специальных снарядов — зондов и после выбора подходящего места для посадки спустились на Землю. Не являются ли тектиты следами падения на Землю снарядов-зондов?

БААЛЬБЕКСКАЯ ВЕРАНДА. Среди сооружений, воздвигнутых в глубокой древности, одним из самых загадочных считается Баальбекская веранда — расположенная в горах Антиливана площадка из гигантских каменных плит. Самая большая плита имеет длину более двадцати метров и весит не менее двух миллионов килограммов. Никто ещё не дал точного ответа на вопрос: когда, как и с какой целью было воздвигнуто это невиданное сооружение?

А не могло ли быть так? — Для того, чтобы с Земли, как с базы, совершать полёты на другие планеты Солнечной системы, а также на основной корабль, который мог оставаться искусственным спутником Земли, космонавтам пришлось построить ракетодомы и другие специальные сооружения. Не является ли Баальбекская веранда остатком од-

ной из воздвигнутых космонавтами стартовых площадок? Между прочим, она расположена сравнительно недалеко от Ливийской пустыни...

СВИТКИ МЁРТВОГО МОРЯ. Историки давно уже установили, что древние памятники письменности, очищенные от религиозных и сказочных наслоений, могут содержать ценные сведения о подлинно происходивших в древности событиях. Свитки Мёртвого моря представляют особый интерес, поскольку они найдены в районе, примыкающем к Антиливану. Среди рукописей, лежавших в глиняных кувшинах, были обнаружены самые древние тексты начальных частей Библии, переписанные более двух тысяч лет назад и представляющие копии ещё более древних записей. Известно, что древнееврейские жрецы при составлении Библии внесли в неё самые старинные памятники письменности, сохранившиеся к тому времени. В легендах, которые содержатся в первых главах Библии, есть упоминание о существах, явившихся с неба на Землю, и о людях, взятых с Земли на небо: «Упавшие (с неба) были на Земле в днях тех и даже после того, как приходили (упавшие) сыны бога...», «И водился Енох с богом и не стало его, ибо взял его бог».

Внимание современного человека, знакомого с открытиями ядерной физики, не может не привлечь и описание гибели городов Содома и Гоморры. Перед катастрофой, согласно преданию, к местному жителю Лоту пришли посланцы и сказали: «Убег ради спасения твоего, не гляди назад, не останавливайся на всей равнине этой, во внутрь горы убег, дабы не зачехнуть тебе». Далее говорится: «...Вот возшёл столб дыма земли, как столб дыма из горна... И дождил Содом и Гоморру серой и огнём... И уничтожил города эти, и всю равнину, и всех жителей городов, и растения земли... И оглянулась жена его (Лота) позади него и обратилась в столб соли... И ушёл Лот из Цоар и поселился в горе, ибо боялся осесть в Цоаре...»

Изложенное современным языком, это предание выглядело бы примерно так. Людям рекомендовали покинуть район будущего взрыва, не останавливаться на открытой местности, не наблюдать за развитием взрыва, укрыться за толстым слоем земли. Происшедший затем взрыв сопровождался образованием характерного столба дыма и поднятой породы, произвёл большие разрушения, уничтожил всю растительность и оставшихся на месте людей. Те из убежавших, кто оглянулся, ослепли и погибли. Те, кто спасся во временных укрытиях неподалёку от места взрыва, потом были вынуждены уйти в отдалённые пещеры.

Предания можно, разумеется, толковать по-разному. Но не могло ли быть и так? — Высадившиеся космонавты, обладая неизмеримо более высокой культурой и мощью, чем тогдашние жители Земли, были приняты ими за богов, — подобно тому, как сотни лет назад были приняты индейцами за богов первые испанцы, появившиеся в Перу. Позднее космонавты покинули Землю, — а вместе с ними улетел «сын Земли». Не взорвали ли перед отлётом гости из космоса излишки запасён-

ного ими ядерного горючего, заблаговременно предупредив окружающее население, чтобы оно не пострадало от атомного взрыва? Не эти ли поразившие людей события отразились в преданиях народов, населявших некогда район Мёртвого моря?

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ОТКРЫТИЯ. Давно уже замечено, что некоторые сведения о небесных телах непонятным образом становились известны ещё тогда, когда не было инструментов, при помощи которых такие сведения можно получить. К примеру, Джонатан Свифт описал основные особенности спутников Марса за 150 лет до того, как спутники были открыты. Они имеют такую маленькую величину и расположены так близко от планеты, что их можно наблюдать только в сильные телескопы, каких во времена Свифта ещё не было.

А не могло ли быть так? — Во время пребывания на Земле космонавты пытались передать людям свои знания. Но эти знания при чрезвычайно низкой культуре и слабо развитой технике тогдашнего человеческого общества было чрезвычайно трудно применить, поэтому они не могли быть прочными. Единственное исключение составляли некоторые сведения по астрономии, потому что даже наиболее примитивным кочевым племенам нужно уметь ориентироваться по светилам. Астрономические сведения люди тщательно хранили с самой глубокой древности. Поэтому именно сведения по астрономии, сообщённые космонавтами, могли иметь наибольшие шансы сохраниться. Не объясняются ли «открытие» Свифта и другие аналогичные факты отголосками сведений, почерпнутых людьми от жителей других миров?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, а также на вопросы о природе тектитов и Баальбекской веранды, о первоисточниках некоторых древних легенд, нужны совместные исследования историков древней культуры, археологов, геологов, физиков, радиохимиков. Может быть, учёные скажут: ни одна из этих загадок не связана с посещением Земли нашими братьями из космоса — и назовут десятки новых загадочных объектов для исследований. И в этом случае усилия учёных не будут потрачены даром — множество ныне загадочных явлений получит своё объяснение...

*Валентин РИЧ, Михаил ЧЕРНЕНКО
(«Литературная газета», 9 февраля 1960 г.)*

БИБЛИОТЕКА БИБЛИОТЕКА БИБЛИОТЕКА БИБЛИОТЕКА

ОСТАНОВКА НЕМЫСЛИМА

Человек живёт на перекрёстке бесконечностей. «В одну сторону» бесконечно простирается мир молекул, атомов, атомных ядер, ядерных частиц. «В другую сторону» — мир звёзд, галактик, метagalactic.

Но «в обе стороны» бесконечное пространство — это ещё не всё. Бесконечна и четвёртая координата мира — время, и тоже в обе стороны, на этот раз уже без кавычек.

Но и это ещё не всё — есть ещё и пятая координата, правда, она относится только к миру людей — координата познания. И она тоже бесконечна. В одну сторону — бесконечное невежество, в другую — бесконечная мудрость.

Определение «ученье — свет» звучит в наши дни банально. В недавно вышедшей книге¹ мне встретилась современная формулировка: «Познание подобно световому кванту. Родившись, оно должно нестись сквозь века. Остановка немислима».

В книге этой подробно и точно, на уровне самых современных теорий и самых новых гипотез рассказано о микромире (до наименьших известных ныне расстояний в 10^{-14} сантиметра); и о макромире (до самых больших ныне известных расстояний в 10^{28} сантиметра); и о самом малом обнаруженном пока промежутке времени — 10^{-24} секунды; и о самом большом — 10^{18} секунд.

Но самое интересное в книге — рассказ о том, как человек шёл, идёт и будет бесконечно идти в глубь бесконечного мира.

Несколько цитат.

Фалес (640–550 до н. э.):

«Начало всех вещей — вода, из воды всё происходит и всё возвращается к воде».

Анаксагор (500–428 до н. э.): «Греки ошибочно предполагают, что будто что-либо начинается и прекращается; ничто не возникает вновь и не уничтожается; всё сводится к сочетанию или разъединению вещей, существовавших от века. Вернее было бы признать возникновение сочетанием, а прекращение - разъединением».

Аристотель (384–322 до н. э.): «Движение есть осуществление существующего в возможности».

Лукреций (98–55 до н. э.): «Платье сыреет всегда, а на солнце вяся, оно сохнет; видеть, однако, нельзя, как влага на нём оседает, как и не видно того, как она исчезает от зноя. Значит, дробится вода на такие мельчайшие части, что не доступны они совершенно для нашего глаза».

¹ Е. И. Парнов. На перекрёстке бесконечностей. М., Атомиздат, 1967.

Аверроэс (1126–1198): «Аристотель положил начало и конец всем наукам... Бог допустил его достигнуть венца всякого совершенства».

Роджер Бэкон (1214–1294): «У нас имеется три средства познания: авторитет, мышление и опыт. Авторитет ничего не стоит, если утверждение его не может быть обосновано; авторитет не учит, он требует только согласия. При мышлении мы обыкновенно отличаем софизм от доказательства, проверяя его опытом».

Не продолжаем дальше. Чем ближе к нам, тем более известны веки науки. Но даже приведённых высказываний достаточно, чтобы заметить «синусоидальность» полёта светового кванта познания. Закономерна она или случайна? Если закономерна, то каковы причины этой закономерности? Свойства ли они человеческого ума? Или, может быть, — следствия социальных условий?

Мы не получим прямого ответа на эти вопросы. Автор не подвергает их логическому анализу... И, тем не менее, читая книгу, трудно не задуматься над ними. Ибо история познания изобилует драмами и трагедиями — и не только идей.

Вот, например, одна из историй, рассказанных автором.

Однажды летом 1925 года учёные Германии и Австрии получили письмо: «Выбор надо сделать сейчас, быть с нами или против нас. В то время как Гитлер очистит политику, Ганс Гербигер сметёт лживые науки. Доктрина вечного льда будет знаком возрождения немецкого народа. Берегитесь! Вставайте в наши ряды, пока ещё не слишком поздно».

За письмом появились три тома с изложением «доктрины». За ними — сорок популярных книг, несколько сот брошюр и многотиражный журнал «Ключ мировых событий», из которых стало известно, что «главный вопрос любой научной деятельности — знать, кто хочет знать», что «объективная наука есть изобретение вредное, она — тотем упадка», что наука — дело пророков. «Вы доверяете уравнениям, а не мне! — гневно писал Гербигер. — Сколько времени нам надо потратить на то, чтобы увериться в том, что математика — ложь, не имеющая никакой ценности?».

Между прочим, надпись на воротах академии Платона (429–347 до н. э.) гласила: «Никто не сведущий в математике да не входит в этот дом». Вероятно, помнящим это и многое другое немцам нелегко было согласиться с «доктриной», по которой нынешний мир произошёл в результате столкновения некоего суперсолнца с гигантской ледяной планетой, Млечный путь есть кольцо изо льда, солнечные пятна — следы от ледяных осколков Юпитера, Луна скоро взорвётся, наступит всемирный потоп, уцелевшие люди превратятся в гигантов и так далее...

Против «малOVEROV» у Гербигера нашлись и такие веские аргументы: «Наши нордические предки окрепли в снегах и льдах, — сооб-

щалось в его листовке, — вот почему вера во всемирный лёд является естественным наследием нордического человека».

После прихода к власти Гитлера «доктрину» Гербигера, возведённого фашистами в сан «Коперника XX века», признали даже такие известные немецкие учёные, как Ленард.

Вот такая история произошла сравнительно недавно на земле Эйнштейна и Планка.

Вероятно, присоединение большинства современных деятелей науки к прогрессивным общественным силам мира, ведущим сейчас тяжёлую борьбу против сил реакции, связано не только с высокой политической сознательностью и нравственностью учёных, но и с необходимостью как-то противостоять деформирующему давлению «поля реакции» на «световой квант познания».

Автор книги — советский писатель-фантаст и популяризатор науки Е. И. Парнов — по образованию и по основному роду своих занятий химик, многие её страницы посвящены вопросам «чисто химическим», что делает её ещё более интересной для читателей нашего журнала.

ГИПОТЕЗЫ ГИПОТЕЗЫ ГИПОТЕЗЫ ВОДОРОДНЫЙ ЗВЕЗДОЛЁТ

Настоящие ракеты и космические корабли движет пока что обыкновенная химическая энергия топлива, которое сжигается в двигателях.

В фантастических романах источник энергии, как правило, иной — вещество и антивещество. Они аннигилируют, превращаясь в энергию целиком и полностью, и фотонная ракета летит себе к звёздам.

За неимением антивещества появляются, однако, и другие проекты. Вот один из них, он предложен американским физиком Ф. Дайсоном². Для межзвёздных рейсов предлагается воспользоваться энергией

² «Physics Today», 1968, октябрь. Автор довольно широко известен в нашей стране по так называемой «сфере Дайсона», о которой несколько лет назад писали многие научно-популярные издания. Развивая идею Циолковского о «звёздных городах», Дайсон предположил, что любая развитая цивилизация в погоне за энергетическими ресурсами захочет использовать всю энергию своей звезды и для этого построит вокруг неё отражающую непрозрачную оболочку.

неуправляемого термоядерного синтеза. Проще говоря, водородными бомбами. Они дают, правда, в сто с лишним раз меньше энергии, чем аннигиляция, но это всё же в миллионы раз больше, чем при химическом топливе.

Схема всего устройства не очень сложна (см. рисунок). Термоядерные взрывы происходят в хвостовой части корабля, в фокусе массивной полусферы. Она выполняет двойную роль: защищает корабль от излучения и передаёт ему толчок от взрыва. Чем чаще взрывы будут подталкивать корабль, тем большую скорость он разовьёт. К сожалению, получается, что очень коротким этот интервал быть не может, потому что после каждого взрыва потребуется какое-то время на охлаждение полусферы. Иначе корабль просто расплавится.

Если соорудить полусферический «буфер» радиусом в 10 километров и покрыть его вогнутую поверхность слоем меди толщиной в 1 миллиметр, то он рассеет тепло от взрыва мегатонной бомбы за 100 секунд.

Через сто секунд можно уже взрывать следующую бомбу...

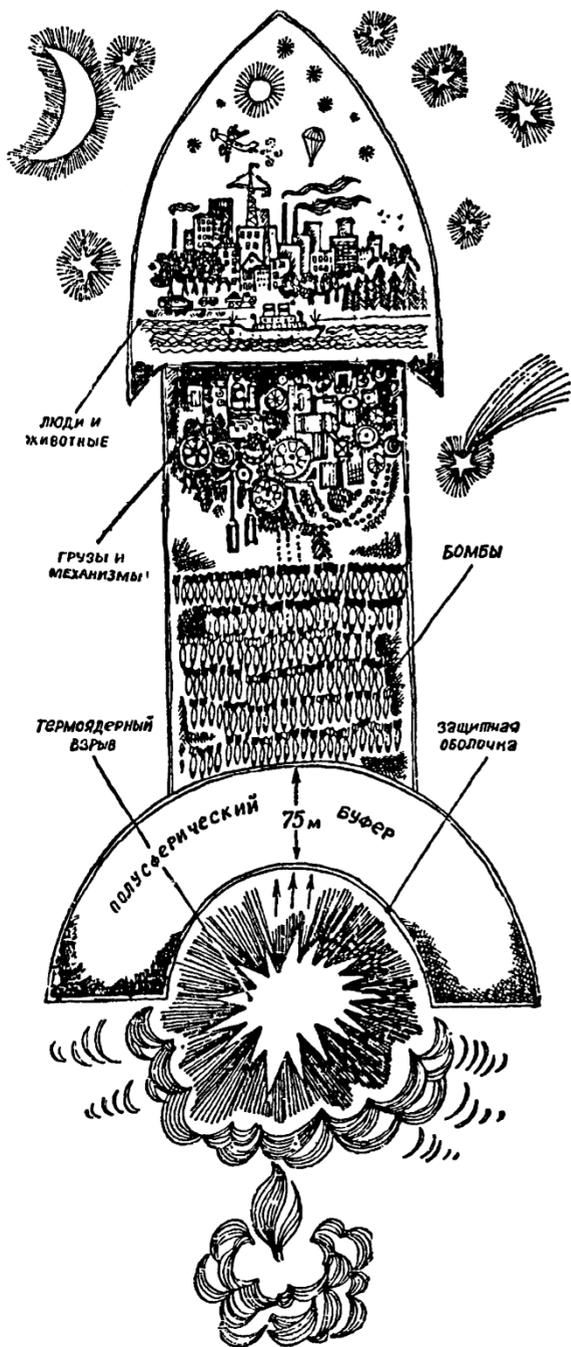
Дайсон подсчитал, что при таком режиме пассажиры будут чувствовать себя вполне прилично, почти не ощущая никаких толчков. Неудобство кроется в другом: одной меди для буфера понадобится 5 000 000 тонн, а всё сооружение будет, естественно, гораздо тяжелее...

От меди, таким образом, пришлось бы отказаться, заменив её более лёгким искусственным материалом. Таким, например, каким защищают от перегрева в атмосфере возвращающиеся на Землю космические аппараты.

Если тепло от взрывов не рассеивать, а расходовать на испарение защитных оболочек, то интервал между взрывами можно будет сократить — он будет зависеть только от толщины «буфера» и его упругих свойств. У Дайсона получилось, что если эта толщина будет 75 метров, то взрывы могут происходить каждые три секунды. Ускорение корабля будет при этом всего 1g — пассажиры испытают примерно те же ощущения, что и парашютист, совершающий затяжной прыжок. (Правда, парашютист падает всего несколько минут, а пассажирам придётся терпеть в таком положении десять дней.)

Такой корабль будет весить только полмиллиона тонн и обойдётся, по расчётам автора проекта, не больше чем в сотню миллиардов долларов — всего в тысячу раз дороже нынешнего «Аполлона».

Всё же Дайсон считает, что никто не пойдёт на такие расходы ранее, чем через двести лет.

Между прочим, будущим пассажирам водородного звездолёта трудно рассчитывать на то, что им самим удастся побеседовать с жителями иных миров: скорость будет не больше 10 000 километров в секунду, и за сто лет они пролетят всего один парсек, или чуть больше трёх световых лет. Между тем до самой близкой звезды, в созвездии Центавра, — четыре с лишним световых года. Впрочем, кто знает, быть может, столетие для людей XXII века вовсе не будет возрастным пределом...

Но дать возможность навестить братьев по разуму хотя бы своим внукам — тоже дело заманчивое. Не менее заманчиво и то, что звездолёт унёс бы с Земли много водородных бомб. Так что хотелось бы полететь к звёздам пораньше. Хотя бы для того, чтобы слово «водород» перестало вызывать мрачные ассоциации.

Схема межзвёздного корабля, приводимого в движение термоядерными взрывами (по Ф. Дайсону)

*Рисунок
Б. АКУЛИНИЧЕВА*

БЫСТРЫМ ДВИЖЕНИЕМ ОН ВЫНУЛ ИЗ КАРМАНА...

«На полках и где попало поблёскивали бесчисленные бутылки и пузырьки. Всюду стояли низкие широкие столы, густо уставленные ретортами, пробирками и бунзеновскими горелками с трепещущими язычками синего пламени. Лаборатория пустовала, и лишь в дальнем углу, пригнувшись к столу, с чем-то сосредоточенно возился какой-то молодой человек. Услышав шаги, он оглянулся и вскочил с места...»

Артур Конан Дойль. «Этюд в багровых тонах»

«Можно с уверенностью сказать, что знание химии имеет для следователей большое практическое значение. Судебная химия должна стать полноправным предметом в ряду изучаемых в юридических вузах дисциплин».

Из доклада на 2-й Всесоюзной конференции следователей

Конечно, иногда можно и без химии.

Например, в «Знаке четырёх» знаменитый сыщик обошёлся без реторт и бунзеновских горелок. «Быстрым движением он вынул из кармана лупу и сантиметр и, приблизив свой острый тонкий нос к самой обшивке, стал внимательно изучать каждый миллиметр...»

В принципе так же поступил и следователь Абдрахманов из Казахстана, расследуя дело о краже двух коз у гражданина Б. Только следователь Абдрахманов «быстрым движением вынул из кармана» не лупу, а фотоаппарат и тщательно сфото-

графировал место происшествия. Затем, уже в спокойной обстановке, в кабинете, он «стал внимательно изучать каждый миллиметр» — в данном случае не обшивки, а плёнки. И на одном из этих миллиметров обнаружил нечто, смахивающее на петлю от поясного ремня. Это его очень заинтересовало, потому что у подозреваемого в краже гражданина на поясе от пальто не хватало как раз такой петли. Повторный осмотр места происшествия выявил эту петлю уже в натуре, после чего криминалистическая экспертиза подтвердила полную идентичность материала петли, найденной у опустевшего сарая, и пояса подозреваемого...

И получается, что наш пример неудачен. Ведь следователь Абдрахманов прибёг к помощи химии, и притом дважды. В первый раз — используя фотографию. Во второй раз — обратившись к криминалистической экспертизе, при которой делался и химический анализ образцов ткани.

Трудно, почти невозможно, найти дело, где бы представитель прославленной профессии следопытов «быстрым движением» не вынул бы «из кармана» что-нибудь, непосредственно относящееся к сфере наук, представленных на страницах нашего журнала.

Во всяком случае, на состоявшейся недавно в Ленинграде и уже упомянутой 2-й Всесоюзной конференции следователей, посвящённой применению в криминалистике достижений современной науки и техники, в докладе начальника следственного управления МВД СССР С. В. Мурашова и сообщениях с мест о таких делах речи не шло. А шла речь вот, например, о каких.

...ТОЖЕ ГРАМОТНЫЙ С.

«Преступники теперь тоже грамотные, читают детективы, смотрят кино, а там эти самые отпечатки — на каждом шагу».

Из доклада на 2-й Всесоюзной конференции следователей

Судя по всему, С. читал детективы очень внимательно и кино смотрел регулярно.

Во всяком случае, первое, что он сделал, выйдя из заключения, — это сменил профессию. А именно: из специалиста по квартирным кражам он переквалифицировался в специалиста по вскрытию несгораемых шкафов.

Второе, что сделал «тоже грамотный» С., — это приехал в Г-ую область и там прописался, перестав, таким образом, быть подозрительной личностью без определённого места жительства.

А вскоре для уголовного розыска настала жаркая пора. Каждый раз, выехав на место происшествия, оперативные работники обнаруживали вполне квалифицированно вскрытый сейф и не обнаруживали ни малейшего отпечатка пальцев.

Все обстоятельства как будто свидетельствовали, что преступник — местный житель. И вместе с тем подобных «специалистов» здесь вроде бы раньше не водилось.

В конце концов, решили расставить на угрожаемых участках специальные устройства, именуемые химловушками. Эти ловушки приводит в действие, разумеется незаметно для себя, сам преступник во время кражи, и они «метят шельму». Проще говоря, окрашивают его лицо, руки, одежду неким ярким веществом, которое бросается в глаза окружающим и нелегко смывается.

С. совершил очередной набег на несгораемые шкафы. То ли он окончательно обнаглел, то ли, наоборот, почуял неладное и решил заканчивать свои дела в Г-ой области, но в ту ночь он ознакомился с содержимым ещё четырёх сейфов и, сложив деньги и отмычки в чемодан, направился на вокзал. Там его утром и обнаружили в разукрашенном виде.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ГОРОДА К-ВА

«По их взволнованные и утомлённым лицам легко было догадаться, что их привело сюда спешное и чрезвычайно важное дело. Худые, с просвечивающими венами руки премьера судорожно сжимали костяную ручку зонтика... Ми-

нистр по европейским делам нервно тербил усы и перебирал брелоки на цепочке часов.

— Как только я обнаружил пропажу, мистер Холмс..., я немедленно известил премьер-министра, и он предложил, чтобы мы оба пришли к вам».

Артур Конан Дойль. «Второе пятно»

Несмотря на безусловное отсутствие в городе К-ве должности министра по европейским делам, несмотря на отсутствие в этом городе премьер-министра с его зонтиком, сложившаяся там ситуация чем-то напоминала описанную Конан Дойлем. Вероятно, тем, что в обоих случаях пропала бросала пятно на множество людей.

В городе К-ве всё началось с одного, в принципе прогрессивного, мероприятия: полторы сотни городских автобусов перешли на работу без кондуктора.

Результаты этого мероприятия оказались неожиданными. Вместо прогресса экономического обнаружился явный упадок: выручка на автобусах без кондукторов упала ровно вдвое. О прогрессе моральном — от повышения чувства ответственности пассажиров — нечего было и говорить: число билетов, оторванных пассажирами в порядке самообслуживания, катастрофически не соответствовало числу и достоинству монет, поступающих в банк из касс автобусов.

В среднем за сутки это несоответствие выражалось в сумме 200-300 рублей на каждый автобус. Получалось, что в городе К-ве в автобусах ездят сплошные жулики — по пять тысяч жуликов в день.

Думать так было для граждан города К-ва оскорблением. Но для того чтобы иметь твёрдое основание думать иначе, нужно было схватить за руку виновников утечки денег, честно опускаемых в автобусные кассы пассажирами.

Работники милиции города взяли под наблюдение тех, кто мог так или иначе иметь касательство к кассам: шофёров, водящих автобусы; кассетосъёмщиц, вынимающих после прибытия автобусов в гараж кассеты с деньгами и доставляющих эти кассеты в специальное помещение, которое тут же опечатывается; кассиров, которые наутро вскрывают кассеты, подсчитывают выручку и сдают её инкассаторам.

Наблюдения ничего не дали.

Время шло. И постепенно у Виктора Александровича Жигалова, начальника городского следственного отделения МВД, стали накапливаться сведения, имеющие отношение к этому делу.

Например, некоторые горожане обратили внимание на такой факт: кассиры автохозяйства после работы, не заходя домой, как правило, идут по магазинам и за все покупки расплачиваются разменной монетой.

Или ещё: получая зарплату всего 60-65 рублей, кассиры тем не менее отказывались пойти работать кондукторами (на самообслужива-

ние были переведены не все автобусы), хотя зарплата кондукторов достигает 100-110 рублей.

Но косвенные данные — всё же не прямое доказательство. Вот если бы удалось найти у кассиров монеты, брошенные в кассы... Но как это сделать? Даже узнав, что у кого-то очень много разменной монеты, как доказать, что эти монеты — «те самые»?

И вот однажды в отдел внутренних дел города К-ва пригласили комсомольцев-дружинников, в основном студентов из Политехнического и Педагогического институтов. С несколькими из них работники милиции сходили в банк и получили там 70 рублей двадцатикопеечными монетами. (Почему именно двадцатикопеечными? Потому, что двугривенный в определённом смысле оптимален: он дороже остальной мелочи и вместе с тем не так редок, как полтинник.) Затем каждую монету поместили специальным карандашом — нанесли на неё почти незаметный значок — крестик на обе стороны, и на «орла», и на «решку».

Затем дружинники разобрали деньги и разъехались по городу.

Вскоре в каждой автобусной кассе оказалось по десятку меченых монет.

Как всегда, после смены автобусы уехали в гараж. Как всегда, кассетосъёмщицы вынули из касс кассеты и отнесли их в положенное место. Как всегда, наутро пришли кассиры, распечатали комнату, высыпали из кассет деньги, подсчитали их, сдали инкассатору и вышли из гаража.

И тут произошло отступление от заведённого порядка. Вместо того, чтобы отправиться за покупками, кассиры в любезно предоставленных дружинниками автомашинах отправились к следователю. Как и ожидал Жигалов, все кассиры оказались при деньгах, в основном — при «оптимальных» двугривенных.

— Откуда деньги? — спрашивал следователь.

— Свои! — отвечал кассир.

Тогда Виктор Александрович включал совсем безобидную на вид настольную лампочку с конусовидным колпачком, придвигал поближе к свету монеты, и тотчас на них вспыхивали яркие кресты. Как огненные письма «мене — текел — фарес» на стенке дворца библейского царя Вальтасара.

Возможно, похитители двугривенных не знали, что такое люминофор, и не смогли бы объяснить, почему он светится. Но то, что их поймали с поличным, они поняли сразу.

Прошло немного времени, и на экранах телевизоров граждане города К-ва увидели груды монет, извлечённых из пудовых «захоронок» и возвращённых в казну.

Так не без помощи химии удалось реабилитировать целый город.

В. РИЧ,

специальный корреспондент «Химии и жизни»

Рисунки О. АЙЗМАНА

ВРЕМЯ ПРИШЛО

(предисловие к рассказу Р. Бредбери «Тот, кто ждёт»)

Мир идей подобен насыщенному раствору. Назревшие идеи кристаллизуются, выпадают, приобретают материальную форму: в науке они становятся законами и формулами, в руках инженера — машинами, в искусстве — картинами, музыкой, рассказами. У этих процессов своя кинетика: кристаллы материализованных идей чаще всего выпадают лишь тогда, когда пришло их время; но раз время пришло, они выпадают непременно. Вряд ли рассказ Рея Бредбери «Тот, кто ждёт», как и многие другие его тревожные вещи, мог появиться до того, как атомный гриб Хиросимы навис гигантским вопросительным знаком над будущим человечества. И до того, как первый человек шагнул за пределы своей планеты навстречу неведомым формам жизни. И до того, как были изучены вирусы, а на страницах газет замелькали слова «бактериологическая война»...

«Люди, я любил вас — будьте бдительны!» — предупреждал Юлиус Фучик. В сущности, Бредбери говорит о том же.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

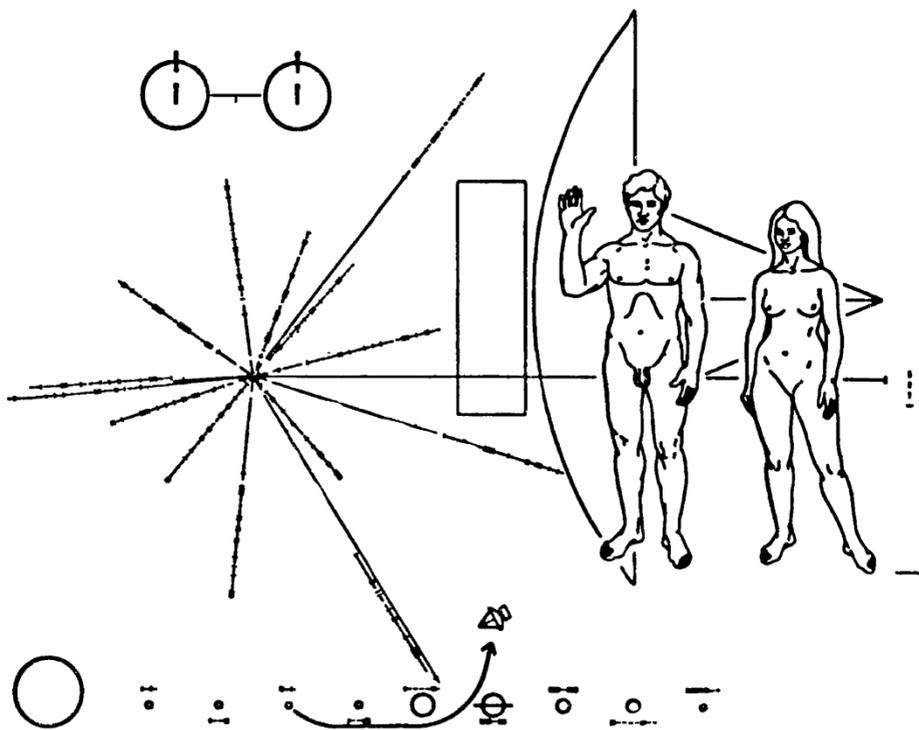
Перед нами письмо, адресованное обитателям других миров.

Ещё недавно шли дискуссии о том, каким должно быть такое послание, шли споры о том, надо ли вообще обнаруживать своё присутствие. Не лучше ли затаиться на своей окраине Галактики, избегая каких бы то ни было контактов, как это практиковали порою иные царства в богатой опытом истории человечества.

Но теперь под этими дискуссиями, под этими спорами подведена черта. Посланный 3 марта 1972 г. в сторону Юпитера американский космический аппарат «Пионер-10», скорость которого под действием гравитационного поля гигантской планеты должна превысить третью космическую, через несколько лет унесёт за пределы Солнечной системы, в межзвёздные просторы первое письмо.

Внешне оно напоминает пиктограммы каменного века, но по смыслу походит на них не больше, чем спутник — на бумеранг. На маленькой алюминиевой пластинке уместилось многое: представители биологического вида, отправившего письмо; обратный адрес — планеты Солнечной системы и Солнце в окружении ближайших пульсаров; атом водорода, длина волны которого (21 сантиметр) принята за единицу масштаба; контур космического аппарата и траектория его полёта; наконец, — может быть, это самое главное — доброе чувство к неведомому адресату, выраженное в приветственном жесте человека.

...Итак, первое письмо отправлено. Каким будет ответ, и вообще — будет ли он?

Фотография таблички-письма. Её любезно предоставил «Химии и жизни» научно-популярный журнал АН СССР «Земля и Вселенная». В четвёртом номере этого журнала (он выходит раз в два месяца) будет напечатана статья о программе полёта межпланетной станции «Пионер-10».

В наш космический век, когда многое обретает новый смысл, по-новому, куда оптимистичней, чем прежде, звучит старая поговорка: поживём — увидим!

В. РИЧ, М. АБРАМОВ

ЭТО БЫЛА ТОЛЬКО ОДНА ЧАСТЬ

(послесловие к повести С. Гансовского «Часть этого мира»)

Мы разделяем надежду героя новой повести Севера Гансовского «Часть этого мира», с которой он покидает её страницы, пытаясь вырваться из всех мыслимых и немыслимых кругов ада, где техника давно вышла из-под контроля разума, где поезда и эскалаторы идут в никуда, где бессмысленная технология самостроится дальше, а человек не только потерял право принимать решения самостоятельно, но уже и не знает толком про себя самого — он это, или, строго говоря, не он...

Мы уверены, что окончательного оглупления человека из-за сверхразвития им же порождённой техники не произойдёт. Что соединятся «гений Искусства и гений Техники», как их называет в последних строчках повести её герой, которому — что греха таить — иногда просто не хватает политической грамотности.

«...Опасно не знание, а то, как хотят им распорядиться определённые лица. К сожалению, эти лица часто преуспевают в своих намерениях», — так ответил недавно известный английский химик профессор Роберт Робинсон на вопрос «Литературной газеты»: «Не может ли быстрое развитие науки привести к каким-либо отрицательным последствиям?».

Гансовский показал нам ту часть мира, в которой «эти лица» весьма и весьма «преуспели в своих намерениях». Но даже там ни Машинная, ни Силовая, ни Надзор, ни Внутренняя стража, ни электроды в голове, никакое самое изощённое насилие не смогли уничтожить в людях чувства справедливости и стремления к свободе.

Но есть и ещё одно фундаментальное основание для оптимистического взгляда на развитие цивилизации. Человечество знает, что в реальном мире существует и другая его часть, и в ней идеалы разума и могучая техника не расстаются: они шествуют рука об руку. В этой — нашей части мира революция научно-техническая и революция социальная неразделимы.

Наверное, говорить о научно-технической революции, не включая в это понятие такую важнейшую для человечества область знания, как научный коммунизм, неправомерно вообще.

Больше блага, чем зла

(послесловие к рассказу Р. Брэдбери, «Я пою электрическое тело»)

«Заинтересовано ли человечество в дальнейшем раскрытии секретов природы, достаточно ли оно созрело для того, чтобы с пользой применять полученные знания, не могут ли они повлиять отрицательно на будущее человечества?.. Я отношусь к числу тех, кто думает, что человечество извлечёт из новых открытий больше блага, чем зла».

Это было сказано Пьером Кюри в речи, произнесённой им при получении Нобелевской премии «за выдающиеся исследования в области радиоактивности».

С тех пор прошли семьдесят два года, заполненных множеством событий, и немало из них было тесно связано с научными открытиями Кюри и его современников, положившими начало использованию ядерной энергии и созданию ракетной техники. И нам теперь доподлинно известно и то благо, и то зло, которое извлекло из этих открытий человечество.

Однако мы не воспринимаем историю как сумму событий, мы воспринимаем её как стрелу, как вектор. И в этом главное наше знание.

На заре цивилизации люди создали образ человечества, замученного своими открытиями — прикованного к скале Прометея, которого терзает коршун. Образ такой же силы, прославляющий счастье, которое наука несёт человечеству, по-видимому, ещё не создан. Но то, что на страницы фантастики Рэя Брэдбери, сменив травящих человека электронных псов из «451° по Фаренгейту», вышла Электрическая Бабушка, вышла машина, производящая добро, — это хороший признак.

Само собой очевидно, что мы — граждане социалистического общества — убеждены: да, человечество извлечёт из новых открытий больше блага, чем зла. То, что эту нашу уверенность разделяет сегодня один из ведущих фантастов Америки, весьма симптоматично.

Скажи, что ты сделал...

(послесловие к повести К. Булычёва «Журавль в руках»)

Новая повесть Кира Булычёва как бы обрывается на полуслове: мы так и не узнаем, останется ли в живых лесник Сергей Иванович — человек, на всю жизнь сохранивший солдатскую готовность взвалить на себя чужую беду, и какой будет судьба других персонажей, и даже — наяву или во сне всё это происходило. Закончен ещё один научно-фантастический эксперимент и теперь можно попробовать истолковать его результаты.

Как же всё-таки быть, когда тебе наперёд, как господу богу, известна безнадежность попыток подправлять пальцем стрелки отстаю-

щих часов? Ведь и в самом деле — «в одиночку и даже вдесятером не изменить морали и судеб этой горы». Так-то оно так — но, в отличие от небожителей, человек не может быть лишь субъектом действия: как сказал однажды Гёте, «субъект это объект и ещё что-то». И вообще на односторонние действия природой наложен запрет, возможны лишь взаимодействия — взаимодействуют молекулы, взаимодействуют галактики, взаимодействуют люди. И вот симпатичный, интеллигентный «охотник на СЭП», для которого, однако, великое «быть или не быть» чуть было не съёжилось до масштабов «менять или не менять место службы», в одиночку бросается на штурм горы и — становится другим человеком. Отныне он уже не согласится на синицу в руки, отныне ему нужен будет журавль, всегда и во всём.

Скажи, что ты сделал — и я скажу, чем ты стал...

Книги

Вселенная по Кесареву

Похоже, что назревают драматические события в одной из основополагающих наук о природе, а именно в науке или, точнее, в комплексе наук о происхождении и развитии отдельных небесных тел и Вселенной в целом. Не об этом ли свидетельствует увеличивающееся с каждым годом число загадок, которые не укладываются в рамки сегодняшних представлений? Появились квазизвёздные объекты, квазары — с их непонятно громадной, при сравнительно небольших размерах, энергией излучения. Не появились предсказанные теорией потоки солнечных нейтрино. Появились масконы — непонятные скопления тяжёлого вещества в недрах Луны. Не появились водяные пары на Венере. И так далее.

Но не только эти трудности наталкивают на мысль о назревающих драматических событиях, на неё наталкивает и всё большее число всё более «безумных» идей, предлагаемых взамен старых или вдобавок к ним. Разумеется, чаще всего они направлены на разгадку отдельных загадок. Например, отсутствие потока солнечных нейтрино объясняют тем, что нейтрино распадаются на пути от Солнца к Земле. Или наличие масконов — тем, что некогда огромные метеориты пробили лунную кору, и теперь они образуют под ней гравитационные аномалии.

Однако начинают возникать и такие идеи, которые пытаются разрешить накопившиеся вопросы одним ударом — как Александр Македонский разрубил Гордиев узел. Такая именно попытка предпринята

доктором химических наук, профессором Василием Владимировичем Кесаревым в только что вышедшей книге «Эволюция вещества во вселенной» (Москва, «Атомиздат», 1976, 184 стр., тираж 13 700 экз.).

Сравнение с историей про Гордиев узел сделано не для красного словца — В.В. Кесарев предлагает разрешить многочисленные накопившиеся трудности именно одним ударом — отказавшись от «центральной догмы» нынешней космогонии, заключающейся в том, что наша Вселенная объявлена водородной, на 98% состоящей из одного этого элемента.

Как же так? Разве спектроскопы, нацеленные на звёзды, в том числе и на наше Солнце, не зафиксировали совершенно точно именно такой их состав?

Нет, отвечает В. В. Кесарев, спектроскопы зафиксировали такой состав — но не звёзд, не Солнца, а всего лишь их атмосфер: почему же непременно мы должны экстраполировать эти данные на всю массу небесного тела? И предлагает принять за основу следующий тезис: все небесные тела — кометы, планеты, звёзды — различаются лишь своими массами, а возникли они из одинакового по составу первичного вещества, в принципе того самого, из которого состоит наша Земля, а также другие небесные тела, до которых мы дотянулись, — Луна, Венера, Марс. И конечно, метеориты, сотни которых изучены в лабораториях самым доскональным образом. То есть не только Земля, но и вся Вселенная состоит главным образом из железа, кислорода, кремния, магния, алюминия, кальция, щелочных металлов, углерода — и водорода тоже, примерно 2% по весу.

С этим трудно освоиться, но, освоившись, нетрудно принять главное и вполне очевидное следствие основного тезиса: если Вселенная не одноэлементна, а многоэлементна, значит в ней на равных правах с законами физики должны властвовать законы химии, значит она не только физическая, но и химическая, значит её формируют не только гравитация, не только ядерный синтез и распад, но и химические реакции — формируют капитально, а не так, кое-где и кое-что.

Именно энергия химических превращений, а не только энергия гравитации, формирует — согласно гипотезе В. В. Кесарева — гигантские космические тела, разогревает их сперва до таких температур, чтобы произошла дифференциация на оболочки с разным вещественным составом, а затем и до таких, чтобы в той оболочке, где сосредоточился водород, началась термоядерная реакция. И та же энергия химических превращений вносит существенный вклад в разогрев и дифференциацию первичного вещества космических тел меньшей массы, планет, — вплоть до образования биосферы там, где позволяют условия.

«Первичное планетное вещество, — пишет В. В. Кесарев, — можно рассматривать как двухкомпонентное топливо. В нём гидриды металлов играют роль горючего, перекиси металлов — роль окислителя, окислы кремния, алюминия, магния — роль дефлегматоров, а карбиды и

нитриды металлов выступают в качестве иницирующих добавок к топливу...

При обычных условиях твёрдые компоненты не взаимодействуют друг с другом, но если они оказываются на глубинах космических тел при высоких температурах и давлениях, порождаемых энергией гравитации, то становятся способными взаимодействовать и обеспечивать течение глубинных химических процессов...

Все явления, наблюдаемые на поверхности планет, — тектогенез коры, вулканическая деятельность, изменения общих планетных показателей (плотности, магнетизма и т. п. — В. Р.), разрушение самих тел — порождаются внутренней активностью, связанной с течением глубинных химических процессов...

Первичное планетное вещество в своём неизменном виде может находиться в нижней мантии Земли, продукты же его распада формируют выше и ниже лежащие зоны и сферы...»

Разумеется, пока всё это лишь гипотеза, но многие трудные факты она объясняет, не прибегая к маловероятным и даже вообще не укладывающимся в границы известных законов природы предположениям. Скажем, масконы — это, по Кесареву, просто остатки не прореагировавшего в лунных недрах первичного вещества, естественно, более плотного, чем вещество выплавившейся из него коры.

Так же просто объясняется отсутствие ожидаемого потока солнечных нейтрино: если Солнце состоит не из сплошного водорода с небольшой примесью гелия, если водорода в нём и с самого начала-то было всего 2% (а сколько выгорело за миллиарды лет!), то расчёты, в соответствии с которыми должен был появиться нейтринный поток, следует считать недействительными.

А вот, например, как объясняется отсутствие водяных паров на Венере. В условиях этой планеты вода, образовавшаяся в результате глубинных реакций между дигидридами и перекисями, распалась на водород и кислород. Водород уходил в верхнюю часть атмосферы и в космос, а кислород окислял поступающие из недр метан и аммиак, образуя углекислый газ и двуокись азота.

Наиболее актуальные для нас следствия, вытекающие из новой космогонической гипотезы, относятся, пожалуй, к строению и функционированию нашей Земли. Если профессор В. В. Кесарев прав, то мы живём на планете, в недрах которой сохраняется лишь сорок процентов первоначального химического топлива. По мнению автора книги, этих сорока процентов хватит приблизительно на миллиард лет. Например, с водой так: за всё время существования Земли в результате глубинных химических реакций воды возникло столько, что из неё могли бы образоваться 29 нынешних мировых океанов, а из той, что возникнет в дальнейшем, — только 18.

Ещё не вечер — но уже и не утренняя заря...

«Что случится, если ничего не случится...»

(послесловие к «Экстелопедии Вестранда» С. Лема)

Мы знали Лема «Соляриса» и «Маски», знали Лема «Суммы технологии». И вот ещё один, новый для нас Лем — автор «Экстелопедии Вестранда», автор книги «Мнимая величина».

«Экстелопедия Вестранда» — со всеми этими «магнетомами», «пантусексами» и «вероятностями виртуализации» попеременно с «весьма выгодным чеком» и «малым баром» — может показаться простой пародией на квазинаучную западную рекламу. Но не так уж прост тот истинный повод, по которому она написана. Речь идёт о деле настолько серьёзном, что в пору припомнить если не «он звонит по тебе» Хемингуэя, то уж во всяком случае, гоголевское «над кем смеётся».

...Однажды в почтенном собрании обсуждался вопрос государственной важности о начале работы по составлению долгосрочного научного прогноза. Не успел ещё докладчик сойти с трибуны, как раздался звонкий голос академика Петра Леонидовича Капицы:

— Помнится, перед войной тоже составлялся прогноз. И по тому прогнозу главным пунктом значилось поднятие к.п.д. паровоза до одиннадцати с половиной процентов...

А потом в кулуарах собрания можно было услышать такую историю. В некотором научном учреждении попросили сотрудников составить пятилетние планы своей работы. Все представили, кроме физика Н. Директор вызвал Н. и сообщил ему, что, мол, все сроки прошли, где же наш план? «Минутку!», — сказал Н., вырвал из блокнота листок и написал: «Первый год — закрытие Первого Начала термодинамики. Второй год — закрытие Второго Начала термодинамики. Третий год — открытие Третьего Начала термодинамики».

Но паровоз — паровозом, закрытие Начала — закрытием, а есть ведь ещё и жизнь со своими потребностями. И с этим нельзя не считаться.

В Институте социологических исследований Академии наук СССР существует отдел прогнозирования. В Международной Социологической Ассоциации существует Комитет по исследованию будущего. Несколько лет назад издательством «Прогресс» в Москве выпущена книга «Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов». Работы Римского клуба по созданию глобальных моделей будущего биосферы Земли привлекли внимание сотен тысяч людей во всех странах мира.

Прогнозирование становится неотъемлемой частью трудовой деятельности человечества.

И знаменитая Пифия могла, конечно, ошибаться, но её ошибки вели к последствиям, соразмерным производительным силам трёхтысячелетней давности. А ответственность современного учёного за свой прогноз куда выше. Ведь, в конечном счёте, прогнозирование переходит в планирование, планирование — в строительство. Неверный прогноз может привести, в лучшем случае, к омертвлению гигантских трудовых ресурсов. А оптимальный приводит к оптимальной эффективности производства всех материальных, да и духовных благ.

И всё же — как быть с к.п.д. паровоза? Как быть с тем, что «солью Будущего является именно то, о чём эксперты полагают, что оно вовсе быть не может»? Как сделать, чтобы эксперты вводили в свои прогнозы некий коэффициент для этой «соли»? И каким он должен быть?

Разумеется, нелепо требовать ответов на такие вопросы от художника. Ответы ищут специалисты-футурологи, специалисты-науковеды, специалисты в области многих конкретных наук. Между прочим, некоторые соображения на сей счёт содержатся и в «Химии и жизни», например, в статье члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Моисеева «Путешественники в одной лодке» (№ 9 за этот год).

Но есть, кажется, одна общая обнадеживающая тенденция в наше время, тенденция, возникшая, вероятно, из глубинных потребностей эпохи и, по всей видимости, способствующая увеличению эффективности всей интеллектуальной деятельности. Это тенденция к сближению наук и искусств, к взаимообогащению их методами, свойственными тому и другому способам постижения действительности и получению благодаря этому новых, синергических, эффектов.

Недаром Пифия была безумной. Там, где недостаёт фактов для построения безупречной логической цепочки, единственной помощи разум может ждать от аналогии, метафоры, интуиции. Разве не строится вся техника сегодняшнего дня на фундаменте атомной гипотезы, выдвинутой Левкиппом и Демокритом ещё во времена полудикаких футурологов-пифий, за две с половиной тысячи лет до изобретения спинтарископа и камеры Вильсона?..

Игрушки для взрослых

(послесловие к рассказу Р. Брэдбери «Наказание без вины»)

Читая новеллу Рэя Брэдбери «Наказание без вины» («Punishment Without Crime»), задаёшь себе один вопрос за другим. Что хотел сказать писатель? В самом заголовке заключён как бы двойной смысл. Наказана кукла и наказан человек, её наказавший. Кукла, естественно, ни в чём не виновата. Человек — по крайней мере формально — тоже не виноват. Или всё же виноват?

В этом заголовке можно усмотреть намёк на Достоевского, однако первые страницы рассказа заставляют вспомнить не Раскольникова, а нечто другое — мальчика для битья у Марка Твена или даже совсем не выдуманную японскую куклу, изображающую мастера. Стоит этот «мастер» где-нибудь на видном месте, у входа в цех, и каждый рабочий, которого обидел настоящий мастер, может подойти к манекену и отвести душу, избив его всласть дубиной. Кукла — громоотвод! Блестящая идея.

Но зачем же тогда понадобилось Брэдбери превращать дубинку в пистолет, зачем он заменил поролоновую куклу для битья живой куклой для убийства? Уж не хотят ли нас, в самом деле, убедить, что мы должны отвечать за судьбу того, что мы создаём, именно потому, что создания наши стали слишком походить на живую, естественную действительность?

Человек растерянно следит за тем, как растут не по дням, а по часам детища его разума, творения его рук. Технические игрушки, всякие ковры-самолёты и скатерти-самобранки, перестали забавлять. Дитя выросло, и вместе с ним чудовищно повзрослели его куклы. Никогда ещё человеческая мысль — мысль учёного, инженера, изобретателя — не была столь могущественной. Мы слышим вокруг — весомой ценностью становятся патенты, лицензии, всяческие «know how». Мы слышим — великой преобразующей силой стала наука. Мысль стремительно обрастает плотью — она может стать панацеей, может стать и нейтронной бомбой. Если человек творит по своему образу и подобию бога, то ведь можно смастерить и дьявола.

Конечно, художественное произведение — не учёный трактат. Оно допускает множество толкований, и у разных людей может возбудить самые разные вопросы. Например, о нормах этики в общении разума с его искусственным подобием. И уж тогда не уйти от главной проблемы — о границах ответственности человека: вряд ли рукотворный разум заставит себя ждать бесконечно, раз уже создан искусственный ген.

Фантастика

ближнего боя

(послесловие к рассказу Дж. Блиша «День статистика»)

Злоба дня тяготеет над всеми. О чём бы ни писал фантаст, он пишет о сегодняшнем дне. И, тем не менее, чаще всего мы встречаемся с фантастикой дальнего боя, когда события развёртываются в далёком будущем или далёком прошлом и к тому же нередко в далёких мирах. Но встречаются в фантастике и сюжеты, не отделённые от нас сколько-нибудь существенным пространственно-временным промежутком, и самое это обстоятельство уже придаёт им особую актуальность. К такого рода произведениям относится и предлагаемый вашему вниманию рассказ.

Не какая-то галактика 012-бис, не какой-то V век Эпохи Эпигонства, — наша старушка Земля («между Лондоном и Редингом»), наше время (точнее, 90-е годы XX столетия). И проблемы сегодняшние: демографический взрыв, угроза голода, необходимость планирования экономики. Да и методы решения проблем, в общем-то, не выдуманы автором, по всей вероятности в патенте ему было бы отказано...

Мы — не первые. Конфликт между ограниченностью насущных ресурсов и стихийным исполнением наставления свыше «плодитесь и размножайтесь» извечен. Извечны и попытки решить этот конфликт на путях отказа от человечности. Конечно, главным методом всегда была война. Но и кроме войны тут было немало чего напридумано. Губили старцев. Топили малышей. Стерилизовали «неполноценных». Устраивали освенцимы.

По сравнению с этим все придуманные автором действия агента службы «Контроля над народонаселением» могут показаться чуть ли не респектабельными. Но бесчеловечие есть бесчеловечие, людоедство есть людоедство — под какой бы личиной оно ни проявлялось.

Человек неприкосновенен! В этом пафос рассказа «День статистика», рассказа не такого уж, к сожалению, фантастического, написанного нашим современником английским писателем Джеймсом Блишем.

Не в луне дело

(послесловие к рассказу М. Лейнстера «Замочная скважина»)

Тому, кто склонен требовать от литературы, даже фантастической, непременно правдоподобия деталей, публикация на страницах сегодняшнего журнала повествования о встрече людей с лунными жителями покажется непропорциональной. Времена Уэллса ушли безвозвратно, на пыльных тропинках естественного спутника Земли оставлены многочисленные следы земных приборов и самих землян, и кто теперь не знает, что ни разумных, ни даже неразумных обитателей на Луне, к сожалению нет.

Правда, американский фантаст Мэррей Лейнстер написал «Замочную скважину» в 1951 году, за восемь лет до первого полёта на Луну нашей автоматической межпланетной станции. Но дело даже не в этом. Недаром московское издательство «Прогресс» включило рассказ Лейнстера в сборник, вышедший (на английском языке) менее года назад. Читатель, который ценит в литературе не внешнее правдоподобие, но истинную правду характеров, глубину идейного и нравственного содержания, убедится в том, что за все эти годы рассказ Лейнстера не только не устарел, но, напротив, стал ещё актуальнее. Ибо речь в нём идёт о бесперспективности попыток решать проблемы сосуществования разумных существ с позиции силы. И ещё, пожалуй, о том, что есть лишь один способ сохранить в себе человека: для этого нужно не терять способности видеть человека в другом, пусть даже совсем непохожем.

Отзыв — «Ответственность»!

(послесловие к рассказу А. Азимова «Окончательный ответ»)

Разумеется, Меррей Темплтон не был ни единственным, ни тем более первым.

«...Тьма. Сразу же непроглядная тьма! Я понял, что я умер. Я почувствовал, что куда-то нырнул, и догадался, что птицей взлетаю в воздух... Во второй половине дня мы заметили слабый свет с ост-норд-оста примерно на два румба от ветра...»

И старый морской волк капитан Бен Стромфилд из Фриско тоже, конечно, не был первым литературным персонажем, командированным на небеса для прояснения некоторых земных обстоятельств.

Айзек Азимов — не сатирик, он — фантаст, учёный, пропагандист и популяризатор научных знаний. Зачем понадобилось ему посылать своего героя на «тот свет»? Затем, чтобы поиронизировать над некоей современной трактовкой ветхозаветной души как «определённой конфигурации электромагнитных волн, организованных таким образом, что все связи в этой системе в точности имитируют структуру нашего

мозга»? Или, может быть, чтобы ещё раз повторить многократно уже повторённую идею о бессмертии истинных талантов? Или чтобы ещё раз высказать мысль о непреходящей ценности бренного бытия?

И то, и другое, и третье характерно для современного научного мировоззрения.

А ещё характерна для него едва ли не самая важная из мыслей, подвигнувших писателя на создание только что прочитанного вами рассказа.

Ради чего трудится учёный? Ради чего напрягает свой мозг? Ради чего добывает новые знания о мире, в котором живёт?

Теперь, когда новые научные знания способны вызывать к жизни несравнимо более мощные, чем прежде, средства воздействия на природу и человека, поиски новой информации уже не могут быть «игрой в бисер». И если «Любознательность» продолжает и сегодня оставаться паролем в научных играх, то отзывом везде и повсюду должна стать «Ответственность».

Земля и её обитатели

Вторая жизнь мамонта, или Откуда у Горыныча хобот

Хобот, вытянутый в длину придаток на передней части тела различной формы и назначения (орган обоняния, сосания, защиты, нападения).

Малая Советская Энциклопедия

...Подвиг Добрыни не случаен, но внутренне обусловлен и подготовлен. Однако во внешней завязке это не выражено, и создаётся впечатление, что здесь выпало какое-то звено.

Б. П. ПУТИЛОВ.

Русский и южнославянский героический эпос

1.

Если вы — любитель фантастики, то, вероятно, помните рассказ Бредбери «И грянул гром» — о том, как некий путешественник во времени попал в меловой период и по неосторожности раздавил мотылька. Из-за этого, казалось бы, ничтожного происшествия через много миллионов лет на президентских выборах победил фашиствующий кандидат. Конечно, притча, но только ли притча?

Никогда ещё, пожалуй, не всматривался человек с таким вниманием, как сегодня, с такой болью в уходящий от него мир живой природы. Никогда ещё такое множество людей не пыталось понять, что означает для цивилизации потеря того или иного вида живых существ, обитающих на планете или уже исчезнувших, как бабочка Бредбери.

Но, может быть, это лишь своего рода ностальгия, естественная, однако не слишком основательная — вроде печали по поводу утраты райских куц? Вот ведь не в меловом периоде, а сравнительно недавно ушли из жизни человека (и не без его помощи) не какие-то там мотыльки, а великаны-мамонты. А где ж их следы в памяти людской, сохраняющей самые важные для цивилизации эпизоды — открытие огня, появление скотоводства и земледелия, возникновение астрономии и металлургии?.. И если даже такой наш «меньший брат», как мамонт, не смог оставить свой след в человеческой культуре, то стоит ли волноваться из-за уничтожения какой-нибудь там стеллеровой коровы, а тем более вырубленной реликтовой рощи?..

Стоит! Ибо, как справедливо подмечено в одной хорошей песне, «ничто на земле не проходит бесследно». Только не всегда эти следы

легко и просто открываются нашему взору. Так, по-видимому, получилось и с мамонтами. Информация, накопленная нашими далёкими предками в течение нескольких тысячелетий совместного проживания с мамонтами, претерпела множество трансформаций и теперь стала практически неузнаваемой. Между тем нет, вероятно, ни одного человека, который ни разу не встретился с этой информацией — хотя бы в детстве, когда входил в прекрасный и таинственный мир русской народной сказки.

2.

Непосредственное отношение к мамонтовой теме может иметь один из самых ярких сказочных сюжетов — о борьбе богатыря с неким чудищем. Своими корнями этот сюжет уходит в очень глубокие слои народной памяти. И многие подробности соответствующих сказок и былин (кстати, нередко опускаемые авторами пересказов для детей) ныне совершенно непонятны.

Вот, например, сказка «Иван Быкович» из знаменитого собрания А. Н. Афанасьева: «Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живёт...»

Что за мост такой — из калины? Ведь калина — не дуб, не сосна, ствол у неё в руку толщиной, а то и в палец...

Читаем дальше: «Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо девятиглавое».

Выезжает — значит, всадник...

«Как махнёт богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал».

Что, право, за странный способ сражаться у этого чуда-юда?..

«Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассёк на мелкие части».

А на мелкие-то части зачем?..

Возьмём другую сказку с тем же сюжетом — «Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, а усы на семь верст»:

«Приехали они к огненной реке, через реку мост лежит».

Теперь и река стала непонятной — огненной...

«Приехал к нему двенадцатиглавый змей».

Всадник оказывается змеем...

В третьей сказке — «Буря-богатырь Иван коровий сын» появляются новые обстоятельства:

«Море всколыхнулось — лезет чудо-юдо, мосальская губа».

Супротивник выходит прямо из огненного моря, а самой выдающейся — во всех смыслах — его особенностью оказывается какая-то губа...

Впрочем, насчёт губы можно кое-что почерпнуть из других вариантов рассказа о том же событии, например из былины «Добрыня купался — змей унёс»:

«Налетел на ево Змей Горынчишиа,

А хочет Добрыню огнём спалить,

Огнём спалить, хоботом ушибить».

Вот мы, кажется, и добрались до цели...

3.

Сейчас мосты сооружают в основном из стали и бетона. Но, конечно, ещё немало и деревянных мостов из крепких брёвен — сосновых, еловых, лиственничных, берёзовых. Перечень древесных пород, разумеется, можно продолжить. Но сколь бы длинным и полным он ни стал, уж какое дерево в него бы не вошло нипочём — так это калина. Потому что не делают из калины брёвен, как не делают их, например, из малины. Значит, мост из калины — чистая фантазия? Нет. Калиновый

мост — вещь реальная, только это не мост в обычном понимании, а нечто иное.

Раскроем «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля на слове «Мост» и прочтём: «Мост м. помост, стилка, стлань, накат, всякого рода сплошная настилка из досок, брёвен, брусьев...». Итак, ещё в прошлом веке этим словом обозначали гораздо больший круг предметов, чем ныне, и в том числе настил.

О каких же настилах могла идти речь в каменном веке? В те времена люди собирали дикорастущие съедобные растения, охотились. Чем крупней добытый зверь, тем больше шансов спастись от голодной смерти. И первобытные охотники поджигали леса, огненной лавиной пожара гнали стада оленей, быков и других животных к обрывам. А где не было обрывов — к ловчим ямам, замаскированным настилами из тонких деревьев и веток. Стоп! Вот вам и «калиновый мост», под которым герой боролся с чудом-юдом. А заодно — и «огненная река», «огненное море».

И всё же почему именно мамонт? Только из-за хобота? Но ведь у лося, например, тоже имеется хоботок... Может, чудо-юдо — это лось? Почтение наших далёких предков к нему не подлежит сомнению — это животное даже на небо поместили: созвездие Большая медведица прежде именовалось «Лось»...

Однако лось, тем более попавший в ловчую яму, вряд ли мог произвести впечатление существа необыкновенного по силе и величине — зубр или тур больше и сильнее. А в сказках и былинах Змей Горыныч всегда предстаёт великаном — он не просто Змей, а «Змеище», не просто Горыныч, а «Горынычище». «В высоту-то он трёх сажень». «Ногами своими лес ломает; где пройдёт, всё повянет».

Да и само прозвище «Горыныч», возможно, означает великана. Правда, обычно это прозвище трактуют как «живущий на горе». Но почему бы не трактовать имя «Горыныч» как «Похожий на гору», «Зверь-гора»?

Из всех ныне живущих на земле животных эти определения подходят, пожалуй, только к слону. Рост его достигает пяти метров (это меньше трёх сажен, но больше двух), вес — четырёх тонн, да и конфигурацией слон походит на гору. Ещё больше слонов походил на гору мамонт, у которого был на спине мощный горб — хранилище запасённого за лето жира.

4.

К сожалению, последние мамонты ушли из жизни около 10.000 лет назад — таково бесстрастное свидетельство радиоуглеродного анализа, которому были подвергнуты туши из природных холодильников вечной мерзлоты. И хотя люди ледникового периода оставили много вещественных доказательств своего общения с мамонтом, можно ли предполагать, что информация об этом, передаваемая из поколения в поколение, способна сохраняться столь долго?

Можно. Двадцать лет назад археолог В. И. Бибикова, рассматривая поперечный срез мамонтовой кости, обратила внимание на разительное сходство её структуры с обычным в каменном веке ромбовидным орнаментом — такой узор встречается на предметах, изготовленных из кости, камня, глины. Этот орнаментальный мотив люди сохранили и при переходе из каменного века в бронзовый. И далее, вплоть до нашего времени, — он найден на русских вышивках.

Вывод, который сделали исследователи, парадоксален, но вероятен: резонно считая мамонта воплощением здоровья и силы, человек пытался с помощью «мамонтоподобной» татуировки, гравировки, росписи, вышивки прибавить себе здоровья и силы. Затем первоисточник был забыт, но орнамент, в который вкладывался всё тот же смысл, продолжал существовать.

Дольше всего «мамонтовым» орнаментом украшали постельное бельё, которое шло в приданое невесте — это должно было, очевидно, содействовать появлению здорового и сильного потомства.

5.

А теперь поговорим о хоботе. Казалось бы, о чём говорить? Хобот есть хобот. И раз Добрыня, или как там его звали в каменном веке, «Змею Горынычишшу глаза запорошил и два хобота ушиб», то, устранив преувеличения (свойственные, впрочем, охотникам всех эпох), мы обязаны признать в чудище мамонта, и всё тут.

Однако, к сожалению, дело осложняется именно из-за хобота. Это сегодня хобот ни с чем не спутаешь, а наши предки хоботом называли, например, змеиный хвост: «Обвивается лютый змей около хобота зелен сафьян, около чулочка шелкова, хоботом бьёт по белу стегну» (былина «Вольх (В) сеславьевич»). Или — окольный путь: «Он бегал,

скакал по чисту полю, хоботы метал по тёмным лесам» («Высота ли, высота поднебесная»). В. Даль, кроме этих значений, приводит ещё и более общее: «изгиб», «дуга».

Ну что тут сказать? Если признать хоботами, которые сшибал Добрыня, хвосты загнанных в ловчую яму зверей, то получается совершеннейшая чепуха, какого зверя ни вообрази. Разве что у крокодилов хвост служит мощным орудием, но где же в европейском лесу, да ещё в ледниковый период, взяться крокодилу?

И как тогда понять такие слова:

«Захочу — Добрыню теперь потоплю,

Захочу — Добрыню в хобота возьму...»

В хвосты никого не возьмёшь — взять можно либо настоящим мамонтовым хоботом, либо на бивни...

Кстати, есть как будто улика и в пользу наличия у чудища бивней. Та самая «мосальская губа», которая упоминается в сказке о Иване, коровьем сыне.

Вообще-то Мосальск — небольшой город, расположенный к западу от Калуги и основанный в XIII веке. Имя своё он получил от реки Мосалки, притока Угры. В сказку прилагательное «мосальский» попало, возможно, взамен какого-то другого, по звучанию сходного, но применительно к губе ставшего непонятным. Сходные по звучанию слова в русском языке производятся только от слова «мосол». Мослом называли (и сейчас иногда называют) длинную и толстую кость. И если до того, как «губа» стала «мосальской», она была «мосольной» или ещё какой-нибудь в том же духе, то речь, возможно, шла о такой губе, рядом с которой торчат мослы, то есть бивни.

6.

Всё хорошо, но каким образом наш мамонт превратился в змея, да ещё вдобавок очутился на коне? Давайте разберёмся и с этим.

Есть такая детская игра: тот, кто водит, садится на корточки, а остальные образуют хоровод и припевают:

«Сиди, сиди, Яша, под ореховым кустом.

Грызи, грызи, Яша, орешки калёные, милою дарёные.

Чок-чок, пятачок, вставай, Яша, дурачок.

Где твоя невеста? В чём она одета?

Как её зовут? И откуда привезут?»

Тут все разбегаются, а тот, кто водит, ловит «невесту». В мои детские времена вместо «милою дарёные» произносили «милому дарёные», а «невестой» мог быть и мальчишка. Интерес игры был в том, чтобы удрать от водящего.

В незамысловатой этой игре может показаться несколько странным имя, которым наделяется водящий. Почему не Ваня, не Вася, не Петя? Почему непременно Яша? Откуда он взялся?

А вот откуда. Сто лет назад, а точнее в 1871 году, был опубликован (в книге П. Бессонова «Белорусские песни») такой вариант той же игровой песенки:

*«Сядить ящер
У золотым кресле,
У ореховым кусте
Орешачке луце.
Жанитися хочу.
Возьми себе панну,
Котораю хочешь...»*

В отличие от никому не ведомого Яши Ящер (он же змей) — персонаж, хорошо известный специалистам-мифологам. Это «водяной», «хозяин воды», которому в древности почти все народы, занимавшиеся земледелием, приносили жертвы, чтобы в обмен (ты мне — я тебе) получить необходимый для урожая дождь или обильный паводок.

На более высокой ступени сознания люди создали легенды о героях, спасающих от лютого змея предназначенную ему жертву. Например, Никита Кожемяка спасает дочку киевского князя, а Георгий Победоносец — царскую дочь (кстати, греческое слово «георгос» означает «земледелец»). Змеборцем был Геракл, убивший Лернейскую Гидру; Зевс, победивший Тифона; Индра, одолевший дракона Вритру...

В общем, откуда взялся змей, науке известно.

Не составляет тайны и змеев конь — он появился в ещё более близкую к нам эпоху. Земледельцы-славяне, да и другие оседлые народы, вынуждены были отражать нападения кочевников, которые разоряли их до тла. Несущая смерть конная орда запечатлелась в народной памяти как мчащееся на коне многоголовое чудовище.

А в самом факте «мирного сосуществования» в одной сказке или былинке деталей разных эпох нет ничего необычного. Крупнейший знаток славянских эпических сказаний Б. Н. Путилов утверждал: «В эпосе образы разных исторических измерений живут рядом, в одном времени. Разные эпохи и исторические слои, разные степени сознания совмещаются в пределах одного сюжета или сюжетного цикла».

7.

В научной литературе идею о Горыныче-мамонте первым выдвинул академик Б. А. Рыбаков («Язычество древних славян». М.: Наука, 1981). Но ещё двести лет назад русский поэт Ипполит Фёдорович Богданович, автор поэмы «Душенька», из которой Пушкин взял известный эпиграф для «Руслана и Людмилы», написал удивительные строки:

*«О, Змей Горыныч, Чудо-Юда!
Ты сыт во всяки времена;
Ты ростом превзошёл слона,
Красою помрачил верблюда».*

Закроешь глаза — и видишь обросшую рыжей косматой шерстью гору, бредущую по перелескам...

У одной из народностей Сибири, юкагиров, потомков древнейшего коренного населения Северо-Восточной Азии, есть предание, что озёра в тундре — места лёжки мамонтов («турхукэнни» — «земляных коров»), а протоки между озёрами — мамонтовы тропы. Совсем немного не дотянул до нашего времени северный исполин. Но в преданиях, в былинах, в сказках он и сегодня живёт, среди нас.

Никто по земле не проходит бесследно...

В оформлении статьи использованы палеолитические рисунки, барельефы, фигурки из кости и камня, изображающие мамонта, а также фигурка Змея-Горыныча (сосуд) из Музея игрушки в Загорске — Скопинская керамика.

Что читать о мамонте

Татищев В. Н. Сказание о мамонте. — В кн.: Избранные произведения. Л.: Наука, 1979.

Верещагин Н. К. Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979.

Юрибейский мамонт. М.: Наука, 1982.

Шило Н. А. с соавторами. Киргилыхский мамонт. М.: Наука, 1983.

Шумилов Ю. Зачем человечеству мамонты? — Химия и жизнь, 1985, № 1.

Методика заглядывания за горизонт

(предисловие к «Лоции будущих открытий» Г. Гуревича)

В пока ещё не созданной «Всеобщей истории отечественного Сопротивления» одна из глав её, несомненно, будет посвящена послевоенной научной фантастике, почти в одиночку несколько десятилетий противостоявшей литературе соцреализма. Недаром с таким трудом пробивалась фантастика в издательские планы, недаром всегда шла нарасхват в научной среде, задыхавшейся от невозможности развивать многовариантное, альтернативное мышление, без которого живое древо науки превращается в мёртвый телеграфный столб.

В той главе, наряду с именами Ивана Ефремова, братьев Стругацких, Ариадны Громовой, Севера Гансовского, Анатолия Днепрова, Дмитрия Биленкина, Кира Булычёва и других борцов со всем и всяческим догматизмом, найдётся место и для Георгия Гуревича. Пафосом его творчества всегда было научное свободомыслие, любимым жанром — всегда была фантастическая гипотеза.

Впрочем, почему «была»? И сейчас остаётся — об этом непременно свидетельствует вышедшая в прошлом году в издательстве «Наука» новая его книжка. Она называется так: «Люция будущих открытий. Книга обо всём».

«Эта «Люция», — говорит сам автор, — написана о всяких открытиях, но больше об ожидаемых, о требующихся, необходимых, которым уже пришла пора. И желательно делать открытие поскорее. Не наугад и не сканируя всё подряд. Требуется разумный подход. Иными словами — Методика! Методика заглядывания за горизонт».

Если исходить из того, что всё гениальное просто, то через некоторое время, возможно, идею, положенную в основу «Люции», сочтут гениальной. Она так проста и универсальна, так идеально соответствует «бритве Оккама» — число методических сущностей здесь минимально возможное, единица. А именно: автор книги пытается построить Периодическую таблицу «всего» и путём интерполяций и экстраполяций обнаружить на кончике пера «всё», пока ещё не обнаруженное в натуре. В общем — идея менделеевской системы элементов, возведённая в абсолют.

Правда, из истории науки известно, что никакую систему невозможно построить, пока не набралась некая критическая масса фактов. А ещё известно, что как только она набралась, мысль о наличии системы приходит в голову практически одновременно разным людям. В случае с химическими элементами, например, эти люди хорошо известны — Менделеев, Лотар Мейер, Одлинг, Ньюлендс, Шанкуртуа. Нечто подобное на наших глазах происходило и происходит с системой элементарных частиц. О том же свидетельствует и столь частое присуждение Нобелевской премии сразу нескольким первооткрывателям.

Между тем что-то не слышно пока о появлении разных «систем всего». Не означает ли это, что до накопления «критмассы» знаний о природе ещё бесконечно далеко? Что человеческий разум находится ещё у самого подножия горы? Что соотношение между непознанным и познанным всё ещё близко к бесконечности и уже по одному этому попытки строить цивилизацию, опираясь только на религию разума, заводят в тупик?

Но мы несколько отвлеклись от «Люции». По свидетельству автора, «книга эта складывалась очень долго, не писалась, а росла почти сорок лет». И хотя единой «Таблицы всего», позволяющей предсказать наличие всех неизвестных нам в природе объектов и явлений, в «Люции» нет, в ней есть немало такого, что двигает мысль вперёд и, во всяком случае, способно пробудить новые мысли.

С этой целью мы и предоставляем вниманию читателей «Химии и жизни» фрагмент из новой книги Георгия Гуревича. Это тем более имеет смысл, что «Люцию» отыскать не так-то просто — она выпущена тиражом всего 20.000 экземпляров.

И снова в путь

(Послесловие к «Изгнанию»)

В середине августа 1992 года, когда воспоминания Матеса Менделевича Агреста были подготовлены к печати и нужно было согласовать с автором окончательный их текст, сделать это не представлялось возможным. Сухуми, в котором находился Агрест, превратился из мирного курортного города в поле боя и был практически отрезан от России. Так что легко представить себе радость редактора, когда в телефонной трубке вдруг раздался негромкий глуховатый голос Матеса Менделевича: «Здравствуйте, я в Москве...»

Мы — старые знакомые, с начала шестидесятых годов. Тогда Агрест выдвинул и попытался научно обосновать предположение о состоявшемся в древности посещении нашей родной планеты посланцами внесемной цивилизации. Чуть позже аналогичную гипотезу предложил американский астроном Карл Саган. Но, в отличие от американца, Матес Менделевич, хоть уже и не «пребывал на объекте», всё равно жил в строгом режиме, в частности он был лишён права выступать в печати без специального на то разрешения средмашевского начальства, а получить такое разрешение было далеко не просто. И его сочинение о палеоконтакте ходило по рукам в учёных кругах Москвы на правах самиздата. Мой друг и соавтор Михаил Борисович Черненко и я оказались теми первыми журналистами, которым удалось встретиться со строго засекреченным автором увлекательной научной гипотезы и поведать о ней миру. Наша статья «Следы ведут в космос», напечатанная в относительно либеральной «Литературке», тут же получила резкую отповедь «Комсомолки», разразившейся ответной статьёй — «Следы ведут в невежество». И пошло-поехало! Автор гипотезы стал героем дня. Не было в мире ни одной газеты, ни одной радиостанции, которая не сочла бы своим приятным долгом известить читателей, слушателей о давнем визите «пришельцев», о таинственных знаниях древних народов и Бальбекской веранде. Гипотеза Агреста-Сагана инициировала небывалую волну всеобщего интереса к космосу и к поискам внесемных цивилизаций — издавались книги, снимались фильмы, созывались конгрессы, радиотелескопы обшаривали Вселенную.

А что же сам инициатор всего этого научного и околонучного цунами? Он по-прежнему возглавлял теоротдел Сухумского физтеха. Ему по-прежнему запрещали выступать в открытой печати и появляться на открытых конференциях, даже отечественных, не говоря уж о зарубежных. И постепенно получилось так, что о родоначальнике сенсационной идеи забыли, а в памяти людской она связывается по преимуществу с достаточно далёкими от научной строгости «Воспоминаниями о будущем» Дэнникена...

Через час после раздавшегося в редакции неожиданного звонка я уже входил в распоряжение на третьем этаже «хрущобы» малогабаритную квартирку — временное пристанище сухумских беженцев. Комнаты были битком набиты стариками и детьми, пола почти не было видно — всюду горы чемоданов, баулов, сумок. Матес Менделевич, с никогда не сходящей с его лица спокойной улыбкой, провёл меня в единственный свободный от вещей закуток, внимательно прочёл рукопись и сделал несколько поправок. Потом рассказал о том, как бесчинствуют в Сухуми грузинские гвардейцы — чистая махновщина. Находившийся на городском вокзале наряд гвардейцев не разрешал грузить вещи в вагон до тех пор, пока семья не откупилась от них двадцатью пятью тысячами рублей. Впрочем, Матес Менделевич был далёк от того, чтобы относить такой грабёж на счёт национальных особенностей госсоветовской гвардии. На ту же сумму, и притом дважды, семью ограбили по прибытии в Москву — сперва аэропортовцы потребовали бакшиш за благополучную доставку груза от самолёта до выхода из аэропорта, а затем за дело взялись рекетиры с привокзальной площади, контролировавшие автомобильный транспорт.

«А сколько вам стоит эта квартира?» — спросил я. «Пятнадцать тысяч в месяц, такая сейчас цена в Москве, — ответил Матес Менделевич. — Но месяц мы вряд ли пробудем, — добавил он. — Через три дня, если достанем обещанные билеты, улетаем в Штаты, нам дали статус беженцев. Надеюсь, мне удастся там ещё немного поработать».

Матесу Менделевичу Агресту уже минуло семьдесят пять лет.

Утиная охота

Несчастный случай или загадка природы?

Ещё совсем недавно «Известия» были эталоном информационной доброкачественности. К величайшему сожалению, теперь в них то и дело появляются — как бы это помягче выразиться — несуразности. В том же номере от 23 июля 1994 года, о котором далее пойдёт речь, можно найти, например, фразу: «Ему удалось, как сообщает немецкая печать, синтезировать такой полимер, который способен излучать краски» — это про свет разного цвета, (с. 6). Мелочь? Конечно, мелочь, но раньше подобного практически не встречалось.

Теперь о крупном — о напечатанной на с. 8 той же газеты статье одного из штатных известинцев Сергея Лескова «Самовозгорание: несчастный случай или неразрешимая загадка природы?»

Уж, кажется, чего в нашем отечестве сегодня не наблюдается — так это дефицита всяческого дурмана, как допотопного, так и новомод-

ного: по радио предлагают объявления о лечении от порчи и сглаза, по телевидению пассажи очищают от нечисти наши квартиры. Вот и солидные «Известия» туда же. Читаем:

«19 июля в Москве случился загадочный пожар. В одной из квартир дома на Новопесчаной улице были обнаружены три обгоревших трупа. Мебель огонь не тронул, в квартире не было ни утечки газа, ни замыкания в электропроводке. Возможность самосожжения экспертами исключается. Высказывается странная с точки зрения науки версия о «самовозгорании»... Явление самовозгорания известно давно, но в нашей стране упоминалось лишь в закрытых отчётах... В мировой литературе описано множество случаев странного и неизменно ведущего к летальному исходу возгорания человеческого тела, которые не поддаются объяснению с точки зрения физических законов... Всерьёз изучал это явление английский писатель Чарльз Диккенс. Знаменитый химик фон Лебих, в свою очередь, отрицал явление самовозгорания — по той причине, что его непосредственным свидетелем никому стать не удалось... Со времён Лебиха самовозгоранием занималось немало специалистов, в чьей квалификации сомневаться не приходится... Возможно, наиболее просто укладывается в прокрустово ложе современной науки версия, которая базируется на наблюдении, что большинство случаев самовозгорания приходилось на пик солнечной активности... Однако это лишь ключ к загадке — причина возгорания остаётся столь же таинственной».

Оставим на совести автора этого сообщения «прокрустово ложе современной науки» — видимо, уничижительное отношение к научному фундаменту человеческой цивилизации кажется ему наиболее подходящим для того, чтобы читатели «Известий» смогли получить и в своей стране процветающую экономику. Обратим внимание на его уверенность в том, что «самовозгоранием занималось немало специалистов, в чьей квалификации сомневаться не приходится». Кто это отсутствие сомнений удостоверяет? Тот самый человек, который трижды на протяжении своей статьи упоминает «знаменитого химика фон Лебиха». Но ведь такого персонажа никогда на свете не было. А был известный каждому школьнику, во всяком случае, интересующемуся наукой, — Либах, немецкий профессор Юстус Либах. Надо думать, что даже Сергей Лесков знает, что продукты, которые он ест, состоят из белков, жиров и углеводов. Так вот — первым о таком составе пищи сказал Либах. Он же первым предложил применять в сельском хозяйстве минеральные удобрения.

Между прочим, Либах старался всеми силами противодействовать распространению в народных массах всяческих суеверий. Одно из его «Писем о химии», как раз посвящённое разоблачению измышлений о «самовозгорании» человеческих тел, было напечатано в «Химии и жизни» — в декабрьском номере 1980 года. В отличие от нашего известнца немецкий профессор счёл для себя обязательным детально разо-

браться в предмете, о котором писал. Он проанализировал около 50 случаев «самовозгорания» — практически все, о каких к его времени сообщалось в западноевропейской печати, а в расследовании одного такого «феномена» принял официальное участие как эксперт. Дело шло о гибели некоей графини, питавшей пристрастие к спиртному. Некоторые из участвовавших в следствии медиков утверждали, что графиня могла сгореть «сама собой». Юстус Либих не только опроверг вымысел, но и нашёл убийцу.

Возвращаясь к «Известиям», хочется всё же надеяться, что статья Сергея Лескова — это не загадка природы, а несчастный случай.

Журнал **Вестник** Online

Пришельцы

Одна из первых научных гипотез о посещении Земли в доисторические времена инопланетянами впервые была выдвинута в начале 1930-х гг. профессором Ленинградского университета и Ленинградского политехнического института Рыновым, одним из зачинателей авиационного дела в России, автором работ по реактивным двигателям, соратником основоположника научной базы российского самолётостроения Жуковского.

За десять лет до наступления космической эры московский писатель-фантаст Казанцев выдвинул предположение о том, что космическим кораблём инопланетян был взорвавшийся над сибирской тайгой «Тунгусский метеорит».

В 1959 году, вскоре после запуска первого спутника, астрофизик Шкловский обнаружил свою гипотезу об искусственном происхождении спутников планеты Марс.

И, наконец, в следующем, 1960 году появилась детально аргументированная гипотеза советского математика, астронома, физика-атомщика Агреста, предложившего материальные доказательства пребывания на Земле посланцев иных миров в далёком прошлом. Будучи глубоко засекреченным учёным, вследствие своей работы над ядерным оружием, Агрест в течение нескольких лет не имел возможности изложить свою гипотезу самостоятельно. И авторами первого изложения её, в силу ряда житейских обстоятельств, оказались два московских журналиста, опубликовавших 9 февраля 1960 года в «Литературной газете» сенсационную статью. Одним из этих журналистов был автор этих строк. Вот эта статья.

В смысле доброкачественности это была нормальная научная гипотеза. Какие ещё следы могли бы, в принципе, оставить инопланетные

пришельцы, если бы они посетили Землю, кроме следов в геологических образованиях (тектиты?), в древних пластах фольклора (Библия?), в древнейших сооружениях (Баальбек?)...

В общем, новые идеи были высказаны. Следовало поприветствовать их и попытаться либо доказать, либо опровергнуть. Но жизнь есть жизнь. А в жизни, кроме умных людей, есть не очень умные, кроме честных — не очень честные, кроме энтузиастов — опровергатели. Никто из них не обошёл вниманием столь увлекательную догадку о пришельцах. Умные люди дополняли предложенные Казанцевым, Шкловским, Агрестом гипотезы дельными соображениями, глупые — нелепыми. Честные люди называли вещи своими именами, а нечестные подделывали факты и выдавали желаемое за действительное. Энтузиасты шли в тунгусскую тайгу и посылали к Марсу космические зонды, а опровергатели спешили гасить пыл энтузиастов, утверждая, что никакого «Тунгусского чуда» не было и что «гости из космоса» — сказка для взрослых. Через неделю после появления в «Литературной газете» статьи «Следы ведут... в Космос?» в газете «Комсомольская правда» появилась статья Владимира Губарева и Михаила Ростарчука «Следы ведут в невежество».

Конечно, научи дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт. Абсурдно выводить от пришельцев египетские пирамиды, карты турецкого адмирала и православную церковь. И вполне возможно, что автор появившейся через несколько лет после появления гипотезы Агреста (и его американского единомышленника астронома Карла Сагана) книги «Воспоминания о будущем» и одноимённого фильма Дэнникен — просто мошенник. Но — Дарвин не ответчик за Гитлера, Эйнштейн — за Хиросиму, Маркс — за Пол Пота.

Гипотеза о пришельцах уже сослужила землянам неплохую службу. Поощрила массовый интерес к космическим исследованиям, столь важный для согласия миллионов налогоплательщиков с миллиардными затратами на космические аппараты, несколько десятилетий не дававшие прямой отдачи и только в конце XX века приведшие к созданию спутниковых систем сканирования земной атмосферы и поверхности, связи, телевидения, интернета.

Вполне возможно, что гипотезы о пришельцах никогда не удасться доказать. Вполне возможно, что все они окажутся опровергнутыми. Ну и что же? Разве не были признаны, в конце концов, несуществующими первоэлементы Аристотеля, флогистон Штала, эфир Декарта? Но своё место на лестнице познания есть у всех гипотез — как доказанных, так и опровергнутых дальнейшим развитием науки.

Библиография

Фантастика

В. Рич., М. Черненко. Сошедшие с неба: Науч.-фантаст. повесть / Рис. И.Оффенгендена. // Молодая гвардия, 1963, № 2. – С. 146-199; № 3. – С. 210-272.

В. Рич., М. Черненко. Мушкетеры: Фантаст. повесть / Примеч. ред.; Рис. В. Высоцкого. – М.: Дет. лит., 1964. – 174 с., ил.

Кассиопейские рассказы: Подвиг профессора Царта, С. 150; **Распределение**, С. 150-151; **Кек и кибер**, С. 151: Фантаст. юморески. // Наука и жизнь, 1964, № 2.

Короткие рассказы: Джек и кибер, С. 44; **Распределение**, С. 45. / Рис. Ю. Лычагина // Юный техник, 1965, № 9.

Горе от ума / Рис. В. Зуйкова // Химия и жизнь, 1966, № 11. – С. 62-63.

В. Рич., М. Черненко. Мушкетеры: Фантаст. повесть / Рис. А. Поливоды. – Киев.: Весёлка, 1967. – 248 с., ил. (на укр. языке).

Последний мутант: [Рассказ] / Рис. А. Гангалюки. – сб. «Фантастика, 1968», – М.: Мол. гвардия, 1969. – С.165-171.

Вася: Науч.-фантаст. рассказ / Рис. // Химия и жизнь, 1972, № 1. – С. 70-75.

Как оно было: Сказка / Рис. // Химия и жизнь, 1979, № 4. – С. 90-93.

[Проблема «Бррр»] Из кассиопейских текстов: [Юмореска] / Рис.[Г.Басырова] // Химия и жизнь, 1988, № 4. – С. 73.

Полмиллиона часов: [Рассказ] / Рис. // сб. «Посёлок на краю Галактики» – М.: Наука, 1989. – С. 250-270.

Как погибла цивилизация // Химия и жизнь, 1992, № 9. – С. 98-100.

Скинь мантилью, ангел милый (Стерлиговская речь барона Емельянова) (юмореска) // Завтра. Фантастический альманах. Пятый – М.: Текст, 1993. – С. 202-203.

Публицистика

В. Рич., М. Черненко. Сотый горизонт // Юность, 1958, 9 февраля.

В. Рич., М. Черненко. Следы ведут... в космос? // Литературная газета, 1960, 9 февраля.

Остановка немыслима // Химия и жизнь, 1969, № 1. – С. 84-85.

Водородный звездолёт // Химия и жизнь, 1969, № 6. – С. 83-84.

Быстрым движением он вынул из кармана... // Химия и жизнь, 1970, № 2. – С. 91-93.

Время пришло (*предисловие к рассказу Р. Брэдли «Тот, кто ждёт»*) // Химия и жизнь, 1971, № 3. – С. 64.

В. Рич, М. Абрамов. Первое письмо // Химия и жизнь, 1972, № 6. – С. 38-39.

Это была только одна часть (*послесловие к повести С. Гансовского «Часть этого мира»*) // Химия и жизнь, 1973, № 7. – С. 71-72.

Больше блага, чем зла (*послесловие к рассказу Р. Брэдли, «Я пою электрическое тело»*) // Химия и жизнь, 1975, № 3. – С. 95.

Скажи, что ты сделал... (*послесловие к повести К. Булычёва «Журавль в руках»*) // Химия и жизнь, 1976, № 6. – С. 86

Вселенная по Кесареву // Химия и жизнь, 1977, № 4. – С. 31-32.

«Что случится, если ничего не случится...» (*послесловие к «Экстелопедии Вестранда» С. Лема*) // Химия и жизнь, 1978, № 1. – С. 118-119.

Игрушки для взрослых (*послесловие к рассказу Р. Брэдли «Наказание без вины»*) // Химия и жизнь, 1979, № 6. – С. 93.

Фантастика ближнего боя (*послесловие к рассказу Дж. Блиша «День статистика»*) // Химия и жизнь, 1980, № 3. – С. 93.

Не в луне дело (*послесловие к рассказу М. Лейстера «Замочная скважина»*) // Химия и жизнь, 1980, № 10. – С. 91.

Отзыв — «Ответственность»! (*послесловие к рассказу А. Азимова «Окончательный ответ»*) // Химия и жизнь, 1982, № 5. – С. 92.

Вторая жизнь мамонта, или Откуда у Горыныча хобот // Химия и жизнь, 1986, № 7. – С. 69-73.

Методика заглядывания за горизонт (*предисловие к «Лоции будущих открытий» Г. Гуревича*) // Химия и жизнь, 1991, № 6. – С. 74-75.

И снова в путь (*послесловие к «Изгнанию» М. М. Агреста*) // Химия и жизнь, 1993, № 1. – С. 58.

Несчастный случай или загадка природы? // Химия и жизнь, 1994, № 12. – С. 45.

Пришельцы // Вестник online, 2003, № 17(328), 20 августа.

Оглавление

Мушкетёры. Научно-фантастическая повесть	5
Часть первая	6
Часть вторая	38
Часть третья	67
Часть четвёртая	108
Часть пятая	133
Кассиопейские рассказы	160
Предисловие переводчика	160
Распределение	160
Подвиг профессора Царта	161
Кек и кибер	162
Горе от ума	163
У попа была собака	166
А что потом?	167
Образумились	168
Первый визит	168
Как оно было	169
Проблема «Бррр»	173
Фантастические рассказы	175
Последний мутант	175
Вася	181
Полмиллиона часов	190
Как погибла цивилизация	206
Скинь мантилью, ангел милый	209

Публицистика.....	212
Сотый горизонт	212
Следы ведут... В космос?	227
Остановка немыслима	230
Водородный звездолёт	233
Быстрым движением он вынул из кармана	236
Время пришло	241
Первое письмо	241
Это была только одна часть	243
Больше блага, чем зла	244
Скажи, что ты сделал... ..	244
Вселенная по Кесареву	245
«Что случится, если ничего не случится...»	248
Игрушки для взрослых	250
Фантастика ближнего боя	251
Не в луне дело	252
Отзыв — «Ответственность»!	252
Вторая жизнь мамонта, или Откуда у Горыныча хобот	253
Методика заглядывания за горизонт	261
И снова в путь	263
Несчастный случай или загадка природы?	264
Пришельцы	266
Библиография.....	268